

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

ЛИНГВИСТИКА В ГОДЫ ВОЙНЫ: ЛЮДИ, СУДЬБЫ, СВЕРШЕНИЯ

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Санкт-Петербург
«Наука»
2005

УДК 81
ББК 81:63.3 (2) 622
Л 59

Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции, посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. 2005. 331 с.
ISBN 5-02-027048-2

Оргкомитет конференции

доктор филол. наук Н. Б. Вахтин;
доктор филол. наук А. П. Володин;
член-корр. РАН Н. Н. Казанский – председатель;
кандидат филол. наук Е. Р. Крючкова;
доктор филол. наук А. Ю. Русаков;
доктор филол. наук Ф. П. Сороколетов.

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проводится при поддержке РГНФ (грант № 05-04-14049г)

Издание подготовлено при поддержке
гранта Президента Российской Федерации № НШ-697. 2003. 6
«Школа сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Л. А. Вербицкая, Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

Издание осуществлено с оригинал-макета, подготовленного в ИЛИ РАН

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2001 г.
Подписано к печати 01. 04. 05 г. Формат 60х90/16. Тираж 300 экз.
Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН.
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.
ООО «Копи-Р». Санкт-Петербург, ул. Пестеля, 11.

ISBN 5-02-027048-2

© Коллектив авторов, 2005

© ИЛИ РАН, 2005

**ИНСТИТУТЫ АКАДЕМИИ НАУК
В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

А. Н. Анфертьева

**ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ИМ. Н.Я.МАРРА АН СССР
(ныне Институт лингвистических исследований РАН)
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И БЛОКАДЫ**

1. Немного предыстории
2. Институт языка и мышления перед войной.
3. Начало войны и блокады
4. Сокращение штатов
5. Руководство ленинградскими учреждениями
6. Руководство ИЯМ
7. Научная работа в 1941 г.
8. 1942 год. Эвакуация
9. Ленинградская группа ИЯМ
10. Реевакуация
11. Ремонтно-восстановительные работы
12. Награждения
13. ИЯМ к концу 1945 г.
14. Незавершенный памятник ученым Ленинграда

1. Немного предыстории

Существующему ныне Институту лингвистических исследований в 2006 году исполнится 85 лет. Институт является преемником Ленинградского отделения Института языкознания, существовавшего с 1956 г. Создание же ЛО ИЯ было результатом ряда реорганизаций и переименований учреждения, которое за 35 лет до этого задумал организовать и организовал академик Н. Я. Марр: Институт яфетидологических изысканий.

В документах Институт впервые встречается 29 июня 1921 года, когда Н. Я. Марр на заседании Отделения исторических наук и филологии РАН выступил с предложением «об оборудовании при Академии наук Яфетидологиче-

ского института»¹. 12 августа того же года Научно-политическая секция Государственного Ученого совета Наркомпроса утвердила проект учреждения при РАН Института яфетидологических изысканий (ИЯИ), а 7 сентября утверждено «Положение» об Институте.

Согласно «Положению», Институт учреждался «для изучения яфетических языков первоначального заселения Европы в реликтовых чистых видах и новообразования скрещенных с ними типов речи, и для разработки общей теории скрещения языков». При институте предполагались научно-вспомогательные учреждения: кабинет экспериментальной фонетики, «специальная рабочая библиотека» и «архив яфетидологических знаний». Штатный состав устанавливался следующий: академик-руководитель, два члена Совета Института, два ученых сотрудника, по два научных сотрудника 1-й и 2-й категорий².

ИЯИ был одним из трех новых институтов, организованных в составе РАН в 1921 году, и единственным гуманитарным из них. Размещался он первоначально в одной из комнат квартиры Марра в академическом доме (Васильевский остров, 7-я линия, дом 2).

В начале сентября 1922 г. Совет Института принял решение о необходимости изменения его названия, в связи «с неудобствами от пространности наименования как в сношениях своих, так и при переводе его на иностранные языки». 13 сентября Отделение исторических наук и филологии РАН согласилось с этим доводом и постановило: переименовать Институт яфетидологических изысканий в Яфетический институт³.

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – ПФА РАН). Ф. 1. Оп. 1а. Д. 169. Л. 236об.

² Там же. Л. 256–256об.

³ Там же. Д. 171. Протокол заседания ОИНФ от 13.09. 1922, § 147.

Штатный состав Института постепенно увеличивался за счет сотрудников, принятых на полставки (В. В. Струве, И. Г. Франк-Каменецкий, К. Д. Дондуа, В. А. Брим), Н. С. Державин, С. А. Жебелев и многие другие являлись нештатными сотрудниками. Кроме того, было несколько консультантов (Б. Я. Владимирцов, А. А. Фрейман и др.). К началу 1925 г. Институт уже имел структуру: «секции палеонтологическую, диалектологическую, диалектическую или живых яфетических литературных языков, с двумя подсекциями: а) архаических письменных языков – клинописных и б) древних и новых литературных языков – грузинского, армянского и баскского. Внутри секций образовались небольшие группы: по анализу мифов и литературных сюжетов, по изучению жилищных терминов, по изучению числительных, по собиранию чувашских жилищных терминов»⁴.

4 апреля 1930 г. Яфетический институт утвержден в списке учреждений, подведомственных Отделению гуманитарных наук АН СССР.

13 июня 1931 г. Президиум АН принял постановление о преобразовании Яфетического института. Функции и штаты Института существенно расширились. Ему предполагалось передать все работы в области языковедения, которые велись в то время в Институте востоковедения и Институте славяноведения. Тогда же решили упразднить Комиссию по русскому языку⁵ как самостоятельное учреждение. Она должна была войти в структуру Яфетического института, где предусматривался Отдел по изучению русского языка⁶.

⁴ Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925. Л., 1986. С. 222.

⁵ Комиссия по русскому языку (КРЯЗ) образована 20 декабря 1929 г. из слияния трех академических комиссий: Словарной, по составлению «Словаря русского языка»; Московской диалектологической и Комиссия по подготовке материалов для «Словаря русского языка»).

⁶ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1931). Д. 1. Л. 40.

Преобразованному таким образом институту требовалось новое название, в соответствии с расширением функций. Сначала предполагалось назвать его «Лингвистический институт», это наименование проходит по многим документам, связанным с реорганизацией. Но постановлением Отделения общественных наук АН СССР от 6 октября 1931 г. утверждено название «Институт языка и мышления» (ИЯМ). 29 октября Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР согласился с представлением АН СССР о преобразовании и переименовании Института.

В ноябре 1933 г., в ознаменование 45-летия научной деятельности акад. Н. Я. Марра, Институту языка и мышления присвоено его имя.

В 1934 г. структура ИЯМ была следующей: Кабинет общего языкознания, Кабинет славянский языков и комиссия древнерусского словаря, Кабинет кавказских языков, Кабинет индо-иранских языков, Кабинет семито-хамитских языков, Группа африканских языков, Группа германских языков, Группа финно-угорских языков, Группа турецких языков, Сектор устной литературы первобытного общества, Кружок по диалектическому материализму.

При переводе Академии наук в Москву ИЯМ, как практически все гуманитарные учреждения, остался в Ленинграде.

Летом 1935 г. ИЯМ обратился в Президиум АН с ходатайством о создании в Институте нового структурного подразделения – Романо-германского кабинета. 25 июля 1935 г. Президиум АН утвердил ходатайство⁷.

29 октября 1937 г. Президиум АН принял решение об объединении Турецкого кабинета Института востоковедения

⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 2(1935). Д. 1. Л. 216.

ния с Турецким кабинетом ИЯМ, чтобы отныне все работы по этой линии велись в ИЯМ⁸.

В 1938 г., когда изменилась структура Академии наук, ИЯМ был утвержден в составе Отделения литературы и языка.

К началу Великой Отечественной войны в Ленинграде работали 14 научных институтов Академии наук СССР. Из них по Отделению литературы и языка – три: Институт литературы, Институт языка и мышления и Институт востоковедения⁹. Из 16 академиков, являвшихся тогда членами ОЛЯ, в трех ленинградских институтах работали 12; из 25 членов-корреспондентов – 14¹⁰.

2. Институт языка и мышления перед войной

По данным официальной анкеты, составленной для Василеостровского райкома ВКП(б) и подписанной И. И. Мещаниновым, в ИЯМ на 1 января 1941 г. числились 191 сотрудник (из них 10 аспирантов и 63 нештатных), в том числе 95 женщин (из них 5 аспирантов)¹¹. По данным подобной анкеты на 1 июля того же года в Институте числилось уже всего 116 сотрудников¹².

Функции Института в анкете сформулированы следующим образом: «Теоретическое языкознание и изучение отдельных национальных языков и диалектов. Помощь местам в составлении грамматик и словарей, а также в подготовке и повышении квалификации кадров»¹³.

⁸ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 208. Л. 79.

⁹ Список ленинградских институтов на 1 октября 1940 г. см.: ПФА РАН. Ф. 929. Оп. 1. Д. 266. Л. 72–84.

¹⁰ Кольцов А. В. Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. СПб., 1997. С. 63.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1941). Д. 1. Л. 3.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 2.

Институт размещался в Главном здании Академии наук в Ленинграде, на Университетской набережной, дом. 5. Словарный отдел находился отдельно, в здании Института литературы на Тучковой набережной, дом. 2.

Организационная структура Института показывает, какой широкий круг научных направлений в области языкознания разрабатывался в то время. Приводим здесь полностью список сотрудников на 1 января 1941 г. (по структурным подразделениям)¹⁴.

Дирекция

1. Мещанинов Иван Иванович, директор
2. Бархударов Степан Григорьевич, заместитель директора
3. Быховская Софья Львовна, ученый секретарь, ст. науч. сотр.

Сектор русского и других славянских языков

1. Ляпунов Борис Михайлович, зав. сектором

Кабинет современного русского языка

2. Щерба Лев Владимирович, зав. кабинетом
3. Перепелкин Сергей Сергеевич, ст. науч. сотр.
4. Коротаева Элеонора Иосифовна, ст. науч. сотр.
5. Браве Лидия Яковлевна, и. о. ст. науч. сотр.
6. Истрина Евгения Самсоновна, ст. науч. сотр.
7. Виноградов Виктор Владимирович, ст. науч. сотр.
- Улитин Алексей Николаевич, ст. науч. сотр. (внесен в список с 13.02.41 г.)

Кабинет истории русского языка

8. Обнорский Сергей Петрович, зав. кабинетом
9. Никулин Александр Степанович, ст. науч. сотр.

¹⁴ Там же. Д. 8. Л. 20–39.

10. Улитин А. И. ст. науч. сотр. (до 13.02)

Кабинет диалектологии

11. Филин Федот Петрович, ст. науч. сотр.
12. Мальцев Михаил Дмитриевич, ст. науч. сотр.
13. Синельникова Наталья Петровна, мл. науч. сотр.
14. Гринкова Надежда Павловна, и. о. ст. науч. сотр.

Кабинет славянских языков

15. Чернобаев Виктор Григорьевич, ст. науч. сотр.
16. Колесников Емельян Григорьевич, ст. науч. сотр.
17. Лавров Борис Викторович, и. о. ст. науч. сотр.
18. Зарин Иван Иванович, мл. науч. сотр.

Словарь современного русского языка

1. Чернышев Василий Ильич, зав. Словарным отделом
2. Абабков Павел Кузьмич, и. о. ст. науч. сотр., учен. секретарь Словарного отдела и ДРС
3. Порецкая Рахиль Эзровна, и. о. ст. науч. сотр.
4. Советов Сергей Сергеевич, и. о. ст. науч. сотр.
5. Фалев Иван Александрович, и. о. ст. науч. сотр.
6. Ляпунова Людмила Сергеевна, и. о. ст. науч. сотр.
7. Павленко Людмила Варламовна, мл. науч. сотр.
8. Лемберик Изабелла Григорьевна, мл. науч. сотр.
9. Шипова Елизавета Николаевна, мл. науч. сотр.
10. Махонина Александра Ивановна, мл. науч. сотр.
11. Цунзер Зоя Абрамовна, мл. науч. сотр.
12. Зборовский Иван Кириллович, ст. науч. сотр.
13. Синюхаев Георгий Титович, мл. науч. сотр.
14. Северинова Юлия Макаровна, ст. науч.-техн. сотр.
15. Колюбакина Наталья Ивановна, мл. науч. сотр.
16. Штерн Лидия Абрамовна, мл. науч. сотр.
17. Сквирская Роза Израилевна, ст. науч.-техн. сотр.

18. Дзэн Екатерина Ивановна, науч.-техн. раб. картотеки

19. Чеховер Цецилия Иосифовна, библиотекарь I разр.
20. Давидович Ольга Георгиевна, мл. науч. сотр.
21. Семериков Александр Васильевич, мл. науч. сотр.
22. Терновская Анастасия Ивановна, науч.-техн. сотр.
23. Филиппов Николай Николаевич, и. о. ст. науч. сотр.
24. Берков Павел Наумович, и. о. ст. науч. сотр.
25. Лившиц Донара Давыдовна, науч.-техн. сотр.
26. Гитлиц Фанни Марковна, мл. науч. сотр.
27. Виноградов Георгий Семенович, и. о. ст. науч. сотр.
28. Родэ Николай Николаевич, мл. науч. сотр.
29. Яковлева Нина Петровна, мл. науч. сотр.
30. Андреев Федот Александрович, мл. науч. сотр.
31. Виноградов Виктор Николаевич, мл. науч. сотр.
32. Линдрос Ирья Яковлевна, науч.-техн. сотр.
33. Бляхер Елизавета Израилевна, науч.-техн. сотр.
34. Фишкис Елена Абрамовна, науч.-техн. сотр.
35. Берлин Сергей Абрамович, ст. науч.-техн. сотр.
36. Клеман Михаил Карлович, и. о. ст. науч. сотр.
37. Криштофович Африкан Николаевич, и. о. ст. науч. сотр.
38. Владимирцева Л. Н., мл. науч. сотр. (временно на 1/1-41 считать в штате)

Древне-русский словарь

1. Ларин Борис Александрович, зав. ДРС, ст. науч. сотр.
2. Иссерлин Евгения Марковна, мл. науч. сотр.
3. Чернявская Софья Львовна, мл. науч. сотр.
4. Смирнова Антонина Сергеевна, ст. науч.-техн. сотр.
5. Котович Алексей Николаевич, и. о. ст. науч. сотр.

6. Гейрманс Георгий Логинович, мл. науч. сотр.
7. Коплан Борис Ивович, и. о. ст. науч. сотр.
8. Геккер Стелла Федоровна, мл. науч. сотр., редактор
9. Успенский Лев Васильевич, и. о. ст. науч. сотр.
10. Богородский Борис Леонидович, и. о. ст. науч. сотр.

Кабинет кавказских яфетических языков

1. Дондуа Карпез Дариспонович., зав. кабинетом, ст. науч. сотр.
2. Бокарев Анатолий Алексеевич, ст. науч. сотр.
3. Муркелинский Гаджи Бадогиевич, ст. науч. сотр.
4. Шаумян Рафаэль Михайлович, ст. науч. сотр.
5. Турчанинов Георгий Федорович, ст. науч. сотр.

Индо-иранский кабинет

1. Абаев Василий Иванович, зав. кабинетом, ст. науч. сотр.
2. Зарубин Иван Иванович, ст. науч. сотр.
3. Вильчевский Олег Людвигович, ст. науч. сотр., секретарь кабинета
4. Цукерман Исаак Иосифович, ст. науч. сотр.

Финно-угорский кабинет

1. Чхайдзе Михаил Павлович, ст. науч. сотр.
2. Майшев Иван Иванович, ст. науч. сотр.
3. Якубинская Эрика Антоновна, ст. науч. сотр.
4. Латикайнен Екатерина Петровна, и. о. ст. науч. сотр.
5. Бубрих Дмитрий Владимирович, зав. кабинетом, ст. науч. сотр.
6. Емельянов Аркадий Иванович, и. о. ст. науч. сотр.

Кабинет африканских языков

1. Юшманов Николай Владимирович, ст. науч. сотр.

2. Снегирев Игорь Леонтьевич, ст. науч. сотр., секретарь кабинета
3. Алексеев Петр Андреевич, ст. науч.-техн. сотр.

Кабинет языков народов Севера

1. Аврорин Валентин Александрович, зав. кабинетом, ст. науч. сотр.
2. Пырерка Антон Петрович, мл. науч. сотр.
3. Горцевская Вера Августовна, и. о. ст. науч. сотр.

Турецкий кабинет

1. Малов Сергей Ефимович, зав. кабинетом, ст. науч. сотр.
2. Убрятва Елизавета Ивановна, ст. науч. сотр.

Романо-германский кабинет

1. Шишмарев Владимир Федорович, зав. кабинетом, ст. науч. сотр.
2. Десницкая Агния Васильевна, ст. науч. сотр.
3. Кацнельсон Соломон Давыдович, ст. науч. сотр.
4. Будагов Рубен Александрович, ст. науч. сотр.
5. Ярцева Виктория Николаевна, и. о. ст. науч. сотр.

Кабинет семито-хамитских языков

1. Гитлиц Марк Моисеевич, ст. науч. сотр.
2. Лившиц Исаак Григорьевич, ст. науч. сотр.

Кабинет классических языков

1. Жебелев Сергей Александрович, академик
2. Толстая Софья Венедиктовна, и. о. ст. науч. сотр.

Административно-хозяйственный отдел по штатному расписанию включал 18 человек. Там, кроме заведующего отделом и сотрудников бухгалтерии, было все, что нужно

для нормального функционирования научного учреждения: секретарь директора, заведующий канцелярией, заведующий кладовой, кассир, стенографистка, 3 машинистки, 2 курьера, 2 гардеробщика, 2 уборщицы, истопница.

В первой половине 1941 г. произошло два изменения в структуре Института. 13 февраля был создан Кабинет балтийских языков для исследования языков: литовского, латышского и латгальского в составе: Б. А. Ларин (заведующий), И. И. Зарин (младший научный сотрудник) и С. И. Груздева (аспирантка). К участию в работе Кабинета «привлекаются» (так в приказе) старшие научные сотрудники Д. В. Бубрих и М. М. Гитлиц. Б. А. Ларин оставался заведующим ДРС. В тот же день Кабинет истории русского языка и Кабинет диалектологии¹⁵ объединены в один «в целях установления более тесной связи между изучением русского языка и диалектологии»¹⁶.

3. Начало войны и блокады

23 июня 1941 г. был объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных». В Ленинграде и области мобилизации подлежали мужчины, родившиеся с 1905 по 1918 г. включительно¹⁷. На следующий день появился первый приказ по ИЯМ о мобилизации военнообязанных. Первым мобилизованными стали М. Я. Канторович (зав. административно-хозяйственным отделом), Б. А. Цинман (младший научный сотрудник Древнерусского словаря) и М. П. Чхаидзе (старший научный сотрудник Кабинета финно-угорских языков)¹⁸. В приказе от 10 июля перечислены «ушедшие в Красную Армию

¹⁵ В приказе он назван «кабинет по изучению русских народных говоров».

¹⁶ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1941). Д. 37. Л. 117, 118.

¹⁷ Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1941 г. № 26. С. 1.

¹⁸ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1941). Д. 37. Л. 63.

в качестве добровольцев» 15 сотрудников: А. А. Бокарев, О. Л. Вильчевский, И. И. Зарин, С. Д. Кацнельсон, М. Д. Мальцев, А. П. Могиланский, Г. Б. Муркелинский, А. С. Никулин, А. П. Пырерка, С. С. Перепелкин, И. Л. Снегирев, А. Таимов, Ф. П. Филин, И. И. Цукерман, С. С. Советов¹⁹.

16 июля 1941 г. Совет по эвакуации при Совнарком СССР принял решение об эвакуации учреждений Академии наук из Ленинграда. Первоначально предполагалось разместить их в Томске, затем в качестве места эвакуации была выбрана Казань.

К эвакуации готовились все академические учреждения. Однако подготовка велась медленно. Летом 1941 г. организованно эвакуировались из Ленинграда только три института (Физико-технический, Радиевый и Институт химической физики). 22 июля в специальном вагоне в пансионат Боровое Акмолинской области выехали вместе с семьями академики А. П. Баранников, С. Н. Бернштейн, Б. М. Ляпунов, А. С. Орлов, А. И. Тюменев, А. Е. Фаворский и член-корреспондент Л. С. Берг²⁰.

В первой половине августа эвакуация научных учреждений была временно остановлена, чтобы вывезти из Ленинграда промышленные предприятия и учебные заведения. После 8 сентября эвакуация стала уже невозможной. Вывозились лишь отдельные группы ученых, в основном на самолетах. Не все хотели уезжать. Например, академики Л. А. Орбели, П. И. Степанов и И. И. Мещанинов оставили Ленинград лишь в октябре 1941 г., когда были «отозваны» специальным распоряжением правительства²¹. С. А. Жебелев и Н. С. Державин в сентябре выехали на машине на аэ-

¹⁹ Там же. Л. 55.

²⁰ Кольцов А. В. Ленинградские учреждения... С. 94.

²¹ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 18. Д. 10. Л. 11.

родром, но вернулись обратно, так как началась бомбежка аэродрома. Жебелев после этого отказался уезжать.

В заблокированном городе оставалось около 2000 сотрудников Академии наук (не считая обслуживающий персонал), в том числе 12 академиков и 15 членов-корреспондентов²². А уже в ночь с 10 на 11 сентября на здания Зоологического института и Библиотеки Академии упали первые зажигательные бомбы. Жизнь научных учреждений перестраивалась на военный лад.

4. Сокращение штатов

С начала войны во всех академических учреждениях началось сокращение штатов²³. Штат сотрудников ИЯМ на 1 августа утвержден в количестве 121 человек. 17 августа – первое массовое увольнение «в связи с новым штатным расписанием». Уволены 21 человек, из них 15 научных сотрудников (в том числе старшие научные сотрудники П. Н. Берков, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, И. И. Зарубин, Э. И. Коротаева, В. Н. Ярцева и др.), зам. главного бухгалтера, одна уборщица²⁴. Тогда же отчислены 9 нештатных сотрудников. В дальнейшем уволены практически все нештатные сотрудники и выборщики по разным отделам. Сокращение коснулось особенно Словарного отдела, откуда шли массовые увольнения с формулировкой «в связи с сокращением объема работы». Аспиранты отчислялись и отправлялись в приславшие их учреждения. По данным на 1 октября 1941 г. в ИЯМ оставалось пять аспирантов: В. С. Расторгуева, В. И. Завьялова, А. П. Конусов, И. И. Зарин, А. Н. Могиланский (аспирант без отрыва от производства)²⁵.

²² Кольцов А. В. Ленинградские учреждения... С. 99.

²³ Не подверглись сокращению штаты только одного академического учреждения: Архива.

²⁴ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1941). Д. 37. Л. 32–34.

²⁵ Там же. Д. 43. Л. 30.

Приказом № 86 «зам. директора ИЯМ проф. С. Г. Бархударов, в связи с временным сокращением штатов, временно отчисляется с 1-го октября из штата Института с сохранением должности члена главной редакции Древнерусского словаря на договорных началах, с выдачей компенсации за неиспользованный отпуск и с выходным пособием»²⁶.

8 октября, в связи с очередным новым штатным расписанием, уволены «без выдачи выходного пособия» еще 14 человек, среди них В. Д. Бубрих, В. Г. Чернобаев, Б. В. Лавров²⁷. Многие увольнялись, уезжая с семьями в эвакуацию (например, 4 сентября уволен по собственному желанию Н. В. Юшманов, эвакуировавшийся с семьей²⁸). В списке сотрудников ИЯМ, составленном на 10 октября, значится 49 человек (среди них И. И. Мещанинов, Л. В. Щерба, С. Е. Малов, В. Ф. Шишмарев)²⁹. В конце октября Совет по эвакуации при Совнаркомом разрешил Президиуму Академии наук вывезти из города 1100 научных сотрудников с семьями. В списке сотрудников ИЯМ на 15 ноября значится всего 34 человека. Тогда в Институте оставался единственный доктор наук (К. А. Пушкаревич) и 17 кандидатов наук³⁰.

5. Руководство ленинградскими учреждениями

Руководство ленинградскими учреждениями АН СССР первоначально осуществляла Ленинградская группа членов Президиума АН. Ее возглавляли Л. А. Орбели, П. И. Степанов и И. И. Мещанинов. Первое заседание они провели 25 августа. В октябре, после их эвакуации, руководителем стал С. А. Жебелев. 21 октября Группы преобразована в

²⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 18. Д. 37. Л. 16.

²⁷ Там же. Ф. 77. Оп. 1(1941). Д. 37. Л. 11–12.

²⁸ Там же. Л. 22.

²⁹ Там же. Д. 43. Л. 1–4.

³⁰ Там же. Д. 8. Л. 9–10.

Комиссию по делам ленинградских учреждений АН. С конца декабря 1941 г., после смерти С. А. Жебелева, работой Комиссии руководил академик И. Ю. Крачковский. Он выехал из Ленинграда предпоследним из академиков, 25 июля 1942 г. В блокадном городе оставался только физиолог А. А. Ухтомский, скончавшийся 31 августа 1942 г.

Комиссия по делам ленинградских учреждений АН регулярно, 2–3 раза в неделю, проводила заседания, на которых обсуждались организационные вопросы и заслушивались научные доклады. И. Ю. Крачковский характеризовал ее работу следующим образом: «Значение этой Комиссии, единого связующего звена всех ленинградских учреждений Академии, было очень велико, хотя функции ее мало дифференцировались: она брала на себя, в зависимости от обстоятельств, в нужных случаях решение и научных, и организационных и, в особенности, бытовых вопросов, обыкновенно в очень трудных условиях. Она старалась в меру своих возможностей поддержать и научную работу, и сохранить в целостности богатые фонды академических учреждений, и спасти наличные кадры работников как входивших в их состав, так и оставшихся в Ленинграде по различным обстоятельствам без поддержки»³¹.

6. Руководство Института языка и мышления

После эвакуации И. И. Мещанинова директором стал академик С. А. Жебелев. Первый раз его подпись появляется под приказом № 91 от 23 октября 1941 г.³² Постановлением Комиссии по делам Ленинградских учреждений АН СССР от 16 января 1942 г. исполняющим обязанности директора утверждена Евгения Самсоновна Истрина, стар-

³¹ Цитируется по рукописи: Кольцов А. В. «Академия наук в годы Великой отечественной войны» (ПФА РАН. Ф. 929. Оп. 4. Д. 35. Л. 52–53).

³² ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1941). Д. 37. Л. 8.

ший научный сотрудник Кабинета современного русского языка³³. После ее эвакуации постановлением той же Комиссии от 19 февраля 1942 г. исполняющим обязанности директора утверждена Людмила Сергеевна Ляпунова, и. о. старшего научного сотрудника Словарного отдела³⁴. 27 марта того же года она умерла, и исполняющим обязанности директора стала Э. А. Якубинская, старший научный сотрудник Финно-угорского кабинета. После эвакуации Института в Казань она осталась в Ленинграде «в качестве уполномоченного Института»³⁵. Весной 1944 г. в Ленинград вернулся академик С. П. Обнорский, ставший заместителем директора ИЯМ. В сентябре 1944 г. вернулся директор И. И. Мещанинов.

7. Научная работа в 1941 году

С началом войны работа всех академических учреждений была прежде всего ориентирована на помощь фронту. Гуманитарные учреждения не могли заниматься проблемами размагничивания кораблей, радиолокацией, лечением травматического шока или изготовлением витаминов из хвои. Но и сотрудники ИЯМ стали работать по заданиям военных организаций. Они выполняли специальные задания Геодезической части Ленинградского военного округа по транскрипции топонимов на военных картах, составляли военные разговорники и словари (Е. С. Истрина, Б. А. Ларин, С. С. Советов, Э. А. Якубинская и другие).

В архиве Института сохранились отчеты за 3-й квартал 1941 года. В этот период многие сотрудники были заняты на оборонно-строительных работах, несли дежурства по ПВО, посещали занятия по программе Всевобуча по рабо-

³³ Там же. Оп. 1(1942). Д. 9. Л. 3.

³⁴ Там же. Л. 7.

³⁵ Там же. Л. 28. Об Э. А. Якубинской см. ниже.

чему отряду Академии наук. Работы по плановым темам продолжались лишь в остававшееся время.

Перед войной Словарный отдел подготовил проект «Словаря современного русского языка». Первый том был уже набран, сдан в печать второй том и в значительной степени подготовлен третий том. В отчете Словарного отдела за 3-й квартал, составленном И. А. Фалевым, перечислены проведенные работы: чтение 2-й корректуры 1-го тома; включение дополнительных статей и внесение изменений в текст 2-го тома согласно с замечаниями рецензентов на разосланные отрезки словаря; окончательная лексикографо-техническая редакция 2-го тома; редактирование отрезков 1–21 3-го тома и предварительное чтение членами редакции еще 12 отрезков; обработка в рабочей редакции отрезков (31–35, 69–72, 75) 3-го тома; составление словарных статей для 4-го и 5-го томов (6 отрезков); составление справочного отдела к 3-му тому³⁶.

Под руководством С. П. Обнорского и Б. А. Ларина велась подготовка словаря древнерусского языка. Отчет ДРС за 3-й квартал, составленный Б. А. Лариным 30 октября, приведем дословно.

«Начиная с июля м-ца нормальная работа ДРС была нарушена по следующим основным причинам:

1) Начались оборонно-строительные работы по гражданской трудовой повинности, в которых должны были участвовать в обязательном порядке в разные сроки 6 (шесть) сотрудников ДРС: С. Л. Чернявская, С. Ф. Геккер, А. П. Евгеньева, Г. Л. Гейерманс, Б. Л. Богородский и Б. М. Коплан; из них Богородский работал по трудовым обязанностям 57 дней, Коплан – 36 дней, Гейерманс – 24 дня, Чернявская и Геккер – по 14 дней.

2) Прошли сокращения штатов ИЯМ, в силу чего были отчислены с середины августа штатные сотрудники ДРС:

³⁶ Там же. Оп. 1(1941). Д. 38. Л. 48.

Б. А. Цинман, С. Л. Чернявская, А. П. Евгеньева, А. С. Смирнова и С. Ф. Геккер. В первые же дни войны отчислены договорные редактора П. А. Садиков и Л. В. Успенский и договорной научно-технич. сотрудник П. Ф. Кузнецов.

Кроме того, все оставшиеся в штате ДРС сотрудники несли через день – через два обязательные дежурства по ПВО, два сотрудника (Гейерманс и Коплан) с конца сентября начали ежедневные занятия по программе Всеобуча по рабочему отряду Академии наук, а Коплан, кроме того, прошел 40-часовые районные курсы ПВХО.

Зав. ДРС Б. А. Ларин около 1½ мес. выполнял специальные оборонные работы в штабе действующей Красной Армии сев.-зап. фронта.

Таким образом, план работы ДРС на 3-й квартал, рассчитанный на продукцию 11 редакторов, не мог быть выполнен по указанным основаниям силами 5 редакторов.

За июль-сентябрь по редакторской работе выполнено 12 авторских листов (5500 словарных карточек) по II тому ДРС (начиная с буквы В).

Выборки для картотеки ДРС не продолжались ввиду полного исчерпания ассигнования в первом полугодии.

Работа Главной редакции прекратилась в связи с отъездом председателя Главной редакции академика С. П. Обнорского»³⁷.

План работы ДРС на 4-й квартал, составленный Б. А. Лариным, выглядит следующим образом:

«Запроектировано 10 авторских листов II тома ДРС (буква В) из расчета ок. 1 листа на каждого из трех оставшихся в штате редакторов (1 редактор – И. И. Матвеев уволен по сокращению штатов 8/Х, 1 редактор – Б. Л. Богородский переведен тогда же на половинный оклад с половинным рабочим днем).

³⁷ Там же. Л. 50–50об.

С 5 ноября должна возобновиться работа Главной редакции с привлечением к обсуждению подготовленных листов ДРС всего наличного состава редакторов.

Параллельно с этим возобновляется переписка на машинке и подготовка к печати очередных листов II тома ДРС.

Выполнение намеченного плана будет зависеть от того, не будут ли сотрудники ДРС посылаемы на оборонные или иные какие специальные работы, а также насколько будут обеспечены для наличных сотрудников ДРС терпимые физические условия работы»³⁸.

Отчет о работы Синтаксической группы грамматики современного русского языка составила ее руководитель Е. С. Истрина. Она также отметила, прежде всего, «условия военного времени». Ей была поручена внеплановая работа по составлению текстов военного разговорника и военного словаря (работа закончена в августе) По плану она «продолжала работу над определениями, но этот раздел не закончен и не оформлен (как намечалось в годовом плане)». С. С. Перепелкин ушел в армию, Э. И. Коротаяева уволена по сокращению штатов. А. Н. Улитин длительное время был занят «работами на окопах», по плановой теме «обрабатывал материалы дательного падежа; план выполнен частично». Кроме него в Группе осталась только одна сотрудница, Л. Я Браве, которая «продолжала работу над причастными оборотами (их классификация, стилистические функции), а также над обособленными определениями». «Работа по выборкам сильно сократилась, а с половины августа совсем прекратилась»³⁹.

Кабинет кавказских яфетических языков работал в составе трех старших научных сотрудников (из пяти к началу войны).

³⁸ Там же. Л. 49.

³⁹ Там же. Л. 60–60об.

К. Д. Дондуа «разрабатывал ряд грамматических вопросов, связанных с проблемой структурных взаимоотношений кавказских яфетических языков и отдельных их групп» Подготовил статью «Из грузинской грамматической литературы», подготовил и прочел в Кабинете доклад «Кабардинская форма активного или эргативного падежа в сванском», подготовил доклад «Направительный падеж в картвельских языках», приступил к составлению первой части грузинско-русского словаря (части букв А и Б) в количестве около тысячи карточек, а также проверил и привел в порядок около двух тысяч карточек-выборок, составленных договорным работником по трем грузинским авторам нач. XIX в. для Грузинского словаря». С октября он «возобновил сванские штудии, имея в виду значительно расширить исследовательскую и текстовую (словарную) части работы по сванской диалектологии».

Г. Ф. Турчанинов почти весь август был занят подготовкой библиотеки Института к эвакуации (отбор книг, инвентаризация и упаковка). В том же месяце закончил статью «Малоизвестная русская поэма о восстании 1822 г. в Кабарде» объемом в полтора листа. Плановая тема по подготовке к публикации «кабардинской грамматики 1843 г. Шоры Бек Мурзы Ногма» отложена, так как требует работы в архивах Грузии. Поэтому в сентябре он работал над «Очерками по диалектологии кабардинского языка». Полностью написал главу «Язык моздокских кабардинцев» (два с половиной листа) и подготовил картотеку для главы «Кабардинский глоссарий 1688 г. д-ра Дрешера (к истории моздокского диалекта)». В октябре написал по этой теме три печатных листа из пяти предполагаемых. В октябре же прочел в Кабинете доклад о языке моздокских кабардинцев.

Р. М. Шаумян начерно закончил «Грамматический очерк лезгинского гильского диалекта» со словарем, объе-

мом около 8 печатных листов. Работу по этой теме пришлось остановить «ввиду ухода в Кр. Армию осведомителя студента филфака ЛГУ Магометова». В октябре прочел в Кабинете доклад о книге Гарибяна «Новая ветвь армянских диалектов».

Заведующий Кабинетом К. Д. Дондуа завершил отчет за 3-й квартал оптимистично: «Можно констатировать, что, несмотря на чрезвычайно сложную обстановку, в которой приходится сейчас работать сотрудникам Кабинета, последний не свернул, а в известной части в наличном составе даже усилил свою научно-исследовательскую работу. На основании 1-й декады 4-го квартала можно с уверенностью говорить, что работа будет протекать в прежних темпах. Намечено уже к прочтению 4 доклада»⁴⁰.

В Кабинете финно-угорских языков оставались три научных сотрудника. Э. А. Якубинская «выполняла задания по оборонной работе при Геочасти Штаба Л. В. О.». Составила русско-эстонский военный разговорник. Е. П. Латикайнен выполняла те же работы при Геочасти Штаба Ленинградского военного округа. Составила русско-финский военный разговорник и «буквы А–Е русско-финского военного словаря». И. И. Майшев с начала июля по середины сентября находился на оборонных работах за городом. По возвращении написал введение к своей работе «Грамматика коми языка»⁴¹.

По Кабинету семито-хамитских языков сохранился отчет И. Г. Лившица, который продолжал работу по теме «Египетские детерминативы (к истории египетского языка)»: занимался систематизацией и пополнением картотеки и проработкой ряда египетских текстов. Оформил к печати статью «К папирусу Harris I 65a. 9 (из области египетской семантики)». И. о. старшего научного сотрудника

⁴⁰ Там же. Л. 46–47.

⁴¹ Там же. Л. 55.

А. П. Алявдин (зачислен в Кабинет 15 мая) работал в 3-м квартале на полставки и занимался плановой темой: просмотр и дополнение своей книги «Грамматика сирийского языка». За 3-й квартал собрал материал для «Введения» к книге и первой ее части – «Фонетика». В 4-м квартале планировал заниматься сбором материала для 2-й части – «Морфология»⁴².

В Кабинете классических языков после смерти С. А. Жебелева осталась одна С. В. Толстая. Она продолжала тему по историческому синтаксису греческого языка; «в связи с возникавшими нередко затруднениями в получении необходимых книг» частично вернулась к одной из прежних тем – «Поэтический язык», собирая новые материалы. «Намечающаяся большая работа, – пишет она в отчете, – исходит из материала обоих классических языков, но мыслится как картина единого процесса в создании поэтического языка»⁴³.

В Кабинете славянских языков из четырех сотрудников остался только Е. Г. Колесников. К началу войны он был в диалектологической экспедиции, вернулся 26 июня и через день был отправлен на оборонные работы, до 15 октября. 1 августа в Кабинет был переведен из Института этнографии АН СССР старший научный сотрудник К. А. Пушкаревич. В ИЯМ он занимался составлением русско-чешского военного разговорника, прочел по поручению Дома Красной Армии и флота восемь лекций в красноармейских частях и госпиталях «на темы о славянах и освободительной войне»⁴⁴.

С. Е. Малов составил отчет о деятельности Турецкого кабинета за сентябрь. Сам он продолжал работу по выборке слов для древне-тюркского словаря. Кроме того, рас-

⁴² Там же. Л. 66.

⁴³ Там же. Л. 69.

⁴⁴ Там же. Л. 62, 64..

шифровал «первую несомненно тюркскую надпись на руническом алфавите (10 букв)», открытую А. П. Окладниковым в июле 1941 г. в бассейне реки Лены. Второй сотрудник Кабинета, Е. И. Убрятова, до середины месяца находилась на оборонных работах. Вернувшись в Институт, продолжила работу по исследованию способов словосочетания в якутском языке⁴⁵.

Сотрудник Кабинета истории русского языка А. С. Никулин обрабатывал диалектологические материалы, собранные летом 1941 г. на Дону, и написал два листа диссертации «Верхне-донские говоры»⁴⁶.

Аспирант А. П. Конусов большую часть времени находился на оборонных работах.

8. 1942 год. Эвакуация

Первая блокадная зима была самой страшной для Ленинграда. Проблема снабжения города продовольствием встала уже в июле 1941 года. Тогда Исполком Ленгорсовета (Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся) разработал «Инструкцию о разбивке контингентов населения по группам»⁴⁷. Нормы снабжения продуктами определялись принадлежностью к одной из 4-х групп: 1) Рабочие и ИТР, 2) Служащие, 2) Иждивенцы, 4) Дети до 12 лет. К первой группе относилось руководство промышленностью и всевозможные рабочие. Самые большие нормы снабжения были у первой группы. В «Инструкции» все граждане, относящиеся к ней, перечислены очень подробно, например: «35) Повара всех разрядов, судомойки, корневщицы и кухонные рабочие, уборщицы кухонь; 36) Поломойки, мойщицы машин, полотеры, истопники

⁴⁵ Там же. Л. 44, 70.

⁴⁶ Там же. Л. 76.

⁴⁷ Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1941 г. № 28–29. С. 14–16.

бань и прачечных, уборщицы бань и прачечных, метельщики улиц, садов и парков, гладильщики белья в прачечных, рабочие магазинов, дровоколы предприятий». К группе «Рабочие» относились также «Работники партийных, советских, комсомольских и профсоюзных органов, находящиеся на выборной освобожденной работе».

Ко второй группе относились всевозможные служащие, в том числе «директора, профессора, доценты, аспиранты ВУЗов, ВТУЗов и техникумов; директора НИИ, кроме НИИ промышленности, <...> научные сотрудники, учителя начальных и средних школ, врачи, артисты и т. д.». При всей тщательности этой «Инструкции», она не могла учесть все категории населения, и в августе появилось дополнение. В частности, персональные пенсионеры, инвалиды войн, академические пенсионеры и пенсионеры-орденоносцы отнесены ко второй группе. Сюда же включены «служители культа»⁴⁸.

15 сентября 1942 г. Ленгорисполком утвердил список научных работников города, получающих продовольственные и промтоварные карточки по нормам рабочих. В него включены академики, члены-корреспонденты и сотрудники, имеющие ученую степень. Зато заведующие кафедрами марксизма-ленинизма получали это право независимо от наличия ученой степени⁴⁹.

С 25 декабря, после открытия ледовой трассы по Ладожскому озеру, хлебный паек немного увеличился. «Служащие», к которым были приравнены по нормам многие сотрудники Института, стали получать 200 граммов хлеба в день вместо 125. 24 января норма увеличилась до 300 граммов, но это мало помогало обессиленным людям.

⁴⁸ Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1941 г. № 32–33. С. 4–6.

⁴⁹ Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1942. № 19. С. 9.

В начале января замерзли водопроводные трубы и вышла из строя канализация. Не ходил транспорт. Жили в нетопленых квартирах и шли на работу в промерзшие учреждения. В Академии наук был введен специальный паек с февраля 1942 г. докторам наук⁵⁰. Более 90% научных работников болели дистрофией.

15 января 1942 г. в ИЯМ появляется первый приказ об отчислении «в связи со смертью». В нем перечисляются сотрудники, скончавшиеся в период с 19 декабря 1941 по 4 января 1942 г. Это были П. А. Алексеев, Г. Л. Гейрманс, О. Г. Давидович, А. С. Никулин, И. А. Фалев (с 23 октября 1941 г. он исполнял обязанности заведующего Словарем современного русского языка) и аспирант А. П. Коусов⁵¹. 27 марта скончалась Людмила Сергеевна Ляпунова, и. о. директора Института⁵². В период с 5 января по 1 августа умерли: Б. И. Коплан, А. Н. Котович, Н. Н. Филиппов, Е. Г. Колесников, М. К. Клеман, И. И. Майшев, С. В. Толстая⁵³. Все – старшие научные сотрудники.

Ученый секретарь ИЯМ София Львовна Быховская, старшие научные сотрудники Рафаэль Михайлович Шаумян и Алексей Николаевич Улитин, главный бухгалтер Вольдемар Гедертович Звейнек скончались в пути на место эвакуации⁵⁴.

8 февраля эвакуированы из Ленинграда 4 сотрудника ИЯМ, 19 февраля – еще 11⁵⁵. На 20 февраля в списке сотрудников значится 21 человек. Из них 15 научных сотруд-

⁵⁰ Там же. С. 9.

⁵¹ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1942). Д. 9. Л. 2. В этом приказе нет С. А. Жебелева. Он указан в списке сотрудников, отчисленных в связи со смертью, только 31 декабря 1942 г., без указания даты смерти. (см. там же, л. 35.

⁵² ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1942). Д. 9. Л. 11.

⁵³ Там же. Д. 10. Л. 7, 17, 21.

⁵⁴ Там же. Д. 9. Л. 23, 25; Д. 10. Л. 7..

⁵⁵ Там же. Д. 10. Л. 22.

ников, исполняющая обязанности ученого секретаря Е. К. Большакова, один аспирант (И. И. Зарин), две истопницы-уборщицы, курьер и гардеробщица⁵⁶. В графе «Остается ли в Ленинграде, или подлежит эвакуации, или подлежит сокращению» у 19 из них значится «Остается в Ленинграде».

17 апреля Э. А. Якубинская подписала список сотрудников Института «на получение семян для выращивания в комнате». Незадолго перед этим, 19 марта 1942 г. Исполком Ленгорсовета принял решение «О развитии индивидуального огородничества», по которому предлагалось использовать все пригодные для весенней посадки овощей пустыри, дворовые участки, сады и пр.⁵⁷ Контора «Сортсеменовощ» обязана была обеспечить жителей города семенами. В списке ИЯМ значится 16 человек⁵⁸. Список сотрудников на 1 мая включает также 16 человек. У трех из них были дети в возрасте до 16 лет⁵⁹.

С апреля 1942 г. штат Института стал пополняться новыми сотрудниками. Первым из них приказом № 12 от 17 апреля на должность старшего научного сотрудника Кабинета северных языков был зачислен Орест Петрович Суник. Он к тому времени защитил кандидатскую диссертацию, а работал («по обстоятельствам военного времени», как он пишет в своей автобиографии) сменным мастером на оборонном заводе № 523. Факт зачисления О. П. Суника в ИЯМ никак не отражен в его личном деле. Приступить к работе он не успел, так как был мобилизован и отправлен в распоряжение Управления военно-восстановительных работ Ленинградского фронта, и приказом от 15 апреля от-

⁵⁶ Там же. Л. 25–27.

⁵⁷ Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1942. № 5–6. С. 14–15.

⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1942). Д. 10. Л. 15. В список внесен и О. П. Суник.

⁵⁹ Там же. Л. 9, 11.

числен из ИЯМ «как не приступивший к работе»⁶⁰. После демобилизации он зачислен в ИЯМ 1 августа 1945 г. как «вернувшийся из Красной Армии»⁶¹.

30 апреля на должность старших научных сотрудников зачислены С. А. Акулянц, Б. А. Кржевский и В. М. Тамань; 20 мая на должность заведующего Сектором русского и других славянских языков принят профессор Л. П. Якубинский. В Кабинет славянских языков приняты Т. С. Рождественская (25 мая) и И. А. Попова (1 июня). В Кабинет романо-германских языков приняты кандидат филологических наук И. П. Иванова (25 мая), М. М. Гитлиц (10 июня) и М. А. Бородина (10 июня). 1 июня младшим научным сотрудником ДРС снова стала С. Ф. Геккер.

С. А. Акулянц и Т. С. Рождественская уже 15 июля были отправлены на оборонные работы, а Б. А. Кржевский и Л. П. Якубинский тогда же отчислены, так как отказались эвакуироваться с Институтом. Стелла Федоровна Геккер работала в Институте всю войну.

Сведений о научной жизни ИЯМ в этот период немного. По данным на 25 мая в Институте оставалось 9 сотрудников, имеющих ученую степень кандидата филологических наук: Г. С. Виноградов, И. К. Зборовский, И. П. Иванова, Е. Г. Колесников, Б. А. Кржевский, С. В. Толстая, Е. И. Убрятова, Э. А. Якубинская и Л. П. Якубинский⁶².

С мая 1942 г. возобновились научные заседания. Первое из них состоялось 27 мая. Обсуждался доклад Е. П. Латикайнен «Придаточные предложения причины в финском литературном языке в период формирования современного финского языка». 5, 12, 26 июня и 3 июля были заслушаны доклады и сообщения С. С. Советова («Работа М. Ю. Лермонтова над языком “Мцыри”»), Б. А. Кржевского («Оче-

⁶⁰ Там же. Д. 9. Л. 13, 16.

⁶¹ Там же. Оп. 1(1945). Д. 8. Л. 35.

⁶² Там же. Оп. 1(1942). Д. 10. Л. 10.

редные задачи изучения истории испанского языка») и Е. И. Убрятовой («Слово и словосочетание в якутском языке»), а также план работы института на 1942 г.⁶³

5 июня приказом по ИЯМ утверждена «квалификационная комиссия по допусшению к защите на соискание ученой степени кандидата филологических наук тов. Латикайнен, Е. П. на тему “Придаточные предложения времени в финском литературном языке”»⁶⁴. Защита диссертации состоялась с соблюдением всех формальностей, так как к тому времени в Ленинграде уже имелся научный совет, обладающий необходимыми полномочиями. 6 марта 1942 г. Комиссия Президиума по делам Ленинградских учреждений АН СССР постановила: «Создать Объединенный ученый совет институтов: Востоковедения, Литературы, Истории материальной культуры, Ленинградского отделения Института истории, Института языка и мышления», ввиду малочисленности состава Ученых советов институтов⁶⁵. Это было важным событием научной жизни блокадного города.

Первое заседание Объединенного ученого совета состоялось 1 апреля 1942 г., в одной из комнат Главного здания на Университетской набережной. Пришли все академические сотрудники, кто мог к тому времени передвигаться. Открыл и вел заседание И. Ю. Крачковский. Он, в частности, сказал тогда: «Следует помнить, что в некоторых научных областях работа идет только в Ленинграде, так как уехавшие из Ленинграда работники оказались оторванными от научной базы – книг, рукописей, научных коллекций»⁶⁶. Объединенный ученый совет состоял из

⁶³ Кольцов А. В. Ленинградские учреждения... С. 135.

⁶⁴ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1942). Д. 9. Л. 25.

⁶⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 18. Д. 2. Л. 18, 23.

⁶⁶ Кольцов А. В. Ленинградские учреждения ... С. 130.

22 членов. Председателем был И. Ю. Крачковский, секретарем – сотрудница ЛО Института истории А. И. Болтунова.

Во время блокады в Объединенном ученом совете было защищено несколько диссертаций. Первой получила ученую степень сотрудница ИИМК М. Е. Сергеенко (докторская диссертация «Очерки по истории сельскохозяйственного быта древней Италии»). Защита проходила 10 июня 1942 года⁶⁷. 24 июня в Актовом зале Института литературы состоялись защиты двух кандидатских диссертаций: С. И. Жирмунской на тему «Национальный вопрос в России в период борьбы за буржуазно-демократическую революцию и в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции»⁶⁸ и Е. П. Латикайнен на тему «Придаточные предложения времени в финском литературном языке». Официальными оппонентами Е. П. Латикайнен были Э. А. Якубинская и Л. П. Якубинский⁶⁹. 8 июля были защищены три диссертации на степень кандидата исторических наук.

На заседании 3 июня обсуждался, в числе других, производственный план ИЯМ. С сообщением выступила Э. А. Якубинская⁷⁰. А уже через месяц начался новый этап эвакуации академических институтов. В ленинградских учреждениях оставались небольшие группы сотрудников «для охраны имущества и ценностей». В Ленинградском отделении Института истории, например, остались двое (М. И. Стеблин-Каменский и К. Н. Сербина), в Институте этнографии и ИИМК – по четыре сотрудника.

Институту языка и мышления был выделен вагон в эшелоне ленинградских учреждений. «Уполномоченным

⁶⁷ Извещение о защите см.: ПФА РАН. Ф. 929. Оп. 1. Д. 327. Л. 5; тезисы – л. 6–7.

⁶⁸ Извещение о защите см.: ф. 929, оп. 1, д. 327, л. 8

⁶⁹ Извещение о защите см.: ф. 929, оп. 1, д. 327, л. 8; тезисы – л. 9–13.

⁷⁰ Там же. С. 131.

по вагону» 11 июля назначен И. К. Зборовский⁷¹. От ИЯМ в Казань эвакуировались 11 сотрудников⁷², Пятеро отказавшихся выехать из Ленинграда были уволены⁷³.

25 августа 1942 г. распоряжением Президиума АН были оформлены две Группы эвакуированных сотрудников ИЯМ: в Алма-Ате под руководством И. И. Мещанинова и в Казани под руководством С. П. Обнорского.

Решением Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся № 78, п. 14 от 22 октября 1942 г. эвакуация была прекращена, «в связи с выполнением намеченного плана эвакуации населения из гор. Ленинграда». С 1 ноября выезд разрешался «лишь в исключительных случаях (частичная эвакуация детских учреждений, эвакуация инвалидов Отечественной войны, престарелых и хронически больных) и с особого разрешения Городской эвакуационной комиссии»⁷⁴.

9. Ленинградская группа ИЯМ

Приказом по ИЯМ № 27 от 15 июля 1942 г. в Ленинграде оставались пять сотрудников: Э. А. Якубинская – «в качестве уполномоченного по Институту»; С. Ф. Геккер, младший научный сотрудник, – «для приведения в порядок рукописей и материалов по др.-русскому словарю»; В. М. Тамань, младший научный сотрудник, – «для приведения в порядок оставшихся рукописей и картотеки соврем. русского словаря». Оставались также истопница-уборщица А. А. Аиндинова и курьер-уборщица М. Т. Константинова⁷⁵.

⁷¹ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1942). Д. 9. Л. 27.

⁷² См. список на получение ими трудовых книжек: ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1942). Д. 10. Л. 4.

⁷³ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1942). Д. 9. Л. 6.

⁷⁴ Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1942. № 21–22. С. 16.

⁷⁵ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1942). Д. 9. Л. 28; Д. 10. Л. 5.

Эрика Антоновна Якубинская по происхождению эстонка. В 1921 г. она закончила Петроградский университет по этнолого-лингвистическому отделению. По рекомендации проф. М. Г. Долобо стала аспиранткой на кафедре славянских языков. В 1926 г. закончила «аспирантский план работы» в ИЛЯЗВ, на заседании Секции общего языкознания «была признана достойной квалификации»⁷⁶ и 31 декабря 1935 г. утверждена ВАК'ом в ученой степени кандидата лингвистических наук, без защиты диссертации. Затем преподавала в Педагогическом институте им. Герцена и ЛИФЛИ. В Институте языка и мышления начала работать 1 ноября 1937 г. в должности старшего научного сотрудника Кабинета финно-угорских языков. Она была беспартийной, как подавляющее большинство сотрудников Института⁷⁷.

В ее личном деле сохранился документ от 19 февраля 1941 г., подписанный старшим лейтенантом госбезопасности Драгуновым, где Якубинской выражается благодарность за обучение эстонскому языку курсантов части № 352 НКВД СССР. Другой документ, написанный секретарем партбюро Института 20 августа 1941 г., удостоверяет, что «сомнений в политической благонадежности тов. Якубинской Э. А. в парторганизации ИЯМ'а нет»⁷⁸. Очевидно, вопрос о благонадежности был связан с ее девичьей

⁷⁶ Архив ИЛИ. Оп. 2. Д. 173. Л. 11.

⁷⁷ К началу войны членами ВКП(б) были: зам. директора С. Г. Бархударов (с 1938), научные сотрудники П. К. Абабков (с 1919), Е. Г. Колесников (с 1920), А. С. Никулин (с 1930), С. С. Перепелкин (с 1931), Р. Э. Порецкая (с 1930), А. П. Пырерка (с 1930), Ф. П. Филин (с 1939), И. И. Цукерман (с 1931); научно-технический сотрудник Словарного отдела Е. И. Дзен (с 1925), зав. Административно-хозяйственной частью М. Я. Канторович (с 1938), зав. канцелярией Е. Ф. Старикова (с 1939), библиотекарь Ц. И. Чеховер (с 1932) и столяр С. В. Кружков (с 1917). Кандидатами в члены ВКП(б) были Н. П. Гринкова и А. В. Десницкая, обе с 1939 г., а также Г. Б. Муркелинский (с 1930). См.: ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1941). Д. 8. Л. 60–78.

⁷⁸ Личное дело Э. А. Якубинской см.: Архив ИЛИ. Оп. 2. Д. 173.

фамилией (она урожденная Лемберг) и настоящим отчеством (Гансовна).

К началу 1943 г. в Ленинградской группе научных сотрудников ИЯМ остались только Якубинская и Геккер. 20 января 1943 г. вернулся из действующей армии специалист по русской диалектологии М. Д. Мальцев. А с 3 мая Геккер была мобилизована «на трудовые работы» и находилась там несколько месяцев. Располагая этими небольшими силами, нужно было обеспечить охрану помещений и имущества Института, дежурства в звеньях ПВО, вести текущую работу. Все военное время, до возвращения весной 1944 г. С. П. Обнорского, этим занималась Якубинская.

В январе 1943 г. специальная комиссия проверяла состояние книжных фондов Института и нашла их состояние вполне удовлетворительным, что отмечено в акте комиссии от 7 января⁷⁹.

В начале 1943 г. Якубинская и Геккер провели огромную работу с делопроизводственным архивом Института. Они привели в порядок 198 личных дел сотрудников, выбывших в 1941–1942 гг., пронумеровали, подшили их и сдали на хранение в академический архив.

При всем этом продолжалась и научная работа. Представление о ней дает отчет о работе Ленинградской группы за 1-е полугодие 1943 г.⁸⁰

Э. А. Якубинская продолжала работу «1) над своей докторской диссертацией “Личные и указательные местоимения в прибалтийско-финских языках”. Помимо собранного и оформленного материала по местоимениям в эстонском и финском языках, за отчетный период собран материал по местоимениям в карельском, вепсском, водском и ливском языках (материал на 2–3 печатн. листа); 2) подготовлен ма-

⁷⁹ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1943). Д. 5. Л. 1.

⁸⁰ Там же. Л. 3.

териал для статьи “Эстонский язык” в сборник “Языки народов мира” на 1 – 1,5 печ. листа».

С. Ф. Геккер «вела работу над I томом Древне-русского словаря (А–Б), подготовленного к печати коллективом сотрудников Словарного Отдела ИЯМ в 1940–41 годах. Ею произведена дополнительная выборка по изданиям начала XVIII века. Эта выборка дала возможность внести в существующие статьи ряд изменений и дополнений, а именно: а) увеличение количества орфографических вариантов, приводимых в статьях, в) изменение датировки ряда слов, с) расширение иллюстративного материала, относящегося к XVI–XVII вв., присоединением цитат из источников, относящихся к XVIII веку, д) пополнение новыми выборками словарных статей, иллюстрированных каждая по одной цитате, е) введение в существующие статьи новых значений, словоупотреблений, словосочетаний, дополнение в области морфологии и проч.».

О работе М. Д. Мальцева Якубинская в отчете написала: «1) им разработаны и учтены материалы по северо-западным русским говорам, собранным в 1941 году; 2) подготовлена к печати работа (около 2-х печатных листов) “Из наблюдений над народными говорами по тракту Череповец – Устюжна – Белый Бычек” для Вологодского диалектологического сборника, редактируемого А. С. Ягодинским; 3) собраны материалы для статьи “Житие Иакова черноризца <...>” (Супрасльская рукопись как источник “Отца Сергия” Л. Н. Толстого».

Летом 1943 г. Якубинская принимала участие в работе Комиссии по обследованию и выявлению убытков, причиненных академическим учреждениям бомбардировками и артиллерийскими обстрелами⁸¹.

⁸¹ Там же. Л. 3об.

10. Реевакуация

15 января 1944 г. войска Ленинградского фронта перешли в наступление, прорвали полосу укреплений немцев у Пулковско. Через пять дней отбито Красное Село, превращенное врагом в крепость, взят Петергоф. В ночь на 26 января освобождена Гатчина. Одновременно шло наступление на Волховском фронте. 27 января приказ по войскам Ленинградского фронта возвестил о полном освобождении Ленинграда от блокады, а вечером город салютовал. 24 раза гремели залпы 324-х пушек⁸².

Только в мае 1944 г. в Институт стали возвращаться сотрудники: С. П. Обнорский, Е. К. Большакова, уволенная ранее по сокращению штатов В. Н. Ярцева. 1 мая в Сектор классической филологии принят член-корреспондент С. И. Соболевский. 1 августа к работе приступила вернувшаяся из Кыштыма А. В. Десницкая.

В первом полугодии С. А. Акулянец защитила на Ученом совете Филологического факультета ЛГУ «предусмотренную планом диссертацию на тему “Шванки Ганса Сакса в немецкой литературе XVI века”»⁸³.

24 июня, по распоряжению Уполномоченного Казанской группой ИЯМ И. И. Толстого, зачислена в аспирантуру Н. Т. Панченко, в августе вернулась из Сталинабада аспирантка В. И. Завьялова⁸⁴.

На 27 октября 1944 г. в эвакуации оставались еще 24 сотрудника и 1 аспирант, а в Институте было 12 сотрудников и 2 аспирантки⁸⁵. К январю 1945 г. вернулась из Кировской области Н. П. Гринкова, были снова принят на работу Л. П. Якубинский и Р. А. Будагов.

⁸² Известия. 20–28 января 1944 г.

⁸³ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1944). Д. 8. Л. 6.

⁸⁴ Там же. Д. 9. Л. 4–7.

⁸⁵ Там же. Д. 13. Л. 10, 14.

Резэвакуация шла медленно. Для оформления вызова требовалось подтверждение о наличии у вызываемого сотрудника жилплощади в Ленинграде, а она была не всегда. Исполком Ленгорсовета принял 3 марта 1942 г. постановление «О воспреещении заселения жилой площади эвакуированных из Ленинграда деятелей науки и искусства и охране их имущества и библиотек»⁸⁶. Но этот документ, во-первых, касался только академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук. Во-вторых, он появился поздно. Предыдущими решениями того же Ленгорсовета пустующие квартиры и комнаты предоставлялись для заселения, особенно если речь шла о заселении их рабочими и служащими оборонных предприятий. Кроме того, жилплощадь эвакуированных и мобилизованных в армию могла заселяться «временно». При этом домоуправление заключало с временно вселяемыми договор «без указания срока его действия», а имущество прежних жильцов отдавалось новым владельцам «под расписку на ответственное хранение»⁸⁷.

Того же 3 марта 1942 г. Исполком принял и другое решение: «О состоянии охраны имущества граждан, эвакуированных из Ленинграда, и лиц, находящихся в Красной Армии». Перед этим органы Военной прокуратуры провели проверку и обнаружили, что многие работники домохозяйств самовольно заселяют жилплощадь эвакуированных, пользуются их вещами⁸⁸. Исполкомы райсоветов обязывались контролировать действия управдомов и комендантов зданий. Но контролировать было не просто. Февральским решением Исполкома разрешалась «реализация имущества после умерших, при отсутствии в Ленинграде в момент

⁸⁶ Бюллетень Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. 1942. № 5–6. С. 6.

⁸⁷ Там же. 1941. № 37. С. 1.

⁸⁸ Там же. 1942. № 5–6. С. 7–8.

смерти прямых наследников <...> с предоставлением могущим в дальнейшем выявиться наследникам права на получение из бюджета в течение последующих шести месяцев стоимости вырученной от реализации имущества»⁸⁹. На протяжении всего 1942 г. Ленгорисполком периодически проводил проверки выполнения решений от 3 марта и каждый раз констатировалось, что решения практически не выполняются. Многие управдомы и коменданты зданий бесконтрольно распоряжались жилплощадью и имуществом эвакуированных и умерших.

Кроме того, безотносительно от решений городских властей, многие жилые дома пострадали от бомбежек и артобстрелов. Список эвакуированных только в Алма-Ату сотрудников ИЯМ, не имеющих жилплощади в Ленинграде на 8 января 1945 г., включает пятерых⁹⁰. Проблема жилплощади и наличия прописки была очень серьезной. Например, 19 марта Э. А. Якубинская отправила Е. С. Истриной в Москву телеграмму: «Виноградову вызове отказано необходима гарантия постоянной прописки»⁹¹. 9 марта 1945 г. П. К. Абабков в письме Э. Якубинской из Алма-Аты от имени всей группы ленинградцев выражал надежду, что «вызовы будут высланы всем сотрудникам (и обеспечены сотрудники квартирами, т. к. они эвакуировались не по своей воле)». В Алма-Ате тогда оставались кроме Абабкова еще 11 сотрудников ИЯМ. Среди них – В. И. Чернышев и С. С. Советов с семьями, Н. В. Юшманов (болевший астмой в тяжелой форме), Е. И. Убрятова (она так и не излечилась от дистрофии и вдобавок заболела цингой), М. М. Гитлиц (диабет), Г. С. Виноградов и Л. В. Павленко, также не слишком здоровые. Там же нахо-

⁸⁹ Там же. № 3–4. С. 5–6.

⁹⁰ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1945). Д. 10. Л. 59.

⁹¹ Там же. Д. 14. Л. 29.

дилась аспирантка ИЯМ Е. Н. Шипова⁹². 19 марта Якубинская телеграфировала в Алма-Ату: «Комната Гусевой занята вызов возможен телеграфном заверенном согласии сына прописать свою площадь». 26 марта она телеграфировала также в Алма-Ату: «Вызовы получены всем кроме Павленко и иждивенцев Шиповой»⁹³. В конце концов, стараниями Якубинской вызовы получили все алмаатинцы и к началу июня 1945 г. вернулись в Ленинград. В мае же из Ташкента вернулись И. Г. Лившиц, Б. Л. Богородский и М. А. Бородин.

11. Ремонтно-восстановительные работы

В июне 1944 г. в помещениях Института начались ремонтно-восстановительные работы. Из оконных проемов убрали временную кирпичную кладку, в рамы вставляли, в основном, «фанеру с прирезкой»; выносили мешки с песком и мусор, чинили крышу. В конце 1944 г. Якубинская представила заместителю Управляющего делами АН М. Е. Федосееву следующий отчет.

«Силами сотрудников ИЯМ'а: подготовлены 78 оконных гнезд для вставки стекол, вымыты окна, частично вставлена фанера (главным образом в помещении Словарного Отдела на Тучковой набережной дом 2), приготовлены под рабочие помещения комнаты, в которых были устроены бойницы – вынесен песок и мусор, расставлена мебель, комнаты вымыты и прибраны. Много сил и времени ушло на уборку коридора и б. зала заседаний (после ремонта, оштукатуривания потолка и частично стен). Вымыты от копоти и пыли рабочие комнаты – кабинет директора, ученого секретаря, канцелярия, индо-иранский кабинет).

⁹² Там же. Л. 26, 27.

⁹³ Там же. Л. 28, 34.

Много времени заняла уборка помещения Словарного Отдела на Тучковой набережной д. 2, где пришлось убирать стекла от разбитых арт-обстрелом и бомбежкой окон, отбивать отставшую пластами (после протечки крыши) побелку потолка, обметать комнаты, убирать песок и пыль и прочие хозяйственные работы. Всего на восстановительных работах сотрудники ИЯМ'а отработали 831 час – 8 человек.

Помимо вышеуказанных работ сотрудники ИЯМ'а принимали участие в восстановительных работах по Главному зданию АН: в уборке фасада Главного здания от кирпича и песку, уборке вестибюля, Б. Конференц-зала и бывш. помещения Математического института, по выгрузке баржи с дровами и перевозке и укладке дров, на воскреснике по уборке площади перед БАН'ом, восстановлении квартир академиков, по ремонту крыши и на работах по бронированному фонду»⁹⁴.

Ремонтно-восстановительные работы спешили закончить к июню 1945 года, к празднованию 220-летнего юбилея Академии наук.

12. Награждения

Во время войны Орденом Ленина награжден И. И. Мещанинов (1943), медалью «За оборону Ленинграда» – А. А. Аиндинова (1943) и А. В. Десницкая (1944)⁹⁵.

17 мая 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил группу ленинградских ученых орденами и медалями «за самоотверженную работу по сохранению в условиях блокады Ленинграда научных и культурных ценностей в институтах, музеях и библиотеках АН СССР, являющихся национальным богатством страны». Академики П. П. Кобеко, И. Ю. Крачковский и И. А. Орбели награждены Ор-

⁹⁴ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1944). Д. 18. Л. 2–2об.

⁹⁵ Там же. Оп. 1(1945). Д. 10. Л. 54–56.

деном Ленина. Орден Трудового Красного Знамени получили 8 человек, Орден «Знак Почета» – тоже 8. В их числе шесть уполномоченных, руководивших работой учреждений во время блокады. Эрики Якубинской среди них нет⁹⁶.

Указом Верховного Совета СССР от 10 июня 1945 г. к юбилею АН СССР тринадцати академикам присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением Ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот», в том числе И. И. Мещанинову «за выдающиеся успехи в области филологических наук, исследованию синтаксиса и морфологии русского языка, а также за плодотворную многолетнюю работу по подготовке кадров филологов». Тогда же Орден Ленина получили 96 сотрудников Академии наук. Среди них сотрудники ИЯМ и ИРЯ: Н. С. Державин, С. П. Обнорский, С. И. Соболевский, И. И. Толстой, В. И. Чернышев⁹⁷. И. И. Зарубин и В. Н. Ярцева получили орден «Знак Почета», Д. В. Бубрих, Б. А. Ларин, К. Д. Дондуа, С. Е. Малов и Н. В. Юшманов – Орден Трудового Красного Знамени.

30 июля 1945 г. датирован список 15 сотрудников ИЯМ, возвратившихся из эвакуации и представленных к награде медалью «За оборону Ленинграда». Документ имеет графу «Обоснование награды»⁹⁸. Почти у всех значится участие в оборонных работах до эвакуации и дежурства по охране академических зданий. Особо отмечено составление военных разговорников и словарей (И. И. Мещанинов, Е. С. Истрина, С. Е. Малов, С. С. Советов), активное участие в работах Геодезической части Наркомата обороны СССР – имеется в виду, в основном, транскрипция топонимов на картах – (В. Ф. Шишмарев, Б. А. Ларин, С. С. Советов, Н. В. Юшманов).

⁹⁶ Известия. 18 мая 1942. С. 2.

⁹⁷ Ленинградская правда. 12 июня 1945. С. 1, 2.

⁹⁸ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1945). Д. 10. Л. 35–37.

Единственный член ВКП(б) из этих 15-ти – П. К. Абабков – награжден за то, что «работал в качестве политрука в Хирургическом отделении при ЦИАГ. Имеет благодарность Лен. Гео-части НКО СССР за участие в организации работ по военной тематике».

Выделяется в этом списке обоснование награды Елены Константиновны Большаковой: «В качестве секретаря директора подготовила к сдаче в архив АН на хранение все наличные в Институте рукописи и материалы, тем обеспечив их сохранность. Несла дежурства в санитарном звене ЛАХУ АН. Принимала участие в очистке города весной 1942 г.».

10 августа составлен дополнительный список награжденных той же медалью. Это В. И. Чернышев (за составление военных разговорников, организацию сохранности картотеки Словаря современного русского языка, вывоз на самолете и спасение ценных научных материалов), С. Г. Бархударов (за составление военных разговорников, дежурства по охране здания, организацию сохранности научных материалов), К. Д. Дондуа («Несмотря на плохое состояние здоровья активно участвовал в дежурствах по охране акад. зданий, организовал сотрудн. по обороне Ленинграда (рытье окопов). Сохранил ценные научные материалы своего Отдела»)⁹⁹.

23 октября 1945 г. составлен список сотрудников ИЯМ, представляемых к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹⁰⁰. В списке 16 человек и, наконец-то, значится и Э. А. Якубинская: «В качестве Уполномоченного ИЯМ'а провела большую работу по сохранению научных материалов Института в Ленинграде за все время блокады».

⁹⁹ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1945). Д. 10. Л. 26.

¹⁰⁰ Там же. Л. 21–25.

П. К. Абабков получил эту медаль с той же формулировкой в обосновании, что и предыдущую. Айша Аиндинова, истопник Института: «Во время блокады Ленинграда и консервации института самоотверженно выполняла всю физическую работу по отоплению здания, поврежденного снарядами (вставка стекол, заделка фанерой), добывала топливо, охраняла имущество Ин-та, несла дежурства». Д. В. Бубрих: «Принимал участие в подготовке военных словарей (июль–август 1941 г. Ленинград). Принимал участие в дежурствах в качестве пожарника (июль–сентябрь 1941 г.). Много сделал в подготовке национальных кадров за время своей эвакуации (1942–1944 гг.)».

Участие в подготовке кадров в эвакуации отмечено также в обоснованиях награждений К. Д. Дондуа (на Кавказе), А. В. Десницкой (на Урале), С. Е. Малова в Казани и Алма-Ате, И. И. Зарубина и В. С. Соколовой (в Сталинабаде), И. И. Толстого (в Казани), Е. И. Убрятовой (в Казахстане), В. Ф. Шишмарева (в Узбекистане), Н. В. Юшманова, который к тому времени уже имел грамоту Верховного Совета Казахской ССР «за исключительную работу по подготовке научных кадров».

13. ИЯМ к концу 1945 года

В июне 1945 года широко и торжественно праздновалось 220-летие основания Академии наук. Торжества проходили в Москве и Ленинграде. По этому поводу в газете «Ленинградская правда» появилось много статей об истории и заслугах ленинградских академических учреждений. К сожалению, об Институте языка и мышления не обнаружено ни одной публикации. На заседании 26 июня, проходившем в Ленинградской Филармонии, с докладом «Основные положения учения о языке, разработанного вели-

ким ученым Николаем Яковлевичем Марром» выступил И. И. Мещанинов¹⁰¹.

В середине июля в Институте языка и мышления в Ленинграде находилось 19 сотрудников. К этому времени исследовательская работа по русскому и славянским языкам была переведена в Институт русского языка, созданный в феврале 1944 г.¹⁰² в Москве, с отделением в Ленинграде. Новый институт сохранял самые близкие связи с ИЯМ, из секторов которого он и вырос¹⁰³. В ЛО ИРЯ заместителем директора был С. Г. Бархударов, секторами заведовали Е. С. Истрина, Б. А. Ларин, В. И. Чернышев. В середине июля штат ЛО ИРЯ составлял 14 человек¹⁰⁴. В обоих институтах к тому времени было по два аспиранта.

Штат ИЯМ в Ленинграде продолжал пополняться. 1 августа зачислен в Кабинет языков народов Севера вернувшийся из Красной Армии О. П. Суник¹⁰⁵, 20 августа в том же Кабинете начала работать к. ф. н. Н. М. Терещенко. С 1 сентября восстановлен на работе заведующий Кабинетом языков народов Севера В. А. Аврорин, вернувшийся из Николаевска-на-Амуре.

Надо подчеркнуть, что многих сотрудников ИЯМ удалось отправить в эвакуацию в те районы СССР, которые наиболее подходили по их специальности. Д. В. Бубрих находился в Сыктывкаре (куда его привезли полуживого), К. Д. Дондуа – в Тбилиси, Г. Ф. Турчанинов – в Нальчике, В. И. Абаев – в Южной Осетии.

¹⁰¹ Ленинградская правда. 27 июня 1945. С. 2.

¹⁰² 28 декабря 1943 г. Президиум АН СССР признал своевременным и целесообразным организовать в составе ОЛЯ Институт русского языка как единый научно-исследовательский центр по изучению русского языка.

¹⁰³ Мещанинов И. И. Предисловие // Язык и мышление. 1948. Т. 11. С. 12.

¹⁰⁴ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1945). Д. 10 Л. 39.

¹⁰⁵ 16 февраля 1946 г. он стал ученым секретарем ИЯМ.

16 ноября вернулся И. И. Цукерман, уволенный в запас из армии¹⁰⁶. П. Я. Скорик и С. Д. Кацнельсон были демобилизованы и вернулись в Институт в 1946 г.

Не вернулись пятеро погибших на фронте: С. А. Берлин, А. А. Бокарев, И. И. Зарин, С. С. Перепелкин, А. П. Пырерка.

Всего по ленинградским учреждениям Академии наук на фронтах погибли 57 человек. Во время блокады в Ленинграде умерли 470 академических сотрудников, в том числе 4 академика (С. А. Жебелев, П. К. Коковцов, А. А. Ухтомский и Ф. И. Щербатской), 23 доктора и 66 кандидатов наук. Институт языка и мышления потерял академика Б. М. Ляпунова, заведовавшего Сектором русского и других славянских языков (скончался 22 февраля 1943 г. в эвакуации, в Боровом Акмолинской области) и Л. В. Щербу, заведовавшего Кабинетом современного русского языка (скончался 26 декабря 1944 г. в Москве). Лев Владимирович Щерба был единственным сотрудником ИЯМ, избранным в действительные члены АН СССР во время войны, 27 сентября 1943 г., на сессии Общего собрания Академии наук в Москве. Членом-корреспондентом тогда же стала Евгения Самсоновна Истрина.

На 1 ноября 1945 г. структура ИЯМ была следующей¹⁰⁷:

Отдел кавказских языков

Дондуа К. Д. – заведующий, д. ф. н, проф., чл.-корр. Груз. АН
Турчанинов Г. Ф. – ст. науч. сотр., к. ф. н.

Отдел индо-иранских языков

Зарубин И. И. – заведующий, д. ф. н., проф.
Соколова В. С. – ст. науч. сотр., к. ф. н.
Абаев В. И. – ст. науч. сотр., к. ф. н.

Отдел языков народов Севера

Аврорин В. С. – заведующий
Суник О. П. – ст. науч. сотр., к. ф. н.

¹⁰⁶ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1945). Д. 8. Л. 11.

¹⁰⁷ Там же. Д. 10. Л. 17–18.

Терещенко Н. М. – ст. науч. сотр., к. ф. н.

Отдел романо-германских языков

Шишмарев В. Ф. – заведующий, чл.-корр. АН СССР
Ярцева В. И. – ст. науч. сотр., д. ф. н., проф.
Десницкая А. В. – ст. науч. сотр., к. ф. н.
Будагов Р. А. – ст. науч. сотр., к. ф. н.
Иванова И. П. – ст. науч. сотр., к. ф. н.
Акулянц С. А. – и. о. ст. науч. сотр., к. ф. н.

Отдел турецких языков

Малов С. Е. – заведующий, чл.-корр. АН ССР
Убрятова Е. И. – ст. науч. сотр., к. ф. н.

Отдел финно-угорских языков

Бубрих Д. В. – заведующий, д. ф. н., проф.
Якубинская Э. А. – ст. науч. сотр., к. ф. н.

Отдел семито-хамитских языков

Юшманов Н. В. – заведующий, чл.-корр. АН СССР
Лившиц И. Г. – ст. науч. сотр., к. ф. н.

Отдел классических языков¹⁰⁸

Толстой И. И. – заведующий, чл.-корр. АН СССР

Кроме научных сотрудников в Институте работали: Е. К. Большакова (помощник директора по хозяйственной части), Л. И. Толстая (научно-технический сотрудник), А. А. Аиндинова (уборщица) и А. И. Бедеранов (истопник). Л. И. Толстая отчислена из ИЯМ с 1 января 1946 г., так как поступила в аспирантуру Педагогического института им. Герцена¹⁰⁹.

В конце 1945 г. в Институт зачислены несколько аспирантов, среди них Г. А. Меновщиков. На 12 января 1946 г. их в Институте было уже 15¹¹⁰.

¹⁰⁸ К 1 января 1946 г. в этом отделе работал Я. М. Боровский.

¹⁰⁹ ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1945). Д. 8. Л. 1.

¹¹⁰ Там же. Оп. 1(1946). Д. 7. Л. 15.

В конце 1945 г. сотрудники составляли отчеты о научной работе. Дирекция ИЯМ в письме в Отделение литературы и языка отметила «две важнейшие работы, законченные в 1945 г. сотрудниками Института в Ленинграде»¹¹¹. Это «Историческая фонетика финского-суоми языка» Д. В. Бубриха (18 п. л.) и «Разыскания в области исторического синтаксиса французского языка» Р. А. Будагова (22 п. л.).

18 мая 1946 г. утверждена редколлегия научно-лингвистических сборников «Язык и мышление», отв. ред. – И. И. Мещанинов¹¹². Издание сборников было прервано войной (том 10 вышел в 1940 г.). Уже в августе И. И. Мещанинов написал «Предисловие» к тому № 11, но вышла книга лишь в 1948 году. Она содержит 26 статей по разным областям языкознания. Многие из них являются результатом работы во время войны. Например, статья В. И. Абаева «Понятие идеосемантики» является переработкой его доклада, сделанного в 1942 г. в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте. Статья Н. П. Гринковой «Некоторые случаи повторения предлогов в кировских диалектах» основана на материалах, собранных во время эвакуации в Нолинском районе Кировской области. В книге опубликована работа погибшего во время блокады Г. И. Мельникова «Фонемы чукотского языка», написанная им перед войной.

14. Незавершенный памятник ученым Ленинграда

Все время войны не прекращал свою деятельность Дом ученых в Ленинграде. Там непрерывно работала столовая, академические сотрудники иногда снабжались «ненормированными» продуктами, действовал амбулаторный прием больных, работала аптека. В начале 1942 года открылся

¹¹¹ Там же. Оп. 1(1945). Д. 7. Л. 12.

¹¹² Там же. Оп. 1(1946). Д. 7. Л. 38.

стационар на 50 человек, через который прошли сотни людей, получая там улучшенное питание и условия жизни, постоянную врачебную помощь.

Именно в Доме ученых весной 1943 года образовалась инициативная группа, решившая собрать материалы о том, какую громадную работу проделали ученые Ленинграда во время блокады. Осенью о предпринятом начинании была сделана информация по радио и в прессе, по учреждениям разосланы специальные анкеты.

В начале 1944 года в Дом ученых вернулись сотни заполненных анкет. 22 мая под председательством В. П. Волгина состоялось заседание Редакционно-издательского совета Академии наук, одобдившее издание на основе этих анкет и других собранных материалов книги «Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады». Редколлегию возглавил И. А. Орбели, в ее состав вошли специалисты по разным дисциплинам.

В результате была подготовлена рукопись, содержащая сведения (аннотации) о работах (как печатных, так и оставшихся в рукописи), принадлежащих 480 авторам, количество наименований работ превышает 1000.

Редакция распределила работы на 7 тематически разделов. Самым большим оказался раздел по медицине и прилегающим к ней дисциплинам.

Раздел «Литература и языкознание» сравнительно невелик, включает сведения о 64-х работах. Среди них две работы М. Д. Мальцева («К вопросу об изучении языка жителей отдельного населенного пункта» и «Русская диалектография») и одна работа Ф. П. Филина («О языке Великой Отечественной войны»), написанной на основании наблюдений над лексикой и синтаксисом воинов-защитников Ленинграда).

Вторая часть сборника – краткие сведения об авторах работ, в алфавитном порядке. В целом эта книга, не пре-

тендующая на абсолютную полноту информации, представляет собой уникальный тип издания, памятник всей научной жизни блокадного города. Но книга так и не увидела свет. 29 января 1947 года директор Ленинградского отделения Издательства АН СССР И. Е. Тыслер по указанию С. И. Вавилова передал корректурные листы книги в академический Архив. Там они и хранятся в настоящее время¹¹³. Историк науки А. В. Кольцов считает, что это – один из фактов произвола, связанного с «Ленинградским делом»

¹¹³ Там же. Разряд VI. Оп. 5. Д. 60.

А. С. Курилов

**ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО РАН В ГОДЫ ВОЙНЫ**

Институт был создан по постановлению Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 17 сентября 1932 г. «О мероприятиях в ознаменование 40-летия литературной деятельности Максима Горького» как «лаборатория для изучения художественной литературы народов Союза ССР»¹.

Первоначально назывался Литературный Институт имени Максима Горького² и входил в систему научных и учебных учреждений, подведомственных Ученому Комитету при ЦИК Союза ССР. В процессе формирования – 27 августа 1934 г., был переименован в Институт литературы им. А. М. Горького³ и нацелен на исследовательскую работу как в области литературы народов СССР, так и мировой литературы, прежде всего западноевропейской и США, а также русской литературы и фольклора.

После смерти А. М. Горького по решению Президиума ЦИК Союза ССР от 14 Февраля 1937 г. при Институте создаются Архив А. М. Горького «для сохранения материалов, оставшихся после А. М. Горького (рукописи, переписка, и др.)» и Музей А. М. Горького «для ознакомления трудящихся с его жизнью и творчеством»⁴ и в сферу научной деятельности Института в качестве одной из важнейших задач входит изучение наследия крупнейшего русского писателя XX в.

4 марта 1938 г. при Институте организуется Государственный музей А. С. Пушкина на базе материалов Всесоюз-

¹ Правда. 1932. 26 сентября. С. 1.

² Там же.

³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 13 Д. 20. Ч. 2. Л. 115 об.

⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 543.

ной юбилейной Пушкинской выставки 1937 г., располагавшейся в здании Исторического музея (в 1949 г. Пушкинский музей переводят в Ленинград).

16 апреля 1938 г. после расформирования Ученого Комитета Институт «с состоящим при нем Музеем и Архивом» был передан «в ведение Академии наук СССР» и получил окончательное наименование – Институт мировой литературы им А. М. Горького АН СССР (с 1991 г. – РАН)⁵.

Институт в разное время возглавляли – академики АН СССР И. К. Луппол и В. Ф. Шишмарев, члены-корреспонденты АН СССР И. И. Анисимов, Г. П. Бердников, А. М. Еголин, Ф. Ф. Кузнецов, Б. Л. Сучков, В. Р. Щербина, доктор филологических наук Ю. Я. Барабаш.

С декабря 2004 г. директором Института является академик РАН А. Б. Куделин.

В Институте работали – академики АН СССР М. М. Покровский, Ю. Б. Виппер, М. Л. Гаспаров, члены-корреспонденты АН СССР С. И. Соболевский, Д. Д. Благой, Н. Ф. Бельчиков, Л. Д. Громова, П. А. Николаев, Л. И. Тимофеев, Г. И. Ломидзе, С. С. Аверинцев.

Сегодня среди сотрудников Института – академик РАН Н. И. Балашов, члены-корреспонденты РАН В. М. Гацак, Н. В. Корниенко, А. Д. Михайлов, В. В. Новиков, Б. Л. Рифтин.

В предвоенные годы работа в Институте велась в пяти научно-исследовательских секциях: по изучению творчества А. М. Горького, советской литературы, русской литературы XVIII века, западноевропейской литературы, античной литературы, в группах по изучению теории литературы, творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и наследия революционной демократии, а также в Архиве и Музее А. М. Горького, в секторах руко-

⁵ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 3. Л. 3.

писей и художественной иллюстрации, специализированной Библиотеке.

Результаты работ получили отражение в книгах. В 1939 г. публикуются схемы-планы «Истории советской литературы», «Истории английской литературы» и «Истории греческой литературы», начинается издание «Архива А. М. Горького», первый выпуск которого составила «История русской литературы» – конспект Каприйских лекций, прочитанных А. М. Горьким в 1909–1911 гг.

В 1940 г. были изданы – первый выпуск «Горьковский чтений», в который вошли материалы одноименных конференций, состоявшихся в 1938 и 1939 гг., сборники «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века», «Маяковский. Материалы и исследования», а также учебник «История греческой литературы», написанный С. И. Радцигом. В 1941 г. появились книги «Из истории английского реализма», «Пушкин – родоначальник новой русской литературы», «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова», «Старинная русская повесть», а также второй том «Архива А. М. Горького», куда вошли пьесы и сценарии писателя⁶.

Так уже в предвоенные годы Институт заявил о себе как центре по изучению истории русской и зарубежных литератур, творчества А. М. Горького, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и В. В. Маяковского.

Развертыванию научно-исследовательской деятельности помешала война. Работы в Институте были значительно свернуты, но не остановлены. Почти половина его сотрудников ушла на фронт, главным образом в ополчение, остальные эвакуированы в Ташкент. Туда же и частично в Томск были переправлены фонды Архива и Музея А. М. Горького, секторов рукописей и художественной иллюстрации. В Москве оставалась только Библиотека.

⁶ См.: Труды Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Библиографический указатель. 1939–2000. М., 2002.

В Ташкенте под руководством профессора Л. И. Пономарева, который был директором Института в 1940 – 1944 гг., прибывшие туда сотрудники активно вели научную, педагогическую и просветительскую деятельность, что хорошо видно из публикуемого ниже «Отчета» о работе Института с начала его эвакуации до момента возвращения в Москву. При публикации сохранен стиль подлинника и особенности орфографии того времени.

ОТЧЕТ

о работе Института мировой литературы им. А. М. Горького за время пребывания его в Ташкенте (декабрь 1941 – апрель 1943 г.)

I. ВВЕДЕНИЕ

Институт мировой литературы им. А. М. Горького был эвакуирован по постановлению Правительства из Москвы в октябре 1941 года¹. В конце ноября и в первой половине декабря того же года основные научные кадры Института прибыли в Ташкент и немедленно приступили к своей производственной работе, одновременно включившись – почти всем своим составом – в общественную жизнь города и начав в широких масштабах научно-пропагандистскую и массово-агитационную деятельность. Однако, ряд научных работников Института могли приехать в Ташкент только к весне 1942 года и только тогда могла развернуться полностью работа Отдела советской литературы и, в частности, работа над основным объектом плана 1942 года «Историей

¹ Имеется в виду Решение Государственного Комитета Обороны от 14 октября 1941 г. об эвакуации из Москвы и Московской области наряду с предприятиями оборонного и хозяйственного значения высших учебных заведений, научно-исследовательских и проектных институтов, библиотек, музеев, театров и прочих учреждений.

советской литературы», а также над темами, связанными с литературами среднеазиатских республик.

План Института на 1942 год был разработан в основном под углом зрения задач, выдвинутых перед литературоведением Великой Отечественной войною. Из этих задач вытекающие следующие направления работы:

1. Подведение итогов развития русской советской литературы в плане научного историко-литературного исследования, установление ее периодизации с выделением в каждом периоде ведущих явлений литературного движения, отражающих ленинско-сталинскую политику; анализ преломления традиций классической русской литературы и специфической идейной проблематики и новой стилистики, впервые появляющейся в советский период; выявление конкретных художественных достижений советских писателей с монографическим анализом творчества крупнейших из них и, наконец, наряду со всем историческим изучением и на его основе, разработка в теоретическом плане актуальных вопросов, вставших перед литературой в дни Отечественной войны;

2. Изучение в том же плане национальных литератур Советского Союза с момента их зарождения до настоящего времени, с особым вниманием к связям литературы с национальным народно-поэтическим творчеством и с выдвиганием на первое место в работах Института 1942–1943 гг. изучения национальных советских литератур Средней Азии, для которого с переводом Института в Ташкент открылись самые благоприятные перспективы;

3. Учет и регистрация всех фактов отражения Отечественной войны в литературе и литературной жизни Советского Союза как подготовка для будущего научного изучения развития литературы в годы войны;

4. Изучение и пропаганда русской классической литературы и в первую очередь, творчества великих русских пи-

сателей-патриотов, упомянутых в докладе тов. Сталина 6. XI. 1941 г. (А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и А. М. Горького²); выявление в творчестве этих художников слова, критиков и публицистов идей гуманизма и патриотизма, созвучных политическим задачам сегодняшнего дня и могущих играть действенную роль в мобилизации сил русского народа на борьбу с гитлеризмом, а также раскрытие национальной самобытности этих писателей, исследование глубоконародных корней их творчества и влияния их произведений и пропагандируемых в них гуманистических идей на развитие передовой общественной и литературной мысли Запада и Востока;

5. Изучение прогрессивных демократических традиций и тенденций в литературах Западной Европы и Америки на протяжении всей истории их развития, а также изучение современной антифашистской литературы;

6. Изучение русско-западных литературных связей под углом зрения пересмотра ряда конкретно-исторических вопросов, касающихся взаимоотношения русской и западных литератур в определенные эпохи и зависимости крупнейших русских писателей от западных «образцов», – вопросов, которые в дореволюционном, а отчасти и в советском литературоведении часто решались односторонне, с переоценкой этой зависимости русских писателей и, с другой стороны, неучетом их влияния на мировую литературу.

К этим задачам общего характера, признанным Ученым Советом Института, при разработке программы научно-

² Имеется в виду Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина на Торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 г., посвященный XXIV годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции. – Правда. 1941. 7 ноября. С. 2.

исследовательских работ как на 1942, так и на 1943 год, ведущими присоединялись и другие работы, начатые еще до войны и продолжавшиеся в Ташкенте в сокращенном объеме, вследствие неполного состава соответствующих групп штатных работников Института и сокращения договорных работ. К таким работам относятся: подготовка летописей жизни и творчества А. С. Пушкина и А. М. Горького, разработка литературного наследия А. С. Пушкина и А. М. Горького, работы по истории античной литературы и некоторые другие, и по этим разделам работы Института выдвигал наиболее актуальные для текущего момента темы, как например: «Политическая лирика Пушкина», «Горький – борец против фашизма», «Фашистские извращения в истории античной культуры» и т. п. Лишь очень немногие разделы довоенной работы Института, как история древне-русской литературы и литературы XVIII века, должны были быть свернуты как самостоятельные организационные единицы, но тем не менее и они были отражены в некоторых объектах плана (см. ниже в разделе V об альбоме «Родина в русской художественной литературе и изобразительном искусстве»).

Деятельность научных кадров Института в области научной пропаганды, протекавшая в самых разнообразных формах и осуществлявшаяся не только высоко-квалифицированными специалистами, но и младшими научными сотрудниками, исходила из тех же основных научно-политических задач, которые были положены в основу программы исследовательских работ. В своей же массово-агитационной работе коллектив Института не только использовал эту литературную тематику, но и широко откликнулся и на чисто политические задачи текущего момента, используя свои партийные и беспартийные кадры в качестве агитаторов и пропагандистов в частях РККА³, госпита-

³ Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

лях, на предприятиях промышленности, транспорта и связи, и, наконец, на всенародных стройках, как Северо-Ташкентский канал и др.

Особым разделом деятельности Института в Ташкенте было хранение эвакуированных сюда фондов Музеев А. С. Пушкина и А. М. Горького, Архива А. М. Горького, сектора художественной иллюстрации и сектора рукописей Института. Сохранение этих ценностей в свернутом и упакованном виде требовало непрерывного наблюдения и контроля и принятия разного рода профилактических мер.

С конца 1942 года Институт возобновил прерванную войною работу по подготовке научных кадров, восстановив с разрешения Управления кадров АН СССР ряд аспирантов, временно потерявших связь с Институтом, и объявив новый набор в кандидатскую и докторскую аспирантуры. С начала 1943 года развернулась систематическая работа с аспирантами нового призыва.

С 1 января по 1 октября 1942 года в составе штатных сотрудников Института работала группа прикомандированных к нему научных работников ленинградского Института литературы АН СССР⁴. Будучи выделена теперь в самостоятельную организационную единицу эта группа в составе членов-корреспондентов АН СССР В. Ф. Шишмарева, В. М. Жирмунского, Н. К. Пиксанова, профессоров И. И. Векслера, Б. С. Мейлаха и др. продолжает принимать деятельное участие в работах Ученого Совета Института и его отделов и в руководстве аспирантурой.

С мая 1942 года, в ответ на исторический приказ тов. Сталина⁵ широко развернулось в Институте социалистиче-

⁴ Так в 1935–1949 гг. назывался Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ИРЛИ).

⁵ Имеется в виду Приказ Народного Комиссара Обороны И. В. Сталина №130 от 1 мая 1942 г., в котором говорилось о необходимости повышения профессионального мастерства воинов Красной Армии и активизации борьбы с врагом, чтобы сделать 1942 г. «годом окончательно-

ское соревнование. Соцобязательства научных сотрудников, взятые ими на себя в начале года, были расширены, дополнены и конкретизированы, и это обстоятельство самым благоприятным образом отразилось на работе Института во втором полугодии 1942 года, причем Институт добился к 7. XI этого года хороших показателей и в межинститутском соревновании на основе условий его, выработанных Президиумом АН СССР совместно с ЦК Союза ВШ и НУ⁶, а также принял активное участие в проверке соцсоревнования в других Институтах, выделив для этой работы ряд своих сотрудников (Е. М. Евнина, Б. В. Горнунг, З. Г. Гринберг и др.).

Большую помощь в исследовательской и научно-популярной работе Института, оторванного от собственной богатой библиотеки, оставшейся в Москве, от московских книгохранилищ и от личных библиотек его сотрудников, оказывали научные библиотеки Ташкента и их работники: Государственная Публичная библиотека УзССР, Фундаментальная библиотека САГУ и библиотека УзФАН⁷.

Руководство всей научной работой Института в 1942 и 1943 гг. осуществлялось его Ученым Советом, который для

го разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев» (Правда. 1942. 1 мая. С. 1.).

В редакционной статье «Правды» от 4 мая – «Все силы на выполнение боевого приказа товарища Сталина» – напоминалось, что парторганизации «обязаны обеспечить широкий разворот социалистического соревнования». А уже 7 мая «идея организации Всероссийского социалистического соревнования» становится одной из главных в редакционной статье «Ответ народа на приказ товарища Сталина», и на первую полосу газеты выносятся призыв «развернуть Всероссийское социалистическое соревнование».

⁶ Центральный Комитет Профсоюза работников высшей школы и научных учреждений

⁷ САГУ – Средне-Азиатский государственный университет; УзФАН – Узбекский Филиал Академии наук СССР.

Ташкента был специально утвержден Президиумом АН СССР в составе: директора Института проф. Л. Пономарева (председатель), акад. А. Н. Толстого, членов-корреспондентов АН СССР В. М. Жирмунского, Н. К. Пиксанова и В. Ф. Шишмарева, профессоров Д. Д. Благого, Н. Л. Бродского, И. И. Векслера, З. Г. Гринберга, Б. С. Мейлаха и Б. В. Михайловского, старших научных сотрудников М. П. Венгрова, А. А. Елистратовой, К. Л. Зелинского, Т. Л. Мотылевой и М. А. Цявловского, писателя Хамида Алимджана и директора Института истории, языка и литературы УзФАН т. Наджиба.

II. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Подготовка первого тома «Истории советской литературы» была в 1942 году не только основным объектом плана Отдела советской литературы, но и вообще главной работой, которая стояла в центре внимания коллектива всего Института. Издание этого труда подготовлялось Институтом еще в Москве, задолго до начала Отечественной войны. «История советской литературы» предполагалась в двух томах (по 45 – 50 печ. листов). В первый том должен был войти материал, рисующий развитие русской советской литературы от начала Октябрьской революции до наших дней. Второй том должен был быть посвящен историческим очеркам развития других крупнейших братских литератур народов СССР. Оба тома «Истории советской литературы» должны были завершать 12-ти томную «Историю русской литературы», предпринятую Академией наук.

В 1940–1941 гг. для первого тома был собран большой материал, написанный как штатными сотрудниками Института, так и сторонними лицами, преимущественно видными литературными критиками. Была составлена и в свое время утверждена Отделением литературы и языка АН

СССР схема-план этого труда⁸. Возобновляя в Ташкенте прерванную осенью 1941 года работу над этим томом, Отдел советской литературы Института встал перед лицом очень больших трудностей.

Вероломное нападение на СССР гитлеровской Германии и уход на фронт многих научных работников Института во главе с проф. Серебрянским⁹, а затем эвакуация Института из Москвы – все это на время приостановило работу над «Историей советской литературы». Она смогла возобновиться уже только в Ташкенте, весной 1942 года, когда здесь постепенно собрались основные кадры Института. Однако Великая Отечественная война внесла ряд новых моментов в понимание литературного процесса и в известной мере сделала устаревшими и требующими пересмотра некоторые части коллективной работы над «Историей». Поэтому потребовалась переработка ее плана и написание заново некоторых частей тома. Взамен ушедших на фронт товарищей в работу включились другие научные работники Института, сотрудники Отделов русской литературы XIX века и западных литератур (профессора Н. Л. Бродский, Д. Д. Благой, В. Я. Кирпотин, Б. В. Михайловский, И. И. Векслер, Б. С. Мейлах, Л. И. Тимофеев, старшие научные сотрудники Е. Б. Тагер, Т. Л. Мотылева, С. М. Штут, М. Н. Черневич и др.). Задача представлялась весьма трудной: работы мобилизованных товарищей остались или незавершенными, или же, будучи представлены в своем первоначальном варианте и обсуждены редколлекгией, требовали доработки и переделки. Многие главы и разделы глав, представленные их авторами, еще не подверглись рецензированию и обсуждению, а ряд глав (главным образом из

⁸ «История советской литературы: (Схема-план)» была опубликована в 1939 г.

⁹ М. И. Серебрянский был зав. Отделом советской литературы в 1938–1941 г.

числа порученных договорным работникам) еще не был написан вовсе. С другой стороны, условия Отечественной войны требовали существенных изменений в планировке тома, введения новых глав и т. д. В результате всего этого нужно было почти заново написать 1-й том и в исключительно короткие сроки. Необходимо было также создать известные внешние материальные предпосылки, которые бы обеспечили столь напряженную работу в условиях эвакуации. В этом смысле Институт получил полную поддержку со стороны Центрального Комитета КП(б)Уз в лице Секретарей ЦК тов. Н. Ломакина и т. Юлдашбаевой, обеспечивших научным сотрудникам 1-го тома все необходимые условия¹⁰.

В результате напряженной работы 1-й том в своем основном корпусе был написан к заданному сроку. Опыт привлечения к работе специалистов по смежным областям в значительной степени оправдал себя и названные выше товарищи представили вполне удовлетворительные по качеству работы, за которые некоторые авторы получили в конце 1942 года звание отличников и ударников. Но это еще не было преодолением основных трудностей, стоявших и частично еще продолжающих стоять перед редакционным коллективом тома. В ряде случаев работы заслуженно получившие высокую оценку при их обсуждении, представляющие большой интерес сами по себе и не требующие никаких переделок, если бы их предстояло публиковать отдельно, требовали огромной, трудоемкой кропотливой редакторской работы для того, чтобы довести их до такого состояния, когда они могли бы войти в том как органическая его часть, не дублирующая других частей и исчерпывающая все те задачи, которые должна выполнять в томе именно она. Эта сложность редакционной работы не могла не замедлить ее темпа, заставляла неоднократно воз-

¹⁰ Имеется в виду решение «квартирного вопроса».

вращаться к отдельным моментам архитектоники книги в целом и ставить вопрос о контаминации некоторых работ, о построении глав из частей работ разных авторов, о пополнении их кусками, написанными редактором и т. д. Только таким путем могло быть достигнуто полное единство подхода к предмету, единство в оценке аналогичных явлений в разных литературных жанрах. Высокая требовательность редколлегии в этом плане диктовалась ответственностью задач – дать в «Истории советской литературы» первое научное обобщение, а трудность осуществления этих требований проистекала из того, что материал советской литературы в огромном большинстве случаев впервые делался объектом подлинного историко-литературного изучения, тогда как раньше он являлся почти исключительно объектом литературной критики, часто субъективной и почти лишенной исторического подхода, а обобщения по отдельным периодам или жанрам носили механический обзорный характер и не были увязаны с диалектикой историко-литературного процесса, отражающего путь советского народа к социализму и борьбу за его построение.

Основные недостающие части тома были написаны вновь привлеченными авторами, в порядке соцсоревнования, к 25-й годовщине Октября. Предварительное их обсуждение вместе с пересмотром материала собранного в 1940 – 41 гг. заняло последние два месяца 1942 и начало 1943 года. Теперь работа вступила в свою редакционную стадию. Эта часть работы по необходимости сопровождается известной доработкой и переработкой глав (как по существу, так и в отношении литературной стороны и в отношении размера их, поскольку общий листаж тома лимитирован 40 – 45 печ. листами).

В окончательном виде содержание тома рисуется следующим образом:

Он открывается главой «Партия и литература», в которой читатель знакомится с первой и коренной особенностью советской литературы, впитавшей в своем развитии исторический опыт рабочего класса и авангарда его – коммунистической партии, литературы оплодотворенной учением великих вождей народа Ленина и Сталина, принявших и непосредственное участие в руководстве литературным движением (автор главы Б. С. Мейлах).

Вторая глава – «Классическое наследие и советская литература» – трактует о соотношениях русской литературы прошлого и советской, о том, в какой мере литература социалистического реализма является восприимчивой и продолжательницей лучших традиций русской классической литературы, литературы критического реализма, литературы Пушкина и Гоголя, Белинского и Некрасова, Тургенева и Гончарова, Толстого и Достоевского, Щедрина и Чехова (автор главы Л. И. Тимофеев).

Следующие четыре главы посвящены творческому пути А. М. Горького как основоположника литературы социалистического реализма. Эти главы рисуют художественное наследие, критические взгляды, публицистику и общественно-литературную деятельность Горького как непосредственного руководителя и воспитателя советских писателей. Размер этих глав 6 авторских листов (авторы – Б. В. Михайловский и Е. Б. Тагер). Эти главы находятся в стадии завершения ее авторами.

Все эти шесть глав являются, в известной мере, вступительными, характеризующими общие предпосылки развития, общие исходные начала советской литературы. Затем следует общий очерк (размером около 25 автор. листов), который и составляет историю советской литературы в собственном смысле, т. е. постепенное год за годом изложение фактов и характера литературного развития, содержания важнейших дискуссий, характеристику литератур-

ных направлений, отдельных наиболее важных книг и произведений в области прозы, поэзии и драматургии.

Этот общий очерк делится на три части. Первая часть (около 5 авт. листов) обнимает факты, явления нашего литературного развития в годы гражданской войны и интервенции (годы 1917–20) и включает, помимо характеристики литературных направлений того времени (напр. Пролеткульта), характеристику творчества писателей тех лет: Блока, Брюсова, Д. Бедного, А. Белого, С. Есенина и др.

Вторая часть (около 10 авт. л.) посвящена литературному развитию периода восстановления народного хозяйства и борьбы за социалистическую индустриализацию страны (20-е годы до «года великого перелома» включительно). Помимо характеристики литературных школ и направлений того времени (РАПП и др.) эта часть включает характеристику основных произведений, появившихся в двадцатые годы: Серафимовича, Фурманова, Фадеева, Федина, Вс. Иванова, Л. Леонова, Зощенко, Асеева, Сельвинского, Багрицкого, Погодина, Панферова, Ильфа и Петрова, Гладкова, Сейфулиной, Шагинян и др.

Третья часть рисует литературное движение тридцатых годов, в годы сталинских пятилеток до начала Отечественной войны. Помимо изложения дискуссий и направлений этих лет (дискуссия против формализма и вульгарного социологизма и т. д.) в этой части нашли себе место характеристики произведений тридцатых годов таких писателей, как Н. Островский, А. Макаренко, Вс. Вишневский, Н. Погодин, Вс. Иванов, Леонов, Твардовский, Симонов, Соболев, Павленко, Эренбург и мн. др.

Отдельные главы общего очерка подготовлены К. Л. Зелинским, Д. Д. Благим, Т. Л. Мотылевой, М. Н. Черневич, С. М. Штут и др. Общее завершение и переработка производится К. Л. Зелинским.

После второй части общего очерка следует монографическая глава о творчестве В. Маяковского (автор В. Перцов). После третьей части – монографические главы о творчестве А. Толстого (автор проф. И. И. Векслер) и М. Шолохова (автор проф. В. Я. Кирпотин). Размер монографических глав – около 10 листов.

Весь труд завершается главой о литературе Великой Отечественной войны, написанной проф. Л. И. Тимофеевым.

Хотя работа над «Историей советской литературы» еще не доведена до такой стадии, когда она может быть уже сдана в производство и поступить в распоряжение широкого читателя, однако в процессе ее литературная наука накопила немалый опыт, дающий уже свои плоды¹¹. Так, опираясь на материал 1-го тома академик А. Н. Толстой написал свой доклад «Четверть века советской литературы», с которым А. Н. Толстой выступал на юбилейной сессии Академии Наук 13 ноября 1942 года в г. Свердловске. Из работы над монографической главой о творчестве А. Н. Толстого у проф. Векслера выросла целая книга о творчестве писателя размером до 15 печ. листов. Из работы над главой об историческом романе и повести в советской литературе у проф. Д. Д. Благого выросла тоже книга на эту тему. Из работы над главой о чертах нового героя в советской литературе у ст. научного сотрудника Института С. М. Штут выросла кандидатская диссертация (размером

¹¹ «История советской литературы» осталась незавершенной. Макет 1-го тома, написанный на основе имевшихся материалов, но уже другим авторским коллективом (из прежнего в нем были представлены М. П. Венгров, К. Л. Зелинский, Е. Б. Тагер и С. М. Штут), под названием «Очерк истории русской советской литературы (1917–1941)» был опубликован в издательстве АН СССР в 1952 г. В переработанном виде (из первого авторского коллектива в нем остались только К. Л. Зелинский и Л. И. Тимофеев) «Очерк» был издан в 1954–1955 гг. в двух частях.

около 10 печ. листов) на тему «Воспитание героя в советской литературе и проблема положительного героя».

Наряду с подготовкой первого тома «Истории советской литературы» Отдел советской литературы готовит три монографии. Две из них посвящены А. М. Горькому. Это книги «Горький мыслитель» Б. В. Михайловского и «Стиль Горького» Е. Б. Тагера. Третья монография И. И. Векслера об А. Н. Толстом уже готова и включена в издательский план Академии Наук 1943 года¹². Наконец, сотрудник Отдела советской литературы Е. Э. Лейтнеккер значительно продвинул вперед в Ташкенте, несмотря на оторванность от архивных фондов, составление «Летописи жизни и творчества А. М. Горького». Собран большой материал за 1918 – 1924 годы (1257 проверенных дат и фактов), пополнено собрание материалов за 1868 – 1917 гг. Всего «Летопись» в настоящий момент содержит свыше 8000 дат и фактов творческой биографии А. М. Горького¹³.

Исполнившееся в феврале 1942 года шестидесятилетие со дня рождения А. Н. Толстого Институт отметил устройством нескольких публичных докладов о его творчестве (два доклада И. И. Векслера и доклад Д. Д. Благого).

Кроме того, Институт отмечал в июне 1942 года 6-летнюю годовщину со дня смерти А. М. Горького и в марте 1943 года 75-летие со дня его рождения публичными заседаниями, собирающими большую аудиторию. В первом заседании («Горьковские чтения 1942 г.») были прочитаны

¹² Отдельными изданиями упомянутые работы Б. В. Михайловского и Е. Б. Тагера не выходили и были включены авторами в их общую книгу «Творчество М. Горького» (М., 1951). Монография И. И. Векслера «Алексей Николаевич Толстой: Жизненный и творческий путь» вышла в Ленинграде в 1948 г.

¹³ «Летопись жизни и творчества А. М. Горького» была издана в 4-х выпусках в 1958–1960 гг. Материалы, собранные Е. Э. Лейтнеккер, стали частью 1-го выпуска.

доклады Н. К. Пиксанова и Е. Б. Тагера, во втором – Б. С. Мейлаха, Б. В. Михайловского и Н. К. Пиксанова.

III. ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ ЛИТЕРАТУР

Располагая в Ташкенте гораздо более благоприятными условиями для изучения советских литератур среднеазиатских республик, чем это имело место в Москве, и имея возможность вступать в тесное сотрудничество с местными литературными кадрами, приобщив их к опыту более, чем трехлетней работы над русской советской литературой, Институт поставил своей задачей подготовку объединенными силами московских и местных национальных кадров «Очерков советских литератур Средней Азии». В настоящий момент эта работа близится уже к завершению, несмотря на большие трудности. Очерки о туркменской, казахской, киргизской и таджикской литературах¹⁴ подготавливались в столицах соответствующих республик. Узбекский очерк заканчивается в Ташкенте, в сотрудничестве с местными литературными работниками и из него уже обсуждены три главы: 1. Умственная и литературная жизнь Узбекистана перед революцией; 2. Хамза Хакимзаде и борьба с национализмом за новую советскую литературу; 3. Новое поколение поэтов и начало советской узбекской литературы.

План этого очерка был разработан в Институте под руководством Зав. Отделом советской литературы К. Л. Зелинского, обсужден и принят на совместном заседании с Институтом истории, языка и литературы УзФАНа под председательством проф. А. К. Боровкова.

¹⁴ «Очерки» советских туркменской, казахской и таджикской литератур были опубликованы, соответственно, в 1980, 1960 и 1961 гг. «История киргизской советской литературы» увидела свет в 1970 г.

Для создания задуманной книги сформирован авторский коллектив из числа сотрудников Института и при ближайшем участии членов-корреспондентов АН СССР В. М. Жирмунского и Е. Э. Бертельса. Редактирование очерка поручено Хамиду Алимджану и Корнелию Зелинскому.

В результате трехмесячной работы (в которой принимал участие и научный сотрудник Института истории, языка и литературы УзФАНа Хамиль Якубов) написано более половины книги (около 6 печ. листов). Остальная половина находится в стадии завершения.

Очерк открывается большой главой о классическом наследии узбекской литературы (автор Е. Э. Бертельс). Затем идет часть, посвященная литературному движению 20-х годов (от начала Октябрьской революции до 30-го года). В этой части наиболее подробное освещение получило творчество Хамзы Хаким Заде. Вторая часть, помимо глав о литературном движении 30-х годов, содержит ряд глав, посвященных обзорам, рисующим достижения современной узбекской литературы в области поэзии, прозы и драматургии и, наконец, главу, характеризующую устное народное творчество в советскую эпоху (авторы В. М. Жирмунский и Ш. Зарипов). В этой части нашло свое освещение творчество таких поэтов и писателей, как С. Айни, Г. Гулям, Х. Алимджан, Айбек, Уйгур, Шейхзаде, Чусты, С. Абдулла, А. Умари, А. Каххар, Яшен и др. Книга (размером около 11 – 12 печ. листов) завершается главой о литературе Узбекистана в дни Великой Отечественной войны.

Книга будет первым опытом создания истории одной из современных национальных литератур СССР и в этом

смысле явится новинкой для всего советского литературоведения¹⁵.

Наряду с литературами Средней Азии Институт запланировал очерки развития украинской и белорусской советских литератур и привлек к этой работе сотрудников Украинской и Белорусской Академий наук¹⁶ (см. ниже в разделе IV о сборнике «Литература и война»).

(IV раздела в данном Отчете не было, он вошел в специальный Отчет за весь 1943 г. – *А. К.*).

V. ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-КЛАССИКОВ

Основным объектом работы в этой области была подготовка серии очерков о писателях-патриотах, упомянутых в докладе тов. Сталина 6. XI. 1941 года.

Очерк проф. Д. Д. Благого «Пушкин – великий национальный русский поэт» в настоящий момент уже вышел в свет в Ташкенте на русском и предполагается к выходу на узбекском языке. Брошюра получила высокую оценку при ее обсуждении в Институте и легла в основу доклада автора на публичном заседании Института совместно с САГУ в феврале 1942 года (в 105-ю годовщину смерти поэта), а также его многочисленных выступлений в Ташкенте перед массовой аудиторией. Нужно отметить следующие три момента, благодаря которым очерк проф. Благого, несмотря на популярный характер, является в известной степени новым вкладом в пушкиноведение: а) раскрытие Пушкиным русского национального характера, б) пейзаж русской при-

¹⁵ «История узбекской советской литературы», созданная уже другим авторским коллективом (из первого в нем остался лишь Х. И. Якуб), вышла в 1967 г.

¹⁶ «Очерки» истории белорусской советской литературы и украинской советской литературы вышли из печати в 1954 г.

роды в произведениях Пушкина, в) мировое значение Пушкина.

Значительно более объемистый очерк проф. Н. Л. Бродского «Виссарион Григорьевич Белинский» (свыше 6 авт. листов), печатающийся в Москве в Гослитиздате¹⁷, используя весь накопленный прежним изучением великого русского критика материал и излагая его живым и выразительным языком, вносит в это изучение также ряд новых и чрезвычайно существенных моментов. Таково прежде всего раскрытие близости некоторых мыслей Белинского к взглядам Маркса–Энгельса, затем анализ отношения Белинского к войне 1812 года, его взглядов на фольклор, показ огромной начитанности Белинского в мировой литературе. Все это новое равно как и умелое использование предшествующего изучения поднимает Белинского до уровня европейского мыслителя.

Очерк проф. Н. Ф. Бельчикова «Н. Г. Чернышевский» (тоже печатается Гослитиздатом¹⁸) подчеркивает патриотизм русского критика, анализирует его взгляды на историческое прошлое русского народа, показывает огромное влияние романа «Что делать?» на воспитание революционных поколений 60-70-гг. и на молодежь нашего времени, когда героиня-комсомолка Зоя Космодемьянская могла писать: «хотела бы жить и действовать подобно героям Чернышевского».

Центральное место в очерке проф. Н. К. Гудзия о Л. Н. Толстом (печатается в Свердловске в издательстве АН СССР)¹⁹ занимает эпопея «Война и мир», над специальной монографией о которой автор очерка работает в 1943 году. Большое место занимает также глубокое и раз-

¹⁷ Вышел в Москве в 1946 г.

¹⁸ Вышел в Москве в 1946 г.

¹⁹ Книга Н. К. Гудзия «Лев Толстой» вышла в Москве в 1943 г.

ностороннее влияние Льва Толстого на зарубежных писателей и мыслителей конца XIX и начала XX века.

Очерк об А. П. Чехове, написанный мл. научным сотрудником К. Н. Полонской и отредактированный проф. Векслером И. И., в настоящее время вышел из печати на узбекском языке и в ближайшее время выходит также на русском языке. В нем раскрывается передовая роль Чехова как писателя горячо любившего свою родину и свой народ, глубоко чувствовавшего русскую природу, тонко понимавшего психологию русского человека и сыгравшего, вместе с К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко огромную роль в истории русского театра.

Очерк старшего научного сотрудника Е. Б. Тагера, посвященный А. М. Горькому, в настоящее время заканчивается автором.

Помимо подготовки этой серии брошюр Отдел русской литературы XIX века усиленно занимался в Ташкенте и разработкой других тем, связанных с пересмотром традиционных концепций историко-литературного процесса и переосмыслением на новом материале ряда существенных вопросов, касающихся развития русской реалистической литературы и демократической общественной идеологии. В этом плане Н. Л. Бродский продолжал свою работу над биографией М. Ю. Лермонтова²⁰ и в ряде докладов сообщил результаты своего исследования по отдельным частным вопросам. М. А. Цявловский работал над книгой «Политическая лирика Пушкина» и уже закончил главы, посвященные стихотворениям «Вольность» и «Деревня». Н. Л. Бродский закончил небольшую монографию о стихотворении Лермонтова «Бородино». Д. Д. Благой интенсивно работает над завершением своей обширной монографии

²⁰ Книга Н. Л. Бродского «М. Ю. Лермонтов: Биография. Т. 1. 1814 – 1832» вышла в Москве в 1945 г., там же в 1947 г. вышла и упомянутая ниже его книга «“Бородино” Лермонтова».

о «Медном всаднике», которое затянулось на 1943 год вследствие привлечения автора к участию в «Истории советской литературы»²¹.

В этих работах Отдела помимо упомянутых работников принимали участие чл.-корр. АН СССР Н. К. Пиксанов, проф. И. И. Векслер, проф. М. В. Нечкина и др. Большой интерес вызвал доклад М. В. Нечкиной «Грибоедов и Союз благоденствия», обсуждение которого заняло три заседания. И. И. Векслер в числе прочих докладов прочел свою готовую к печати работу «Немцы-поработители (образы германского империализма в русской литературе)», а также доклад о художественной прозе 60-х годов; Н. К. Пиксанов докладывал свою работу о Гончарове, Б. С. Мейлах главу из своей большой книги «Ленин и литература», посвященную 1905 году и проч.

Как в 105-ю, так и в 106-ю годовщину смерти А. С. Пушкина Институт устраивал публичные заседания, привлекавшие многочисленную аудиторию. В качестве докладчиков выступали Б. С. Мейлах («Фашистские варвары в пушкинских местах»), Н. Л. Бродский («Угнетенные народы царской России в произведениях Пушкина» и «Пушкин в преданиях народа») и Д. Д. Благой («Пушкин – великий русский национальный поэт»).

Особое место в планах Отдела русской литературы XIX века занимает работа М. Э. Голосовкер над альбомом «Родина в русской художественной литературе и изобразительном искусстве» (объем 75 п. л.). В центре этой работы стоят великие классики русской литературы XIX века, но значительное место отводится и более ранним периодам, и XX веку, в частности, советской литературе и искусству

²¹ Упомянутые книги М. А. Цявловского и Д. Д. Благого, а также отмеченный выше очерк Е. Б. Тагера о Горьком отдельными изданиями не выходили и были включены авторами в состав других своих монографий.

вплоть до Великой Отечественной войны. М. Э. Голосовкер с помощью младших научных сотрудников накоплен за полтора года большой материал библиографических данных, цитат, выдержек и иллюстративного материала, обработка которого в настоящее время уже начата²².

VI. ИЗУЧЕНИЕ ЗАПАДНЫХ ЛИТЕРАТУР

Основным объектом плана Института в этой области было продолжение работ по подготовке «Истории английской литературы». И здесь Институту пришлось преодолеть немалые трудности в связи с уходом ряда работников в ряды РККА (т.т. Анисимов, Аникст, Заблудовский и др.) и тем, что ряд специалистов, которые должны были участвовать в коллективной работе по обсуждению и редактированию уже написанных до войны глав (как, например, проф. А. К. Дживелегов, проф. М. М. Морозов и др.) оказались вне Ташкента. Основная тяжесть работы по обеим коллективным работам²³ легла на старших научных сотрудников А. А. Елистратову и А. И. Старцева, к которым во второй половине 1942 г. присоединилась Т. И. Сильман. Большую помощь этим товарищам оказывали члены-корреспонденты АН СССР В. М. Жирмунский и Е. А. Косминский.

Первый выпуск первого тома «Истории английской литературы» был сдан в производство еще до войны и в Ташкенте пришлось вести работу над ним уже в гранках. Это дополнительное редактирование вызывалось особыми условиями, возникшими в результате нападения фашистской Германии на СССР и образования антифашистской коалиции СССР и демократических стран Запада. Вторым полутомом этого тома находился в производстве в издательстве АН СССР. По второму тому того же издания велась как ав-

²² Названный «Альбом» в печати не появился.

²³ Имеется в виду два выпуска первого тома «Истории английской литературы», которые вышли, соответственно, в 1943 и 1945 гг.

торская, так и редакторская работа, в результате которой подготовлено к печати 5 глав объемом ок. 13 авт. листов: «Литература эпохи французской буржуазной революции», «Шелли», «Вальтер Скотт», «Семейно-бытовой реалистический роман», «Диккенс».

По «Истории американской литературы» подготовлено свыше 10 глав объемом около 15 авторских листов и собран материал еще для нескольких глав. Среди готовых глав нужно выделить следующие: «Колониальная литература XVII века», «Вашингтон Ирвинг», «Фенимор Купер», «Эдгар По» и «Лонгфелло». Большинство написанных глав уже обсуждалось на открытых заседаниях и получило положительную оценку²⁴.

В области изучения современной антифашистской литературы из ряда работ (А. И. Старцева, Т. Л. Мотылевой, И. Гальпериной, В. Адмони и др.) надо выделить уже выпущенную в свет в Ташкенте в конце 1942 года книгу Т. Л. Мотылевой «Немецкая литература в борьбе против фашизма» (6 авт. листов).

В феврале 1942 года состоялась научная сессия Института, посвященная русско-английским и русско-американским литературным связям. На этой сессии были прочитаны следующие доклады: В. М. Жирмунский «Пушкин и английская литература», Н. Л. Бродский «Лермонтов и англо-американская литература», А. А. Елистратова «Гоголь и английский реалистический роман», Н. К. Пиксанов «Байрон и декабристы», А. И. Старцев «Франклин и русское общество XVIII века», К. И. Чуковский «Уитмен в России», И. А. Кашкин «Англо-американская литература в СССР»,

²⁴ 1-й том «Истории американской литературы» вышел в 1947 г. Работа над остальными томами в те годы не велась. Вернулись к этой теме лишь в 90-е годы: в 1997–2000 гг. выходят три тома «Истории литературы США». Издание продолжается.

И. С. Зильберштейн «Англо-русский том “Литературного наследства”».

* * *

По истории античной литературы в Ташкенте закончено старшим научным сотрудником З. Г. Гринбергом и Б. В. Горнунгом редактирование тома коллективной «Истории греческой литературы» (ок. 40 авт. листов), содержащего разделы: «Проза классического периода», «Эпоха эллинизма» и «Греческая литература под римским владычеством»; ими же написан ряд глав для 3-го тома того же издания. Кроме того велась подготовительная работа по «Истории латинской литературы» (З. Г. Гринберг) и по «Словарю античной мифологии» (Б. В. Горнунг и внештатный работник Н. Б. Костовская)²⁵.

(VII раздела в данном Отчете не было, он включен в Отчет за весь 1943 г. и посвящен изучению античной и византийской литературы. – А. К.).

VIII. ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ ИНСТИТУТА

За время пребывания Института в Ташкенте вышли из печати или выходят в ближайшее время (уже законченные печатанием) следующие научно-исследовательские и научно-популярные издания, частью подготовленные к печати до эвакуации, частью написанные уже в Ташкенте:

1. Акад. М. М. Покровский – «История римской литературы». Изд-во АН СССР (25 авт. л.). <М.; Л., 1942>.

2. «История английской литературы». Том 1. Изд-во АН СССР (...авт. листов). <Вып. 1. М.; Л., 1943>.

3. А. И. Старцев – «Америка и русское общество». Изд-во АН СССР (2 п. л.). <2 издания: М., 1942; Ташкент, 1942>.

²⁵ Из перечисленных работ по античной литературе вышла только «История греческой литературы»: В 3 т. М.; Л., 1956–1960. Позднее была написана «История римской литературы»: В 2 т. М., 1959–1962.

4. Н. П. Белкина и Е. Б. Тагер – «Горький – борец против фашизма». УзГИЗ (3 авт. л.). <Ташкент, 1942. Н. П. Белкина и Е. Б. Тагер были составителями, а не авторами этого сборника статей, речей и писем А. М. Горького >.

5. Т. Л. Мотылева – «Немецкая литература в борьбе против фашизма». УзГИЗ (6 авт. л.). <Ташкент, 1942>

6. Д. Д. Благой – «Пушкин – великий русский национальный поэт». УзГИЗ. (3 авт. л.) <Ташкент, 1943>

7. К. Н. Полонская – «А. П. Чехов». УзГИЗ (3 авт. л.). <Ташкент, 1943>.

8. То же на узбекском языке.

IX. НАУЧНАЯ ПРОПАГАНДА, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РАБОТА И РАБОТА В ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

1. Старшие научные сотрудники Института и прикомандированные к нему до 1. X. 1942 г. высококвалифицированные специалисты из состава ленинградского Института литературы АН СССР (члены-корреспонденты АН и профессора) принимали самое активное участие в деятельности лектория Наркомпроса УзССР. В этом лектории выступали с публичными лекциями по истории русской и западной литературы члены-корр. В. М. Жирмунский, Н. К. Пиксанов, профессора В. Н. Адрианова-Перетц, Д. Д. Благой, Н. Л. Бродский, Б. В. Михайловский, старш. научные сотрудники М. П. Венгров, Б. В. Горнунг, Т. Л. Мотылева и М. А. Цявловский. Эти же лица и ряд других научных сотрудников (проф. И. И. Векслер, К. Н. Полонская и др.) выступали по путевкам Наркомпроса в разных собраниях учителей, школах, клубах, парках культуры и отдыха и т. п. с докладами научно-популярного характера. Темами служило творчество крупнейших русских и западных писателей: Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Гончаров, Лев Толстой, Чехов, Горький, Маяковский, Байрон, Гёте, Шиллер, Гейне и мн. др., – а также ряд об-

щих проблем литературоведения, фольклористики и истории культуры.

2. С первых недель своего пребывания в Ташкенте ряд сотрудников Института включился в преподавательскую работу в местных ВУЗах: заведование кафедрами истории русской или западной литературы взяли на себя: проф. Д. Д. Благой (Гос. Пед. Институт); проф. Б. В. Михайловский (САГУ), член-корр. АН В. М. Жирмунский (Гос. Пед. Ин-т) и член-корресп. В. Ф. Шишмарев (САГУ). Преподавательскую работу вели помимо названных лиц также проф. Н. Л. Бродский (САГУ), проф. Л. И. Пономарев (САГУ), член-корресп. Н. К. Пиксанов (САГУ), старшие научные сотрудники М. А. Цявловский (Вечерний Пед. Институт), М. П. Венгров (САГУ) и Б. В. Горнунг (занятия с аспирантами САГУ и Института востоковедения АН СССР).

3. Ряд научных сотрудников Института, являющихся членами Союза Писателей К. Л. Зелинский, В. М. Жирмунский, Е. Б. Тагер, М. П. Венгров, Т. Л. Мотылева) принял непосредственное участие в творческой жизни Союза и его издательства художественной литературы²⁶. Так, К. Зелинский прочел 2 доклада на расширенном заседании Президиума Союза Писателей о современной узбекской поэзии и путях развития узбекской литературы, затем сделал доклад о 25-ти летнем пути развития советской литературы на расширенном пленуме Союза Писателей, посвященном 25-летию нашей литературы и задачах ее в дни Отечественной войны. На том же пленуме В. М. Жирмунский сделал доклад об узбекском героическом эпосе. К. Зелинский работал в качестве члена редакционного Совета изд. «Сов. писатель», написал ряд предисловий к книгам узбекских поэтов, вышедших в этом издательстве. Е. Б. Тагер прочел

²⁶ Руководство Союза писателей СССР находилось в то время в Ташкенте.

доклад о творчестве В. Маяковского на вечере Союза Писателей, М. П. Венгров неоднократно выступал на литературных вечерах с чтением своих воспоминаний об А. М. Горьком и Маяковском.

Х. МАССОВО-АГИТАЦИОННАЯ РАБОТА

За время с прибытия в Ташкент первой группы работников Института (ноябрь 1941 года) по 1 апреля 1943 года научными сотрудниками Института сделано около 300 выступлений на литературные темы в массовых аудиториях и свыше 350 выступлений общественно-политического характера на всенародных стройках и на предприятиях Ташкента, его окрестностей, Беговата, Бухары и др. городов. В это число не входят 78 литературных и общественно-политических выступлений в массовых аудиториях с 1 января по 1 октября 1942 г. прикомандированных тогда к Институту тт. Векслера, Жирмунского, Мейлаха, Пиксанова и Шишмарева.

Доклады на историко-литературные темы делались главным образом в частях и госпиталях РККА: с одной стороны в подшефном госпитале №3665, с другой – по путевкам Военно-шефской комиссии ЦДК САВО²⁷ и отчасти Бюро научно-технической пропаганды УзФАНа. Темами докладов и здесь служило творчество великих классиков русской и западной литературы (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Л. Толстой, Чехов, Горький, Шекспир, Байрон, Диккенс и др.), а также творчество советских писателей (Ник. Островский, И. Эренбург, Всев. Иванов, М. Зощенко) и современных писателей Запада (Ром. Роллан, Уэллс, Дж. Лондон, современных американских и антифашистских немецких писателей).

²⁷ – Центральный Дом Культуры Средне-азиатского военного округа. Ниже: ДКА САВО – Дом Красной Армии САВО.

Из отдельных докладчиков нужно выделить гг. Матвейчука (свыше 15 докладов о Горьком), Рыскинд (свыше 30 докладов о Л. Толстом), Черневич (свыше 10 выступлений с докладами о Л. Толстом и западных писателях и с читкой художественных произведений), Елистратову (свыше 20 докладов о Гоголе, английских и американских писателях), Мотылеву (свыше 10 докладов о Чехове, Эренбурге и немецкой антифашистской литературе), Венгрова (свыше 40 докладов о Горьком, Блоке и Маяковском) и Штут (свыше 20 докладов о советских писателях).

По работе в подшефном госпитале, организация которой была поручена Е. М. Рыскинд, командованием госпиталя была объявлена благодарность в приказах: И. М. Касаткиной и Т. Л. Мотылевой (приказ от 23. II. 1942 г.), Е. М. Рыскинд (прик. от 7. XI. 1942 г.), В. Н. Гусевой, М. Н. Черневич, А. А. Елистратовой и вторично Е. М. Рыскинд (прик. от 8. XI. 1942 г.).

За массово-агитационную работу по линии военно-шефской комиссии ДКА САВО выражена благодарность коллективу Института в целом, а Республиканским Комитетом Союза раб. ВШ и НУ награждены грамотами Н. Л. Бродский, М. П. Венгров, В. Н. Гусев и Е. Б. Тагер.

XI. УЧАСТИЕ РАБОТНИКОВ ИНСТИТУТА В НАРОДНЫХ СТРОЙКАХ И СЕЛЬСКОХОЗРАБОТАХ УЗБЕКСТАНА

В первый раз коллектив Института принял участие в социалистическом строительстве Узбекистана уже через два месяца после своего прибытия в Ташкент. На стройку Северо-Ташкентского канала были командированы в качестве агитаторов гг. Бейслехем, Вертоградская, Матвейчук, Рыскинд и Эвин. В сумме Институт дал СТК 216 человеко-дней (с 17. II по 7. IV. 1942 года). Из названных товарищей Н. Ф. Матвейчук и Эвин были занесены на доску почета и в списки стахановцев.

Из сельско-хозяйственных работ Институт участвовал в трех компаниях:

1. Борьба с черепашкой²⁸ (20 человеко-дней).
2. Прополка, окучка хлопка (184 человеко-дня).
3. Сбор хлопка (306 человеко-дней).

В этих работах участвовало 17 сотрудников Института, причем хорошая работа ряда товарищей была отмечена.

В. А. Тронин работал по мобилизации ЦК КП(б)Уз в Бухарской области на организационно-руководящей работе по сбору хлопка.

На такой же работе по мобилизации ЦК КП(б)Уз на строительстве металлургической базы Узбекистана в г. Беговате работала с 14. X. по 17. XII. 1942 г. Э. В. Эвин. Работа ее как образцового пропагандиста и организатора дважды отмечалась в печати.

Институт в ряде случаев направлял сотрудников и для работы на Ташсельмаше по очистке территории завода от производственных отходов (17 человеко-дней).

Наконец, гг. Карцев, Горнунг и Гусева работали в августе 1942 г. на Главном почтамте, в его отделениях и на других предприятиях связи Ташкента, организуя там проверку соцсоревнования и инструктируя работу стенной газеты.

XII. ИТОГИ СОЦСОРЕВНОВАНИЯ

Социалистическое соревнование в Институте развернулось, как это уже было указано выше (см. Введение), с особенной широтой с июня 1942 года, когда в ответ на первомайский приказ тов. Сталина большинство сотрудников дало новые соцобязательства. Кроме того в это же время Институт включился в общеакадемическое соревнование,

²⁸ *Черепашка* – так в просторечии называли вредителей сельско-хозяйственных культур – клопов, внешне напоминавших маленьких черепах.

условия которого были выработаны Президиумом АН СССР совместно с ЦК Союза Работников Высш. Школы и НУ.

Проверка итогов соцсоревнования проводилась межинститутской производственной комиссией дважды: 1) к 25-летию Октября и 2) в конце декабря 1942 года. Первая проверка велась по двум линиям – по линии общеакадемического жюри, созданного в Ташкенте под председательством акад. В. В. Струве, и по линии Республиканского комитета Союза работников ВШ и НУ (председатель жюри проф. Муравейский). По линии общеакадемического жюри Институт разделил вместе с Институтом мирового хозяйства и мировой политики и Институтом материальной культуры 3-е, 4-е и 5-е место, так как показатели соревнования были признаны у всех этих Институтов более или менее одинаковыми. По линии Республиканского Комитета Союза ВШ и НУ производилось распределение мест по отдельным показателям. Здесь Институт занял второе место по массово-агитационной работе и по оказанию помощи местным национальным кадрам (работа Института по руководству написанием очерков казахской, киргизской, туркменской и таджикской советской литературы и подготовительная работа по созданию фундаментального очерка узбекской советской литературы совместно с узбекскими писателями и литературоведами). По показателю «организация научных сессий и публичных заседаний» Институт занял 3-е место.

Профсоюзный актив Института принял самое широкое и деятельное участие в проверке итогов межинститутского соревнования. Из числа старших научных сотрудников Института Е. М. Евнина была выдвинута как председатель межинститутской производственной комиссии, руководившей всею проверкою, Б. В. Горнунг как секретарь общеакадемического ташкентского жюри, а проф. З. Г. Грин-

берг как руководитель бригады по проверке соревнования в Институте истории, в которой кроме него работали также проф. Д. Д. Благой, проф. И. И. Векслер, проф. Б. С. Мейлах и В. А. Тронин. Жюри особым постановлением отметило четкую работу бригады проф. Гринберга.

ХІІІ. СВЯЗЬ С ФРОНТОМ

На фронтах Отечественной войны находятся 42 сотрудника (профессора И. И. Анисимов, М. И. Серебрянский, кандидаты наук А. А. Аникст, М. Д. Заблудовский, И. И. Дежнев и др.), среди них две женщины, ушедшие в армию добровольно – капитан Н. П. Белкина и старший сержант К. В. Вертоградская.

Институт поддерживает с фронтовиками постоянную связь. К 1-му января 1943 г. им были посланы письма с подробным сообщением о проделанной Институтом научной работе за время пребывания в Ташкенте. Они, со своей стороны, постоянно информируют Институт о своей работе в армии и о том, какой отклик получают на фронте массовые брошюры, изданные Институтом. Некоторые из их писем представляют исторический интерес. Письма эти сохраняются.

К новому году Институт отправил ряду товарищей в действующую армию посылки и свое последнее издание «Горький – борец против фашизма».

Директор Института /проф. Л. И. Пономарев/

Ученый секретарь Института /Б. В. Горнунг/

А. М. Решетов

ВСПОМНИМ, ЧТОБЫ НЕ ЗАБЫВАЛИ
Ленинградские этнографы в период
Великой отечественной войны 1941–1945 гг.

Мы знаем, что ныне лежит на весах,
 И что совершается ныне,
 Час мужества пробил на наших часах
 И мужество нас не покинет.

А. Ахматова

В Ленинграде, где фронт и тыл были неразделимы, сражались все. Ленинград защищали не только пехотинцы, артиллеристы, летчики, моряки, но и рабочие, инженеры, ученые, художники, медики, актеры – люди разных профессий и возрастов, даже дети.

М. А. Дудин

В предвоенные годы, как и прежде, Ленинград являлся ведущим этнографическим центром страны. Здесь функционировали крупнейшие этнографические музеи – Музей антропологии и этнографии и государственный музей этнографии. На филологическом факультете Ленинградского государственного университета успешно выполняла свою учебную и научно-исследовательскую работу кафедра этнографии. Наконец, в Ленинграде действовало главное этнографическое учреждение в системе АН СССР – Институт этнографии. Несмотря на все понесенные в годы репрессий потери, в городе плодотворно трудились известные этнографы и антропологи, как член-корр. АН СССР Д. К. Зеленин, профессора А. Н. Генко, И. Н. Винников, Е. Г. Кагаров, Н. В. Кюннер, а также С. М. Абрамзон, Е. Э. Бломквист, В. В. Гинзбург, А. Г. Данилин, А. Я. Дуисбург, С. В. Иванов, Н. А. Кисляков, А. Н. Кондауров, А. С. Морозова, Л. И. Лавров, Г. А. Никитин, Н. П. Никуль-

шин, Д. А. Ольдерогге, Л. Б. Панек, Г. И. Петров, А. А. Попов, Л. П. Потапов, Г. Н. Прокофьев, М. В. Сазонова, С. Н. Стебницкий, Е. Н. Студенецкая, А. Л. Троицкая, Н. Б. Шнакенбург и многие другие, уже известные научному сообществу ученые. При Институте этнографии АН СССР издавались единственный в стране этнографический журнал, с 1937 г. сборник статей «Советская этнография», а также «Труды Института этнографии АН СССР».

1941 год проходил во всех этнографических учреждениях города в обычном трудовом режиме. 2 января в Институте было объявлено Постановление Президиума АН СССР от 24 декабря 1940 г.: «1. В связи с назначением академика Струве Василия Васильевича директором Института востоковедения АН СССР, освободить его от должности директора Института этнографии АН СССР. 2. назначить проф. Винникова Исаака Натановича директором Института этнографии с последующим представлением общему собранию АН СССР»¹. Исаак Натанович Винников принадлежит к славной плеяде советских этнографов широкого профиля, воспитанников ленинградской этнографической школы 20-х гг., вся творческая деятельность которого в советский период была неразрывно связана с Музеем антропологии и этнографии и Институтом этнографии АН СССР². Возглавляя Институт, сборник статей (журнал)

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее – ПФА РАН), ф. 142. 1941 г., оп. 1, д. 44, л. 1.

² Об И. Н. Винникове подробнее см.: Милибанд С. Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. ч. 1. М., 1995. С. 238. Глускина Г. М., Демидова Г. М. И. Н. Винников (к 70-летию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1967, № 6. С. 155–159; Вопросы филологии стран Азии и Африки. Сб. в честь проф. И. Н. Винникова. Л., 1967. вып. 1; Памяти И. Н. Винникова // Народы Азии и Африки, 1974, № 5. С. 247; Решетов А. М. Профессор И. Н. Винников как этнограф // Материалы научной конференции восточного факультета, посвященной 275-летию Санкт-Петербургского университета. 8–9 апреля 1999 года. СПб., 1999. С. 217–220.

«Советская этнография» и кафедру этнографии в ЛГУ, он по существу являлся лидером не только ленинградской, но и всесоюзной этнографической науки.

Первая половина 1941 г. проходила в Институте под знаком реорганизации: вместо существовавшей ранее параллельной структуры Кабинетов в Институте и Отделов в Музее создавалась новая единая структура отделов³. Наступала летняя пора, и сотрудники Института готовились к поездкам в экспедиции. 17 июня в Тюмень, Тобольск, и Ханты-Мансийский национальный округ Омской области для сбора материалов по этнографии хантов и закупки этнографических коллекций выехала сотрудница отдела Сибири Н. Ф. Прыткова. 18 июня к вепсам Винницкого района Ленинградской области отправился сотрудник отдела Европы Н. Н. Волков. Студенты кафедры этнографии ЛГУ успешно завершали экзаменационную сессию, а преподаватели готовились к новому набору⁴.

Государственный музей этнографии (ГМЭ) в соответствии с рекомендациями совещания исторической секции музейно-краеведческого отдела Наркомпроса РСФСР от 31 января 1941 г. был занят решением сложной задачи показа современности и границ собирательской работы по современности. 14 марта 1941 г. директор ГМЭ Е. А. Мильштейн провел совещание по этому вопросу, на котором с докладом выступил заведующий кафедрой этнографии МГУ проф. С. П. Толстов. Докладчик выступил против по-

³ Подробнее см.: Решетов А. М. Отдание долга. Часть III. Институт этнографии АН СССР во время Великой Отечественной войны (некоторые вопросы истории) // Этнографическое обозрение (далее – ЭО) 1995, № 6. С. 4.

⁴ Решетов А. М. Кафедра этнографии в структуре филфака (1938-1944) // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 10. Секция истории филологического факультета. 11–16 марта 2002 г. Санкт-Петербург. СПб., 2002. С. 35–40.

литико-просветительных выставок и высказался за сбор тех современных экспонатов, которые бы сохраняли лучшие национальные традиции, отражали новые национальные традиционные формы одежды, жилища и т. п. Вместе с тем он предлагал усилить внимание к формированию тех лекций, в которых проявлялись тенденции образования общих черт в культуре и быте народов СССР⁵. На претворение в жизнь всех этих непростых установок были направлены все творческие усилия этого опытного музейного коллектива.

22 июня 1941 года закончилась мирная жизнь. Фашистская Германия своим нападением на СССР перечеркнула все прежние планы ленинградских этнографов, как и всех советских людей. Едва ли кто-нибудь в этот день да и даже в первые дни войны осознавал трагичность ситуации, мог представить себе невероятные тяготы этой долгой войны. Все верили, что война будет непродолжительной и победоносной. Уже сразу 22 июня 1941 г. Президиум Верховного совета СССР объявил в Ленинграде и Ленинградской области военное положение. Уже на следующий день после начала войны в связи с мобилизацией в Рабоче-крестьянскую красную армию уволены из Института этнографии дворник П. Д. Рыжаков, научно-технические сотрудники Г. А. Гловацкий и И. И. Сазонов, младший научный сотрудник А. А. Савинич. В том, что вероломный враг, незвано пришедший с мечом на нашу землю, от меча и погибнет, едва ли кто-нибудь сомневался. «Враг будет разбит, победа будет за нами! – убежденно заверял вождь. Велик был патриотический порыв сотрудников Института, равно как и всех ленинградцев, все горели желанием отдать все силы на разгром врага. Добровольцами записались

⁵ Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный Музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. Вып. VII. С. 56.

на фронт старые и молодые научные сотрудники, аспиранты и сотрудники хозяйственной части Института этнографии АН СССР Н. П. Никульшин, Г. Д. Вербов, Н. Б. Шнакенбург, Н. Н. Волков, Д. Н. Лев, Г. Н. Прокофьев, А. Н. Нечаев, Л. И. Лавров и другие. Среди них находились и те, кто по состоянию здоровья имел освобождение от воинской обязанности.

26 июня свой очередной отпуск прервал заведующий отделом учета и хранения И. Я. Треногов, не заходя в Институт, явился в военкомат для прохождения военной службы. Всего в действующую армию и народное ополчение ушло свыше 30 человек⁶. Фронтовиков не сразу отчисляли из штата: это было сделано в разное время позже.

В первые дни после начала войны ушли в армию и народное ополчение все студенты и студентки, которых военкоматы сочли возможным призвать к выполнению воинского долга. В действующую армию ушли Н. В. Бычков, Г. И. Зикеев, М. В. Певзнер, Л. В. Гребнев и другие. В войска местной противовоздушной обороны (МПВО) была призвана студентка Зоя Титова. Санитаркой санитарного поезда стала прошедшая специальную подготовку медицинских сестер еще до войны Людмила Назаренко (Сабурова)⁷.

Добровольцами на фронт в народное ополчение ушли после объявления войны и многие сотрудники ГМЭ, среди них директор музея Е. А. Мильштейн, заведующий фотолабораторией А. А. Гречкин, художник Р. А. Валюк, сотрудники Жабько и Д. Я. Алексеев, медсестрами были

⁶ Подробнее о сотрудниках Института, ушедших в армию, и об их судьбах поименно см.: Решетов А. М. Отдание долга. Часть II. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР – воинов Великой Отечественной войны // ЭО, 1995, № 3. С. 2–30; № 4. С. 3–24.

⁷ Решетов А. М. Кафедра этнографии в структуре филфака (1938–1944). С. 38.

призваны Е. Г. Гавриленко и К. Ф. Кирилловская⁸. Многие сотрудники Института, музейев и студенты университета принимали участие в оборонных работах, сооружали оборонительные сооружения на дальних и ближних подступах к городу. Это был тяжелый физический труд в экстремальных условиях. Вражеские самолеты обстреливали безоружных людей в открытом поле, но никто не покидал своего рабочего места самовольно, трудились до последней возможности, когда приходилось уходить от врага, преследующего их, спасаясь от окружения и плена.

Уже 23 июня с 18 часов в Институте этнографии устанавливалось круглосуточное дежурство. В тот же день в целях сохранения музейных ценностей была создана бригада (начальник С. М. Абрамзон, заместитель Р. И. Каплан) из трех звеньев во главе с А. А. Поповым, С. В. Ивановым и Д. А. Ольдерогге), а также санитарное (начальник Б. В. Фирштейн) и пожарно-санитарное (начальник Н. Е. Попов) звенья. На третий день войны до особого распоряжения были закрыты для посетителей оба музея, началось свертывание экспозиций и подготовка наиболее ценных предметов к эвакуации. Прежде всего следовало подготовить тару, что в условиях, когда враг рвался к городу, было нелегким делом. В МАЭ и Институте для эвакуации музейных коллекций, научных рукописей и редких книг специально было изготовлено 320 и отремонтировано 25 имеющихся в наличии ящиков. Было подготовлено 289 ящиков с музейными экспонатами (около 20 тыс. предметов), но отправить их из Ленинграда не удалось. По договоренности с Эрмитажем 125 ящиков с наиболее уникальными предметами были сданы на хранение в его подвалы. Все другие ящики и наиболее крупные предметы были размещены в залах первого этажа старой части здания

⁸ Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный Музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти.

МАЭ, под его прочными сводами. Некоторые габаритные вещи оставались сложенными внизу экспозиционных шкафов. Часть хрупких экспонатов, в том числе знаменитые анатомические коллекции Петровской Кунсткамеры (около 2000 банок) разместили в специально отведенных подвальных помещениях. Все трудились, не чувствуя усталости, хотя пришлось выполнять большой и сложный объем трудоемкой работы, ибо понимали: речь идет о спасении бесценных сокровищ, накопленных почти за два с половиной века. Итоги этой кропотливой деятельности были подведены на общем собрании научных и научно-технических сотрудников Института 24 октября. Определены были и перспективы неотложных работ на ближайший период. В ГМЭ в эти же месяцы коллекции были четко и оперативно подготовлены к эвакуации и там, в отличие от МАЭ, успели вывезти их в г. Горький до 8 сентября 1941 г., т. е. до времени установления блокады города. Лица, сопровождавшие поезд с эвакуированными коллекциями, успели вернуться в Ленинград, оставив с ними только одного сотрудника, который столкнулся с невероятными трудностями, когда было решено перебазировать их в Новосибирск. Поразительно, что и эта сложная задача в условиях военного времени была успешно решена. Такую высокую ответственность чувствовали люди за сохранение национального достояния.

В условиях блокады город самоотверженно готовился к отражению нападения противника. Большую опасность для исторического здания Кунсткамеры представляло размещение на его башне огневой зенитно-пулеметной точки и наблюдательного пункта. Окна угловых кабинетов первого этажа (отделы Африки и Сибири) были заложены, а незакрытые щели должны были служить амбразурами. В этих кабинетах были размещены артиллерийские орудия. Эта трагическая ситуация побудила директора института проф.

И. Н. Винникова от безысходности обратиться 23 сентября 1941 г. со специальным письмом в адрес первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) и члена Военного совета Северо-Западного фронта А. А. Жданова и секретаря Василеостровского РК ВКП(б) А. А. Шишмарева с протестом против превращения здания Кунсткамеры в военный объект:

«Распоряжением начальников I и II участков обороны Василеостровского района в здании музея Института этнографии Академии наук (кстати, это здание является одним из немногих сохранившихся древнейших сооружений нашего города: в этом здании были заложены великим Ломоносовым основы русской науки и помещалась прославленная Кунсткамера, учрежденная Петром I) приступило к оборудованию и установке огневых позиций и точек. При этом позиции и точки устанавливаются в помещениях, в которых хранится огромное количество коллекций, имеющих общегосударственное и мировое значение. Эти коллекции не могут быть перемещены ни в какое другое помещение внутри здания, а самые помещения не могут быть изолированы от других помещений музея, которые, в свою очередь, заняты ценнейшими собраниями. Далее, неизбежное размещение в музее воинской части для обслуживания названных огневых точек нарушит всю систему охраны здания музея и его ценностей и в значительной степени нарушит проводимую научным персоналом музея работу.

Так как музей Института этнографии Академии наук СССР является учреждением, имеющим всесоюзное и общенациональное значение, я считаю своим долгом обратить внимание Военного совета обороны г. Ленинграда на необходимость принятия всех возможных мер для обеспечения сохранности накопленных столетиями ценностей музея»⁹.

Написать такое письмо в трудные блокадные дни в высшие партийные и военные инстанции города – для это-

⁹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24, оп. 2-б, д. 1057, л. 14–14об.; Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный Музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти. С. 57.

го надо было обладать немалым гражданским мужеством. Это был большой риск. И, слава Богу, власти правильно поняли тревогу директора Института за судьбу исторического здания и уникальных коллекций. Резолюция А. А. Жданова: «Тов. Шишмареву. Это верно. Жданов» спасла здание музея и обеспечила сохранность музейных коллекций. А вокруг по-прежнему шло строительство оборонительных сооружений. Напротив здания на Университетской набережной были устроены дзоты. Вход в Таможенный переулок преграждало проволочное заграждение.

30 июня по приказу директора в Институте стал функционировать штаб МПВО в составе С. А. Абрамзона (начальник штаба), Ф. Б. Шапиро и А. Н. Кондаурова. В кабинетах здания были поставлены бочки с водой, сложены лопаты, щипцы и ломы, а 65 окон подверглись затемнению. В различные звенья общеинститутской команды МПВО было включено 26 сотрудников, в их обязанности входило круглосуточное дежурство в две смены. Для осуществления телефонной связи штаба с объектами в Институте и в фондах сотрудники уложили специальный телефонный кабель. Их же силами была проведена очистка чердака, стропил, обрешетки, сделано частичное покрытие двух обрешеток огнестойким раствором. На чердак площадью в 450 м² была поднята тысяча ведер песка, который уложили ровным слоем. Туда же дополнительно было поднято еще 300 ведер песка для тушения зажигательных авиабомб. Это все делалось ценой невероятных усилий, трудились молодые, пожилые и старые, здоровые и больные, ученые и технический персонал. Даже школьница Галя, дочь А. Н. Генко и Л. Б. Панек, принимала во всех этих работах посильное активное участие.

С 8 июля 1941 г. все сотрудники приступили к обязательному обучению методам противовоздушной и противохимической обороны, что отвечало насущным потребно-

стям военного времени. Благодаря бдительности и оперативности дежурившие на крышах Института и фондов потушили несколько зажигательных бомб. В одном из приказов директора института отмечалось: «Во время воздушного налета в ночь с 10 на 11 сентября с. г. одна зажигательная бомба упала на крышу здания Института в районе поста № 3. Попадание бомбы было своевременно обнаружено начальником поста, главным бухгалтером Института Л. И. Судаковым, который быстро потушил бомбу и тем предотвратил возникновение пожара. За энергию, смелость, а также высокую бдительность, проявленные Л. И. Судаковым, во время воздушного налета фашистских стервятников, объявляю ему благодарность»¹⁰. Воздушным бомбардировкам и артиллерийскому обстрелу подверглось и здание ГМЭ. В результате прямого попадания четырех фугасных авиабомб и 5 артиллерийских снарядов были разрушены некоторые экспозиционные залы и хранилища. Прямым попаданием крупной фугасной бомбы был разрушен купол мраморного зала, были уничтожены десятки тысяч вещей¹¹. Дежурство на крышах музейных зданий в осенне-зимнее время было полно опасностей, продувал холодный ветер, но ни на минуту нельзя было расслабиться и потерять бдительность. Сотрудники поистине героически выполняли свой долг, каждый раз выходя на дежурство.

Музейные коллективы пережили в первой половине 1941 г. не одно сокращение штатов, а количество работ, порученных им, возрастало. 30 августа 1941 г. директор Института И. Н. Винников обратился к председателю исполкома Василеостровского райсовета Кускову со специальным письмом: «В штате Института числится 66 сотрудников, из которых 4 человека – добровольцы, 5 человек пе-

¹⁰ Решетов А. М. Отдание долга. Часть III. / ЭО, 1995, № 6. С. 7.

¹¹ Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный Музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти. С. 57–58.

реведены на казарменное положение в отряд народного ополчения, 2 человека находятся в командировках, 23 человека по возрасту и состоянию здоровья (имеют соответствующим образом оформленные справки) не подлежат привлечению к трудовой повинности. 1 человек мобилизован на работу по линии районного штаба МПВО, 3 человека входят в круглосуточную охрану (вахтеры) и 3 человека – дворники, несущие также круглосуточные дежурства. Таким образом, для несения дежурств на пожарных постах остается всего 25 человек. Между тем Институт имеет 2 здания..., что требует единовременного дежурства на пожарных постах не менее 30 человек... Исходя из вышеизложенного, институт этнографии обращается к вам с просьбой полностью освободить сотрудников Института от участия в трудовой повинности, учитывая, что за последние две недели институт сократил свой штат на 40%»¹². Несмотря на обращение директора, сотрудников продолжали привлекать на трудовые повинности практически до середины декабря 1941 г. На оборонных стройках в общей сложности было выработано около 12000 человекоднев, т. е. в среднем на каждого сотрудника приходилось 15 человекоднев. Если же считать только трудоспособных, то на каждого приходилось около 30 человекоднев»¹³. Как понятно, оставшиеся научные и технические сотрудники МАЭ и ГМЭ без учета ушедших на фронт, приняли на себя всю тяжесть разнообразных работ по охране зданий, сохранению музейных коллекций, по участию в строительстве оборонительных сооружений.

По согласованию с вышестоящими академическими и административными органами Институт этнографии АН СССР готовил и несколько раз представлял по инстанции списки сотрудников, подлежащих эвакуации. Одним из

¹² ПФА РАН, ф. 142., оп. 1(1941 г.), д. 21, л. 14.

¹³ Там же, д. 39, д. 33, л. 9.

первых был представлен список в 20 ученых, в котором значились фамилии С. А. Штернберг, Н. П. Дыренковой, А. Б. Пиотровского, Г. Н. Прокофьева, Н. А. Липской, Н. Н. Тихоницкой и др. Другой список состоял из 64 фамилий¹⁴. Из блокадного Ленинграда вылететь можно было только по постановлению правительственных органов. Оно распространялось на руководителей институтов и ведущих ученых. В ноябре 1941 г. самолетами были эвакуированы директор Института проф. И. Н. Винников, член-корр. АН СССР проф. Д. К. Зеленин и проф. Н. В. Кюнер. К сожалению, в литературе появились неоправданные, весьма субъективные негативные оценки поведения И. Н. Винникова в период его деятельности в Ленинграде до эвакуации¹⁵. Необъективный подход к личности директора приводит к такому курьезному утверждению: якобы у всех сотрудников водопровод замерз, и вода не шла, а «почему-то в помещении, где жил директор музея, вода еще шла из крана». При МАЭ были оборудованы бомбоубежища, одно из них – для всех прохожих, застигнутых воздушной тревогой, другое – для сотрудников. «Нам же бомбоубежища были практически не нужны. Как только объявляли сигнал воздушной тревоги, все бежали: не исключая слабых и больных, на свои посты в здании музея, на чердак или на крышу. А наш директор и я же с ним бежали в бомбоубежище. Бомбоубежище это было обставлено хорошей мебелью, взятой из кабинетов, были даже ковры. Входить в этот «бункер» разрешалось только избранным». Такого рода «воспоминания» опровергаются свидетельствами других сотрудников,

¹⁴ Там же, д. 40, л. 23–24; д. 20, л. 2–7.

¹⁵ Вологодина В. Н. Из истории Кунсткамеры: музейные работники в годы войны и блокады // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1994. № 4. С. 163–164, 170, 173; Попов А. А. О действительных героях и мнимых // Из истории Кунсткамеры. 1941–1945. СПб., 2003. С. 17–25.

пользовавшихся этим бомбоубежищем¹⁶. Тяготы военного блокадного времени все переживали вместе и одинаково в подвальных помещениях Музея. По мере имеющихся возможностей штатного расписания дирекция предпринимала меры по улучшению материального положения. Например, препараторы были переведены на должность старших рабочих и стали получать рабочие карточки и более высокую зарплату. Дирекция помогала известным ученым, оставшимся в городе, привлекая их к работе в Институте, таким образом обеспечивая их зарплатой и продуктовыми карточками. В частности, на должность заведующего отделом антропологии был принят С. И. Руденко. На него же возлагались обязанности наблюдать за общим направлением и ходом работ отдела археологии. Заведующим отделом Сибири стал М. А. Сергеев. На должность и. о. старшего научного сотрудника был принят Н. Н. Степанов, должность младшего научного сотрудника заняла Е. М. Пещерева. заведующей отделом Америки была назначена Е. Э. Бломквист, и. о. заведующей отделом Восточной и Южной Азии К. В. Вяткина, восстановлены в должностях Н. Ф. Прыткова и А. Л. Троицкая и т. д. В бомбоубежищах были установлены 10 печей-временок. С 4 сентября приказом от 2 сентября 1941 г. были переведены на казарменное положение сотрудники А. Н. Кондауров, Г. Г. Стратанович, С. В. Иванов, А. А. Попов, В. В. Федоров, Н. И. Насекин, Е. А. Максимова. Переведенные на казарменное положение должны были каждый день неотлучно находиться в здании Института. Примечание к приказу гласило, что отлучка «допускается только с разрешения директора или его заместителя». Коменданту здания В. В. Федорову предлагалось к 4 сентября оборудовать помещения для лиц, переведенных на казарменное положение и организовать хозяйст-

¹⁶ Федоров В. В. О блокадных днях, пережитых сотрудниками МАЭ // Из истории Кунсткамеры. 1941–1945. СПб., 2003. С. 27.

венное обслуживание специальной комнаты¹⁷. С 15 сентября на казарменное положение при институте были еще переведены Е. В. Жиров, Г. И. Петров, Д. Н. Лев, А. Шакуров. Приказом по Институту от 15 декабря 1941 г. были отменены круглосуточные дежурства на пожарных постах; сотрудникам, находящимся на казарменном положении, было разрешено пользоваться выходными днями по особому расписанию¹⁸.

Все сотрудники, жившие при Институте, питались в расположенной рядом академической столовой, к которой были прикреплены все сотрудники института. Перевод части сотрудников на казарменное положение позволил дирекции более рационально использовать их в работах по сохранению музейных ценностей и самого здания. Начиная со второй половины сентября 1941 г. стали резко ухудшаться бытовые условия у тех, кто жил дома. Тогда же возросло число заболевших. Многие сотрудники, иногда с семьями, начали селиться в подвальных помещениях здания. Сообща было легче заниматься отоплением «коллективного жилища». Так, зимой 1941–1942 гг. в Новой Деревне разобрали пустующий двухэтажный дом и на санках перевезли «топливо» в Институт¹⁹. Люди старались помочь друг другу: приносили больным обед из столовой, кипятки, получали хлеб по карточкам, и т. д. Руководство Института принимало все возможные меры по улучшению питания сотрудников, а именно: получение мест в академическом зале столовой, где не надо было стоять в очереди, принятие сотрудников в члены Дома ученых, где имелись условия для усиленного питания, оформлению продовольственных карточек 1-й категории и т. д.

¹⁷ ПФА РАН, ф. 142., оп. 1(1941 г.), д. 44, л. 59.

¹⁸ Там же, л. 75.

¹⁹ Лавров Л. И. Институт этнографии в дни блокады // Архив МАЭ РАН, ф. 25, оп. 1, д. 108, л. 7.

Несмотря на все тяготы и лишения, ленинградские этнографы принимали посильное участие в борьбе с врагом. Это была, прежде всего, моральная поддержка воинов – бывших сотрудников МАЭ и ГМЭ, с которыми многие более или менее регулярно переписывались, вселяя в них оптимизм, веру в скорую победу. Приходивших с фронта коллег встречали тепло и помогали чем могли. Например, учитывая недостаток подробных карт пригородов Ленинграда, Л. Б. Панек передала бывшим сотрудникам на фронт карту для дачников, изданную в 1902 г., а С. А. Штернберг – подзорную трубу, которой пользовался Л. Я. Штернберг в экспедиции²⁰. Сотрудники музеев, студенты и преподаватели кафедры этнографии ЛГУ передавали в фонд обороны семейные реликвии, золотые и серебряные вещи, а также деньги²¹.

На службу фронту, армии, будущей победе была поставлена и новая научно-исследовательская тематика. По заданию Политического управления Красной Армии сотрудники-этнографы приступили к составлению историко-географо-этнографических справочников о народах мира. Был оперативно пересмотрен и научно-исследовательский план Института этнографии, о чем послан доклад в Президиум АН и академику-секретарю Отделения истории и философии АН СССР академику А. М. Деборину. «В план Института на 1941 г. включен ряд заданий, имеющих оборонное или особо актуальное значение. В частности, отделы работают над подготовкой к печати небольших по объему книг (до 2 печатных листов каждая), посвященных этнографии зарубежных, главным образом граничащих с СССР стран: Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии, Финляндии, Швеции, Норвегии, Турции и т. д.»²². От-

²⁰ Там же, л. 4.

²¹ ПФА РАН, ф. 142., оп. 1(1941 г.), д. 21, л. 17-18.

²² Там же, д. 23, л. 77.

дел антропологии запланировал выпуск ряда изданий, посвященных разоблачению расовой «теории» германского фашизма.

7 сентября 1941 г. по ленинградскому радио было оглашено письмо академиков С. А. Зернова, И. И. Мещанинова, Л. А. Орбели, П. И. Степанова, членов-корреспондентов АН СССР В. Ф. Шишмарева и С. Е. Малова, профессоров С. Г. Бархударова и К. А. Пушкаревича. В нем говорилось: «Мы живем в городе, над которым нависла непосредственная опасность вторжения врага. Фашистские варвары обстреливают Ленинград из артиллерийских орудий, бомбят мирные жилища, больницы, общественные учреждения крупнейшего научного и культурного центра. Но ни бомбы, ни снаряды не остановят, не сломят нашу волю к победе и борьбе. Ленинградские ученые продолжают спокойно и уверенно работать»²³. Когда сегодня знакомишься с архивными материалами о деятельности Института этнографии АН СССР во второй половине 1941 – первой половине 1942 гг. поражаешься несгибаемой стойкости людей, их самоотверженности и вере в правое дело. Голодные, изможденные, они фанатично, но сознательно трудились во имя будущего, во имя Науки. К концу 1941 г. была закончена монография «Белорусы и украинцы воссоединенных областей», продолжалась работа над томом «Народы Сибири и Дальнего Востока» и готовился к печати том «Народы Средней Азии и Казахстана» (из серии «Народы СССР»). Вышел в свет 2-ой том «Путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая». Велась подготовка к изданию избранных трудов И. Я. Бахофена и Л. Я. Штернберга. С. А. Штернберг, Е. Э. Бломквист и М. В. Степанова целеустремленно готовили план музейной экспозиции и академической научной сессии, чтобы в 1942 г. отметить 450-летие открытия

²³ Соболев Л. Г. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.; Л., 1966. С. 89–90.

Америки. Составлялись проспекты статей для «истории первобытной культуры». Планировались защиты диссертаций «Самодийские языки и проблема происхождения современных ненцев, энцев и нганасан» Г. Н. Прокофьевым на степень доктора и «Генезис среднеазиатской вышивки ирани» В. В. Якимовой – на степень кандидата. Незадолго до своей кончины успешно защитил кандидатскую диссертацию А. Н. Кондауров. 20 ноября 1941 г. на имя ректора ЛГУ подала заявление с просьбой разрешить ей защиту кандидатской диссертации на тему «Коллективные земельные работы в сельской общине восточных славян» Н. Н. Тихоницкая. Готовили тексты своих диссертаций Д. А. Ольдерогге, К. В. Вяткина, М. Д. Торэн и другие. Продолжалось изучение музейных предметов в фондах, регистрация прежде поступивших в музей этнографических и археологических коллекций. Так, в отделе Передней и Средней Азии было завершено описание уникальной коллекции по персидскому шиитскому празднику *мухаррам*, в отделе Сибири – большой этнографической коллекции по народам Амура.

Все, что делали сотрудники музеев, студенты и преподаватели кафедры этнографии зимой 1941-1942 гг, делали на пределе человеческих сил. Сказывалось постоянное недоедание и холод. Начались потери в этих коллективах. 28 октября 1941 года ушла из жизни Надежда Петровна Дыренкова, крупный специалист по этнографии, фольклору и языкам народов Южной Сибири. Справедливости ради надо отметить, что это не была смерть от истощения: конечно, ослабевший организм не смог справиться с тяжелой болезнью. Она умерла прямо в рабочем кабинете²⁴. «Мы су-

²⁴ В мемуарной литературе встречается нелепое утверждение, что Н. П. Дыренкова умерла на руках у своего учителя Л. Я. Штернберга. Как понятно, такой факт не мог иметь место, ибо великий этнограф

мели похоронить ее на Волковском кладбище по всем правилам, по-человечески. К сожалению, про остальные жертвы этого сказать нельзя. А сколько их было еще впереди...»²⁵. 17 декабря не стало заместителя главного бухгалтера Евгения Андреевича Курманаева, 23 декабря – старшего кочегара Михаила Алексеевича Бабкина. 25 декабря в тюремной больнице в Ленинграде скончался выдающийся кавказовед Анатолий Несторович Генко. 30 декабря 1941 г. ушел из жизни антрополог Андрей Никифорович Юзефович, 2 января 1942 г. вахтер Викентий Степанович Оверко, 8 января – антрополог Григорий Иванович Петров, 9 января – музейный служащий Николай Романович Косиковский. 29 января умер выдающийся сибиревед Георгий Николаевич Прокофьев. 31 января 1942 г. не стало этнографа-слависта Надежды Неофитовны Тихоницкой, 3 февраля – дворника Иксяна Ибрагимовича Сафимова и известного слависта Константина Алексеевича Пушкаревича, 5 февраля также в один день препаратора и старшего рабочего Василия Александровича Ёлкина, заведующей фотонегаткой Елизаветы Прокофьевны Эмме и этнографа и лингвиста сибиреведа Григория Михайловича Корсакова. 9 февраля скончался антрополог Евгений Владимирович Жиров, 16 февраля – старший рабочий Гайше Ш. Шакурова, 17 февраля известный этнограф, специалист по Средней Азии Александр Николаевич Кондауров, 22 февраля – искусствовед Кира Александровна Большева. В последний день месяца 28 февраля трагически оборвалась жизнь жены и соратника Л. Я. Штернберга американистки Сары Аркадьевны Ратнер-Штернберг. Колоссальные потери! По ночам комендант здания, он же студент кафедры этнографии Н. А. Бутинов на санках отвозил трупы умер-

умер еще в 1927 г. См.: Попов А. А. О действительных героях и мнимых. С. 24.

²⁵ Там же.

ших сотрудников на стрелку Васильевского острова, где находился открытый морг. В коллективе и в это время сохранялась непоколебимая вера в победу и непокорность врагу. Американистка М. В. Степанова так выразила свое отношение к происходящему: «Враги не заставят нас оставить нашу науку. Мы и там, под землей, будем заниматься этнографией». Обстановка в Институте не изменилась и с наступлением весны. 5 марта умер океанист Александр Брониславович Пиотровский, 7 марта дезинфекторы Ольга Никитична Бумагина и О. Н. Драмова, 9 марта – крупный сибиревед Нина Александровна Липская-Вальронд, 12 марта – библиотекарь Елена (Эмма) Маврикиевна Кубиш, 2 апреля – музейный работник Вера Васильевна Екимова, в мае Валерий Евгеньевич Краснодембский... В дальнейшем в разное время ушли из жизни еще 14 человек...²⁶ За время блокады Ленинграда ГМЭ потерял свыше 50% своего состава, в числе погибших от голода Н. А. Астафьева-Чадина, В. В. Афанасьева, Л. Ю. Валюк, П. Ф. Герман, А. Г. Данилин, Н. К. Иванов, Куорти, И. Ф. Курганов, Н. М. Леушина, Н. И. Малышев, Г. А. Никитин, Н. Ф. Пантюшкина, И. М. Пульнер, В. В. Сахаров, Я. П. Ульрих, В. Г. Хольцов, П. А. Хохолко, Г. К. Щипкова и другие. Музей лишился многих, в том числе крупных специалистов-научных работников, этнографов, квалифицированных музейно-технических работников, скульптора, манекенных мастеров, фотографа и др.²⁷

В столь сложной, даже трагической ситуации актуальным становился вопрос об эвакуации сотрудников и студентов из блокадного Ленинграда. При первой возможно-

²⁶ Подробнее см.: Решетов А. М. Отдание долга. Часть первая. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР, погибших в блокадном Ленинграде // ЭО, 1995, № 2. С. 40–62.

²⁷ Крюкова Т. А., Студенечка Е. Н. Государственный Музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти. С. 58.

сти в составе ЛГУ в феврале 1942 г. были эвакуированы оставшиеся студенты и часть преподавателей кафедры этнографии. До этого они продолжали заниматься, несмотря на все тяготы блокадной жизни. Вселяющие веру в скорую победу и рисующие перспективы будущей жизни и учебы письма студенты получали с фронта от своих преподавателей. 1 ноября 1941 г. известный этнограф и сотрудник Института Г. Д. Вербов прислал своим студентам самодийской группы: «независимо от того, идут ли у вас занятия по специальным предметам, сами не зевайте, пользуйтесь имеющейся литературой и обязательно при наличии хотя бы маленького досуга читайте указанную и не указанную мною северную литературу... обязательно напишите мне обо всем подробно. Желаю вам бодрости, здоровья и успехов во всех ваших делах. В первом я, впрочем, и так уверен. Не сомневаюсь, что мы с вами еще увидимся и даже совершим рано или поздно все вместе первую для вас и, надеюсь, не последнюю для меня экспедицию»²⁸. 22 ноября 1941 года он делится со студентами сведениями о себе: «Мне несколько труднее заниматься здесь штатскими делами, но все же ухитрился раздобыть популярную книжку Никольского («Детство человечества») и прочесть ее. Раздобыл даже оба тома Ратцеля и немного заглядываю туда. В полевой сумке вожу свой ненецкий словарик, в который иногда (просто для развлечения) заглядываю. Спать здесь приходится немного, но когда расстилаю шинель и укладываюсь, то вперемежку с мыслями о боевых делах и перспективах войны, о доме, об институте и о вас, перебираю в памяти нерешенные вопросы нашей северной этнографии, эпизоды своей тундровой жизни. И иногда так размечаешься, что кажется, словно холод, забирающийся за ворот, ползет от основания шестов чума, из «ханзо»; кажется, что сейчас

²⁸ Вербов Г. Д. Письма с фронта студентам филологического факультета ЛГУ // Из истории Кунсткамеры. 1941–1945. СПб., 2003. С. 115–116.

послышится привычный сухой стук, который производят олени, ударяясь рогами о рога, когда подерутся, ночью бродя возле чума в поисках деликатесов. Стук раздаётся, но он громче и суше, – разорвался очередной немецкий снаряд. Работаю много, сколько могу. Сейчас это нужно как никогда. Уверен, что наша борьба закончится полной победой. Нас здесь очень воодушевляет спокойствие и поддержка находящихся за нами вас – ленинградцев. Ни в ваших письмах, ни в письмах из дома или из Института я не вижу и тени жалоб на тяготы войны или блокады. Все ведут себя (даже в письмах) спокойно и уверенно. Так и надо. Будем и впредь держаться так же. Жить мы любим, а смерти не боимся. Желаю вам успехов и бодрости. Наша встреча не за горами»²⁹.

В апреле 1942 г. в Новосибирск выехала группа сотрудников ГМЭ к эвакуированным музейным коллекциям в составе научных сотрудников Л. Ф. Виноградовой, А. Я. Дуисбург, М. Я. Орженской, Л. П. Потапова, М. В. Сазоновой, Е. Н. Студенецкой и научно-технического сотрудника Л. Ю. Валюк (последняя умерла вскоре после приезда в Новосибирск)³⁰. Приехавшие сотрудники сразу включились в работу по осмотру коллекций и организации их улучшенного хранения. Вскоре Л. П. Потапов уехал в г. Ойрот-Тура (ныне г. Горно-Алтайск), где вместе с Н. А. Баскаковым принял участие в создании местного научно-исследовательского института истории, языка и литературы, а с октября 1942 г. преподавал там в качестве доцента кафедры истории СССР эвакуированного на Алтай Московского педагогического института им. К. Либкнехта,

²⁹ Там же. С. 117.

³⁰ Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный Музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти. С. 38.

читал лекции по истории первобытного общества и этнографии народов Алтая³¹.

В Институте этнографии АН СССР в первой половине 1942 года интенсивно шла подготовка к эвакуации из Ленинграда большой группы научных сотрудников. Ее осуществлению в меру своих сил и возможностей способствовал и директор проф. И. Н. Винников, который согласовал этот вопрос в Президиуме АН СССР. Известно, что после эвакуации из Ленинграда он встречался в Казани и Свердловске с вице-президентами АН СССР академиками Л. А. Орбели и В. П. Волгиным, обсуждал с ними планы работы и положение сотрудников в блокадном Ленинграде. И. Н. Винников путем переписки решал конкретные вопросы организации эвакуации с исполняющим обязанности директора в Ленинграде С. М. Абрамзоном³². Много усилий пришлось приложить для установления связи с сотрудниками, находящимися в эвакуации в разных городах страны, в частности, с проф. Н. В. Кюннером, обосновавшимся в Алма-Ате. Через проф. В. А. Догеля И. Н. Винников передал ему следующее письмо:

19. V. 1942

Многоуважаемый Николай Васильевич,

Очень много мне пришлось пережить после того, как расстался с вами. 1½ месяца пролежал в больнице в г. Ярославле, болел крупозным воспалением легких. Был на краю гибели, чудом спасся. После этого поехал в Казань, а оттуда, по решению Президиума АН был направлен в Боровое, где нахожусь по сей день. Ездил в Свердловск для участия в работе Общего Собрания Академии наук. Я был спрошен о работе эвакуированных научных сотрудни-

³¹ Дьяконова В. П., Решетов А. М. О Леониде Павловиче Потапове // ЭО, 2002, № 2. С. 126.

³² Решетов А. М. Отдание долга. Часть III // ЭО, 1995, № 6. С. 13–17.

ков. К сожалению, ничего не мог сообщить о Вашей работе. Надеюсь, что теперь нам удастся восстановить связь.

В план Института на 1942 г. я вписал вашу работу «Народы Индокитая». Эта работа вызывает теперь большой интерес и ожидается с нетерпением. Я очень прошу Вас написать мне о ходе Вашей работы. Может быть, предложите еще какую-нибудь работу, актуальную в современных условиях?

Напишите также об условиях Вашей жизни. Регулярно ли получаете зарплату, как себя чувствуете?

Вести из Ленинграда изредка получаю. Вчера получил телеграмму от Абрамзона. Институт наш понес очень большой урон.

Жду Вашего ответа. Искренне преданный Вам И[саак] Винников.

Мой адрес:

Курорт Боровое

Акмолинской обл[асти]

Корпус № 11.

И. Н. Винников³³.

Получив ответ проф. Н. В. Кюнера, И. Н. Винников теперь стремится решать конкретные вопросы деятельности одного из ведущих сотрудников Института.

19. VI. 42

Многоуважаемый Николай Васильевич,

Благодарю Вас очень за Ваше подробное письмо. Наконец, я узнал о Вас, о Вашем здоровье и о Вашей работе. Очень рад, что Вы полностью сохранили присущую Вам бодрость духа и, несмотря на тяжелые условия, продолжаете работать. Когда у Вас будет готов проспект 2-го выпуска «Китайских известий», не откажите прислать его мне

³³ Архив МАЭ, ф. 8, оп. 1., д. 477, л. 31.

для ознакомления. Ваша работа «Народы Индокитая» включена в план Института на 1942 г. Работа эта очень нужная и актуальная, и я прошу Вас очень уделять ей максимальное внимание. Об этой работе Вашей поставлен в известность вице-президент В. П. Волгин, который ждет ее окончания. Прошу Вас держать меня в курсе Ваших работ.

Искренне преданный Вам И[саак] Винников³⁴.

И. Н. Винникову удалось постепенно установить контакт путем переписки с Д. К. Зелениным, находившимся в Самарканде, с С. В. Ивановым и Н. А. Кисляковым, работавшими в Сталинабаде, с Н. Ф. Прытковой, отрезанной войной в экспедиции на Урале и другими сотрудниками.

Наконец, было принято конкретное решение о времени эвакуации основного контингента сотрудников Института из блокированного города. 12 июня 1942 г. С. М. Абрамзон подписал приказ по Институту этнографии АН СССР за № 72: «12 июня 1942 г. выезжаю в г. Казань вместе с эвакуированным Институтом»³⁵. Таким образом, речь шла об эвакуации Института и фактическом перемещении его центра, который в дальнейшем уже не вернется в Ленинград. Одновременно с и. о. директора Института в Казань были эвакуированы ведущие научные сотрудники Института, среди них Е. Э. Бломквист, Г. М. Василевич, Л. Э. Каруновская, Ю. Л. Лихтенберг, Д. А. Ольдерогге, Л. Б. Панек, Е. М. Пешерева, А. А. Попов, Н. Н. Степанов, М. В. Степанова и др. Среди эвакуированных были и незадолго до того зачисленный в штат на должность научно-технического сотрудника Б. Г. Кудрявцев, бывший ленинградский школьник, занимавшийся дешифровкой письменности ост-

³⁴ Там же, л. 32.

³⁵ ПФА РАН, ф. 142, оп. 1 (1942), д. 32, л. 18.

рова Пасхи³⁶. Преодолев трудности переправы по Ладожскому озеру и переезда по железной дороге, ленинградская группа эвакуированных этнографов добралась до Елабуги, откуда после короткого отдыха отправилась в Ташкент. Датой образования ташкентской группы следует считать 2 ноября 1942 г., когда ленинградцы прибыли в столицу советского Узбекистана, радушно встретившую их³⁷. Таким образом, начала функционировать ташкентская группа Института – его центр в эвакуации.

21 декабря 1942 г. состоялось неожиданное и немотивированное постановление Президиума АН СССР об освобождении проф. И. Н. Винникова от занимаемой должности директора Института этнографии АН СССР и о назначении и. о. директора доктора исторических наук С. П. Толстова, а также о разрешении Институту этнографии организовать московскую группу, формирование которой и стало главной заботой нового директора в последовавшие годы. О причинах такого решения существуют разные предположения³⁸, но, как представляется, руководство АН СССР и заинтересованные лица, воспользовавшись военной ситуацией, трудностями военного времени, решили переместить центр еще одного академического института в Москву. Как бы в оправдание состоявшегося решения Президиум АН СССР по итогам работы академических институтов в 1942 г. указывал, что работа Ленинградских отделений Института истории материальной культуры (ИИМК) и Института этнографии (хотя тогда оба эти учреждения не были отделениями) в связи с условиями

³⁶ 12 декабря Б. Г. Кудрявцев был освобожден от занимаемой должности в Институте ввиду его отъезда на учебу в педагогический институт г. Кызыл-Орда; в 1943 г. во время весеннего ледохода он неосторожно катался на льдине и утонул. См.: Решетов А. М. Отдание долга. Часть III // ЭО, 1995, № 6. С. 15, 17; ПФА РАН, ф. 142, оп. 1 (1942), д. 32, л. 7.

³⁷ Там же, д. 25, л. 15.

³⁸ Решетов А. М. Отдание долга. Часть III // ЭО, 1995, № 6. С. 3–6.

блокады Ленинграда и эвакуации протекала в 1942 г. пониженными темпами, что необходимо усиление работ этих учреждений в 1943 г.³⁹ неизвестно, у кого поднялась рука написать упрек в адрес блокадников-ленинградцев, переживших трагическую зиму 1941–1942 гг., когда решался вопрос о жизни и смерти, когда сотрудники умирали десятками, что они работали «пониженными темпами». Значит, кому-то нужен такой вывод. Попутно замечу, что в следующем номере «Вестника АН СССР» была напечатана статья Т. С. Пассек об успешной деятельности московского отделения ИИМК, руководимого С. П. Толстовым⁴⁰. В феврале 1943 г. свое десятилетие Институт этнографии мог бы отметить только в Ташкенте, где теперь сосредоточился основной его костяк. Однако юбилей не состоялся, не было организатора, заинтересованного в его проведении, хотя и там коллектив мог бы подвести итоги своего сложного, трудного первого десятилетия, своей деятельности, за которое все-таки было сделано довольно много и основательно. Реальные же планы на будущее строил новый директор С. П. Толстов.

Руководителем Ташкентской группы и заместителем директора Института был назначен Н. Н. Степанов. Ташкентцы продолжали работать по ранее намеченным планам, прежде всего над статьями для Сибирского и Среднеазиатского томов четырехтомника «Народы СССР». Для этого они привезли с собой необходимые материалы; нужные книги и рукописи дополнительно присылались им из блокадного Ленинграда. Конечно, остро ощущалась разбросанность кадров. Так, А. А. Попов писал 18 января 1943 г. из Ташкента находившемуся в эвакуации на Урале заведующему отделом Сибири М. А. Сергееву: «Очень жа-

³⁹ Вестник АН СССР, 1943, № 4–5. С. 122.

⁴⁰ Пассек Т. С. Московское отделение ИИМК им. Н. Я. Марра в дни Великой Отечественной войны // Там же, 1943, № 6. С. 122–125.

лею, что нет здесь Вас с нами. Не с кем поговорить, не с кем как следует посоветоваться»⁴¹. Конечно, всех беспокоило будущее Института. Д. А. Ольдерогге писал М. А. Сергееву 12 сентября 1943 г.: «Наш Институт пере-страивается заново, постепенно превращаясь в московское учреждение. В Москве организован Ученый совет Института, где собраны все этнографы Москвы и Ленинграда. Центр Института – Москва. Заметно стремление, воспользовавшись эвакуацией, сосредоточить Академию наук в Москве, оставив в Ленинграде лишь филиалы. Так сделали с Институтом истории материальной культуры. Московское его отделение – центр, а Ленинградский центр превратили в филиал. С Ташкентской группой нашей (мое впечатление) не считается – пульс жизни в Москве...»⁴². Конечно, эвакуированные из Ленинграда в Ташкент сотрудники на новом месте значительно легче переносили трудности военного времени, некоторые даже невзгоды, в частности, в связи с трудностями размещения (в комнате жили по несколько человек), но все-таки не было бомбежек и артобстрелов, не было дежурств в звеньях МПВО, можно было на рынке купить хлеб, фрукты, овощи и даже мясо, работали кинотеатры, оперный и драматический театры, филармония... Ташкентцы не только вели регулярную переписку с ленинградцами, но и по возможности посылали им продовольственные посылочки.

В Ленинграде для обслуживания здания и сохранения коллекций оставалась небольшая группа сотрудников – всего 21 человек, в том числе и. о. старшего научного сотрудника, уполномоченный по институту Роберт Исаакович Каплан, старший научный сотрудник, кандидат этнографии Капитолина Васильевна Вяткина, младшие науч-

⁴¹ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, ф. 1109, д. 1040, л. 10.

⁴² ПФА РАН, ф. 142, оп. 1. (1942), д. 32, л. 20.

ные сотрудники Валентина Васильевна Антропова, Мария Давыдовна Торэн, Василий Васильевич Федоров, заведующая канцелярией Александра Николаевна Калдыкина. Остальные составляли обслуживающий персонал (рабочие, вахтеры, дворники и т. д.). Уже 12 июля 1942 г. были перераспределены обязанности по наблюдению и охране коллекций и имущества Института и музея между научными и научно-техническими сотрудниками по отделам и участкам. К. В. Вяткина отвечала за отдел Восточной и Южной Азии (Япония, Китай, Монголия, Индия, Индонезия) и отдел антропологии; М. Д. Торэн – за отделы Европы, Океании и первый отдел (вводный, на 3 этаже нового флигеля) и фонды; В. В. Антропова – за отделы Сибири, Средней и Передней Азии и архив; С. И. Чухман – за отделы Америки и Африки; В. В. Федоров – за отдел археологии и фонды; Х. А. Штейн – придавалась в помощь М. Д. Торэн и В. В. Федорову по охране, наблюдениям за ценными предметами и обслуживанию фондов; А. А. Белоус отвечала за имущество фотолaborатории и фонды фотонегатки⁴³. В связи с эвакуацией основной части сотрудников был изменен и заново утвержден состав унитарной команды: химзвено из четырех человек (командир В. В. Федоров), санитарное звено также из четырех человек (командир А. А. Белоус), пожарное звено из девяти человек (командир

⁴³ В литературе встречаются неоправданно оптимистические описания жизни и деятельности этнографов в блокадном Ленинграде: «В свободное от своих обязанностей время сотрудники работали над кандидатскими и докторскими диссертациями, подготавливали коллективный труд «Народы мира», участвовали в заседаниях и симпозиумах, проводимых в других гуманитарных учреждениях» (Вологодина В. Н. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук в годы войны и блокады // I Санкт-Петербургские музейные чтения. Спасение историко-художественных ценностей Ленинградских музеев в годы Великой отечественной войны. СПб.-Гатчина, 1995. С. 62).

Е. А. Максимова). На оставшихся в Ленинграде возросла также еще нагрузка, связанная с перепиской и ответами на запросы о судьбе сотрудников Института. Одни запрашивали документы на родственников, погибших на фронтах или во время блокады. Другие интересовались находившимися в действующей армии. Третьих волновала судьба квартир эвакуированных из Ленинграда родственников. В. В. Антропова на санках перевозила в Институт личные архивы погибших сотрудников и частично – Института народов Севера, сохранив эти документы для науки.

Если в 1941 г., веря в скорую победу, сотрудники еще занимались наукой, защищали диссертации, то в 1942 г. их деятельность сосредоточилась прежде всего на работе по сохранению коллекций и имущества. На все другое просто не хватало сил: ведь надо было еще позаботиться о хлебе насущном и о кипятке⁴⁴. Легче стало в 1943 г. 22 августа 1943 г. в сопровождении своего заместителя по московскому отделению ИИМКа В. Н. Чернецова в Ленинград прибыл С. П. Толстов впервые в качестве директора Института и провел там около недели. 26 августа состоялось общее производственное совещание сотрудников блокадной группы, на котором новый директор сформулировал очередные задачи, в том числе и по оживлению научной работы⁴⁵.

Для того чтобы более конкретно представить себе жизнь сотрудников в разные периоды блокады, предоставим слово им самим. Как уже отмечалось, между ленинградцами, фронтовиками и ташкентцами шла довольно активная переписка, а письма, как известно, тоже являются

⁴⁴ Решетов А. М. Отдание долга. Часть III // ЭО, 1995, № 6. С. 8–9.

⁴⁵ Там же // ЭО, 1996, № 1. С. 8–9.

историческим источником⁴⁶. Все стремились узнать о коллегах как можно больше и подробнее.

Дорогой Леонид Иванович,

Очень приятно было получить ваше письмо. Очень рад, что Вы живы. Надеюсь, что полученное Вами ранение не опасно, во всяком случае за это говорит то, что Вы используете время для работы в одном из военных училищ. Трогательно было прочесть и о том, что даже сидя в землянке Вы вели научную беседу (кстати, с кем?). Вы пишете – с Филиным, но Филин жив и недавно прислал мне письмо). Напишите, пожалуйста, с кем из сотрудников нашего Института Вы встретились и кто это через два дня героически погиб. Напишите описательно, как выглядит, по какой научной специальности – я узнаю тогда, кто это. Может быть, Перепелкин (русист) или Анатолий Бокарев (занимался аварским)? Первый из них несомненно погиб, а про второго ходят о том же пока непроверенные слухи. Вы, конечно, понимаете, что меня судьбы моих сотрудников по Институту крайне волнуют.

Что касается Института этнографии, то увы, у меня о нем сведений почти нет. Знаю, что Дыренкова умерла, знаю, что часть сотрудников оставлена в Ленинграде при музее, знаю также, что б[ывший] Директор В[асилий] В[асильевич] Струве в Ташкенте (Пушкинская 84), а Винников в курорте Боровое, Акмолинской области Каз[ахстана] ССР. Я запрошу Струве, не знает ли он что-либо об Институте этнографии и напишу Вам про ответ, но для этого, если Вы переедете из Великого Устюга, сообщите мне Ваш адрес. Я напишу и в Ленинград, где остались

⁴⁶ Решетов А. М. Письма как этнографический источник // Этнографический источник. Материалы Третьих Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2004. С. 60–66.

наши сотрудники и попрошу их зайти по соседству в Институт этнографии, не знают ли там адрес Вашей семьи?

Глубоко уважающий Вас И. Мещанинов.

15-го июля 42 г.⁴⁷

10/VIII 42 г. Дорогой Андрюша!

Только что узнал, что часть нашего Института попала в Елабугу. Думаю, что ваша группа сибиряков находится в Елабуге, вот почему я и пишу тебе сюда. Нас всех беспокоила ваша поездка. Как оказывается, вы сидели долго около Ленинграда и не могли выехать из-за шторма. Мне говорили, что в эшелон почему-то не попали Абрамзон, Попов и Степанова. Провожающие так разноречиво говорили об этом, одни говорили. Что эти лица опоздали, другие утверждали, что не было места в поезде, почему... не могли сесть в поезд. Меня больше всего интересует, как вы доехали и все ли ваши вещи целы. Ходят по этому поводу разные слухи. Не менее интересно, как вас кормили в дороге и как вы устроились с комнатами. Думаю, что неважно, ибо г[ород] Елабуга – небольшой городишко и едва ли в нем можно было найти так легко свободные комнаты, когда всюду понаехало так много эвакуированных. Интересно, как вас распределили, вероятно, среднеазиатчиков, как партию, отправили в Среднюю Азию или в другие места. Я хотел бы, чтобы ты мне написал подробнее о себе. Есть слухи, что в Елабугу отправили и ИИМК. Мне хотелось бы знать, так ли это. И вообще адреса Вашей группы и ИИМК, чтобы писать вам о всех наших новостях. Книги и рукописи мы вам отправили, всем этим ведала Антропова и если что вышло не так с научными материалами, то уж вините ее. Очень жаль, что ты, уезжая, не оставил мне часть своих вещей. Я бы тебе сохранил их, поскольку я остался в Ле-

⁴⁷ Письмо И. И. Мещанинова Л. И. Лаврову //Архив МАЭ, ф. 25, оп. 1, д. 213, л. 1.

нинграде. При проверке инвентаря музея мы находим вещи и чемоданы, оставленные в кабинетах музея. Не знаю, были ли эти вещи кому сданы или они оставлены просто так. Пропажа вещей в нашем музее вполне возможна, ибо охрана музея неважная, и тем более охраной ведаёт Максимова. Я просто боюсь за твои вещи. Интересно знать, как вы будете там работать и вообще, будет ли у вас возможность что-либо сделать в этой области. Где и как устроился Д. Н. Лев?

Да и интересно, как вы там питаетесь и вообще кому подчиняетесь?

Здесь у нас с вашим отъездом – наша жизнь сильно изменилась. Во-первых, Каплан начал из себя представлять, третьего по смене, директора музея. Сидит торжественно на кресле Винникова в кабинете директора и обложился до головы всякими бумагами. Он и ранее любил писать всякие приказы и наряды, будучи завхозом, а теперь все доски и стены пестрят его приказами и распоряжениями. Нас осталось мало. Ни Сергеев, ни Руденко (как старшие), конечно, совсем не ходят. Имеется солидная группа больных, а есть и особо привилегированные, которых освобождают от тяжелых работ. Вся наша работа сводится к чисто физической. Сначала убирали музей, затем таскали кирпичи, песок и цемент для заделки окон (8) для бойниц. Помучились с этим тасканием изрядно. Затем нам предложили в срочном порядке самим заделывать окна, оставляя в них «амбразуры».

Дело для нас совершенно новое, но поскольку это было спецзадание и как военное, – мы не могли от него отказаться. Работали целые дни, как оглашенные. А затем навали[ли] на нас производить инвентаризацию всего института. Сам посуди. Что это за работа, и, главное, все спешно. С утра до вечера мы заняты. Ни часу отдыха. Вот тебе и наша жизнь без вас в музее.

В усиленном питании нам отказали, говорят, что с 25/VIII оно совсем прекратится. Пока еще завтраки с чаем утром сохранились, но говорят, что и они скоро прекратятся. В столовке кормят по-старому, хотя в меню стали показываться и овощи, и салаты. Так у нас в городе тихо уезжают много, в связи со штормами был перерыв, а теперь снова начали уезжать. По городу попрежнему постреливают, но мы так привыкли к этому, что почти всего этого не замечаем. Погода стоит все та же – холодная и дождливая. Дежурства также остались. С ужасом подумываю о зиме, нет ни дров, ни света, не знаю, как будем жить при холодах, и ехать так, глядя на вас, не хочется. Моя жена уехала и добралась уже до Перми. Крепко жму тебе руку Твой В[асилий] Федоров⁴⁸.

3 апреля 1943 г.

Дорогие Маруся и Андрей Александрович!

Тысячу благодарностей за письмо. Ну, стоит ли на меня сердиться, что я пошумела на счет Вашего молчания, беру свои бранные слова обратно. Две поздравительные телеграммы также получили.

Очень рада за вас, Андрей Александрович, что Вы излечились от всех болезней и делаете такие большие успехи в изучении немецкого языка.

Хочу Вас немножко расстроить. Сейчас весна, солнце ослепительно светит, Нева вздулась – как хорош Ленинград, просто сердце радуется, глядя на широкие улицы, чисто выметенные и прибранные. Весна повлияла и на наших дам, Аверьева и Зинаида Ивановна завилась и сделали модные прически. 8-го марта устраивали культпоход на оперетту «Любовь моряка»!

Кап[итолина] Вас[ильевна] заворачивает месткомовскими делами и отдается им со всем пылом первой страсти. Торэша и Александра Николаевна совсем изворчались, ворчат на все, в том числе и на погоду и на Гитлера, одним словом, на все и на всех. Ну, положим ворчать им и положено по штату. Вас[илий] Вас[ильевич] думает открыть новые теории и поразить мир неожиданными открытиями, а до этого момента сидит и переписывает книги на бумагу, даже мозоль натер на пальце от усердия. Каплан погрузился в свое занятие всяких и всяческих хоз[яйственных] материалов, блаженствует и не ругается. О своей особе скромно умалчиваю. Говорят, что в наших стенах совершилось еще неожиданное событие – бракосочетание двух сотрудников, фамилии вам незнакомы, но все же явление довольно редкое в стенах Академии за последние два года. Ну, все это шуточные разговоры. Очень хочется узнать, что делает и чем занимается каб[инет] Сибири, какие проблемы поставлены в этом году? Андрей Александрович, будьте добры, напишите все подробно, мне тоже хочется быть членом вашего коллектива. Кто сейчас у вас работает по палеоазиатам? Как Вы считаете, если бы я стала подбирать материал по вопросам родовых отношений у палеоазиатских племен Северо-Востока Сибири, или посоветуйте другую тему? Горю желанием заняться изучением корякского языка, но это между нами, а то вдруг ничего не выйдет. Стыдно будет. На днях прислала открытку Ев[гения] Р[омановна] Лепер, справляется о многих, в том числе и о вас. Вот ее адрес: г. Павловск Алтайского края, Пушкинский сельскохозяйственный институт. Ей.

Пишите, Маруся, как прошел Ваш доклад?

P. S. Привет всем, я писала Берте, Лидии Эд[уардовне], С[аулу] М[атвеевичу], Винникову, Евг[ении] Эдуардовне, повидимому не все из этих писем были получены.

⁴⁸ Письмо В. В. Федорова А. А. Попову // Архив МАЭ, ф. 14, оп. 1, д. 202, л. 416.

Р. С. Для стенгазеты завтра пришлю заметку, она уже написана, но без Р[оберта] И[сааковича] не хочу посылать. Просьба поместить ее в очередном номере. Специально для Андрея Александровича:

Вы, дорогой Андрей Александр[ович], слишком высокого мнения о нас, скромных работниках, называя «героями науки», это не для нас⁴⁹.

2/VII 43 г. Дорогая Евгения Эдуардовна

Получили три В[аши] открытки с заседаний. Благодарим Вас за информацию. Теперь мы по крайней мере будем в курсе дела, знаем, кто от кого заимствовал земледелие в Африке и т. д. У нас, к сожалению, несколько другие интересы. В центре внимания сейчас огород. Больше интересуются, как бы достать рассаду картофеля или капусты. Мы очень все устали из-за огородов, но зато посвежели все, в общем все же все довольны. Бедная Капочка совершенно избегалась в погоне то за семенами, то за рассадой. В этом году в связи с общим улучшением стало лучше и в огор[одных] делах. Нам выдали рассаду картофеля. Так что осенью будем есть картофель. Огороды наши в Парголово. Я же огородничаю (если можно так сказать) на Пороховых. У меня там хорошая знакомая. Я ей помогаю обрабатывать [огород]. К огороду я отношусь с большой любовью, езжу часто. Работаю порядочно, иногда поздно, поздно ложиться спать. Устаю, конечно, ужасно, однако очень довольна. Послала Вам 2 видовых открытки, получили ли Вы их? Что-то Панек давно мне не пишет, ей же я послала пару писем, на кот[орые] еще нет ответа. Все материалы и книги, которые вы просили, я подобрала. У нас давно все вам упаковано, но все какие-то отсрочки. Дорогая Евгения Эдуардовна, обращаюсь к Вам с большой просьбой. Хочу

⁴⁹ Письмо В. В. Антроповой М. В. Степановой и А. А. Попову // Архив МАЭ, ф. 14, оп. 1, д. 202, л. 20-21.

попросить Вас посодействовать мне в отношении защиты диссертации. Целый ряд ленингр[адских] сотр[удников] в настоящее время защищает свои работы заочно. Это относится к находящимся на фронте, а т[ак] к[ак] Л[енинград] считается городом-фронтом, то и ко всем нам. В Л[енинграде] у нас негде защищать. Правда, имеется Комиссия при Д[оме] ученых, да только по техн[ическим] и медиц[инским] наукам, по которым очень просто и легко можно защитить, а по гуманитарным не могут создать Комиссию, по-видимому, мало специалистов. Поэтому ленинградцы предлагают свои работы в др[угие] города, где заочно проводится их защита. Так, кажется, у вас в Ташкенте д[олжен] б[удет] защищать н[аучный] сотрудник ИРЛИ Стеблин-Каменский. Его главный оппонент проф. В. М. Жирмунский. Ст[еблин]-Каменский послал заявления в три города и отовсюду получил приглашения. Он говорит, что вообще очень тепло относятся к нам, ленингр[адцам]-диссертантам и везде идут навстречу⁵⁰. Поговорите, пожал[уйста], обо мне. Очень прошу Вас хлопотать для меня. Это чрезвычайно важно для меня, прямо-таки вопрос жизни и смерти, т[ак] к[ак] у нас чрезвычайно большая разница между кандидатами и не имеющ[ими] степени. Мне как-то еще больше не везет, чем н[ашим] др[угим] сотр[удникам]. Антр[опова] и Федоров получили рабочие карточки. Я же карточку служ[ащую]. Так что мне плоховато. Не откажите мне, пожал[уйста], в моей просьбе. Может, другие товарищи тоже помогут устроить. Нельзя ли Струве попросить. Он всегда очень хорошо ко мне относился. Я ему так благодарна, что он всегда поддерживал, благодаря ему я смогла работать над украинцами. А то ведь была постоянная травля со стороны Зеленина. У меня

⁵⁰ Действительно, М. И. Стеблин-Каменский, находясь в Ленинграде, был удостоен в Ташкенте ученой степени доктора филологических наук.

не сдан канд[идатский] минимум. Но мне кажется, может б[ыть], меня освободят, все же я окончила 2 высш[их] Учебн[ых] завед[ения], работаю 13 лет научн[ым] сотр[удником], есть научн[ые] работы, знаю три иностр[анных] языка. По языкам, между прочим, у меня сдан канд[идатский] минимум – по англ[ийскому] и нем[ецкому]. М[ожет] б[ыть], все это учтут. Ведь откровенно говоря, никто и не сдавал к[андидатский] мин[имум], всех так проводили. Вообще, дорогая Евг[ения] Эд[уардовна], похлопочите за меня. Я же обещаю охранять наши коллекции и делать все необходимое по Музею, пока буду стоять на ногах. Недавно я заболела, мне было так плохо и больно, что я не могла повернуться на другую сторону без посторонней помощи. И все же осталась сутки дежурить, попросила Зин[аиду] Ив[ановну] меня перевернуть на др[угую] сторону и так пробыла до утра. Бюллетень брать я не могу, т[ак] к[ак] нас мало осталось, на нас и так большая нагрузка, тогда товарищам будет трудно. Надо уж ходить, пока ноги тащут. Теперь я поправилась. Опять ничего. Мы сушим коллекции, прибираем все. Я ведаю кроме ев[ропейского] отдела – отд[елами] Австралии и Океании, Африки, Учета и хранения, а также библиотекой. Когда Вы уехали, ведь в библиотеке ужас что творилось, было сдано свыше 3 тыс. томов. Все было завалено книгами. Теперь они у нас все в порядке, все стоят на своем месте. А работать приходилось очень трудно, холодно, окон нет, к довершению темно. Теперь в библи[отеке] в неск[ольких] местах вставлены стекла, все убрано. Вы не подумайте, что я хвастаюсь, когда пишу все это. Нет, но мне хочется, чтобы Вы не думали, что мы ничего не делаем. Все мы по силе возможности стараемся сделать все то, что требуется для сохранения коллекций. Нам немного обидно, что никто нами не интересуется. Новый директор не прислал ни одного письма, у нас здесь сняли 5 единиц. Послали телеграмму Толстову,

никакого ответа. Ни Москва, ни Ташкент больше не интересуются нами. Ну, что же делать. Евг[ения] Эд[уардовна], как только будет благопр[иятный] результ[ат], немедленно телеграфируйте, я срочно вышлю диссертацию. Еще раз очень прошу мне помочь. Хорошо, если бы вы были моим оппонентом.

Ваша Торэн⁵¹

31-Х-1943. Дорогой Николай Васильевич!

Приветствую вас из блокадного города, столь много пережившего за это время. Хочу напомнить Вам о себе и уверена, что вы это письмо оцените. Зимой 1941 г. я с трудом осталась жива. 2 месяца лежала истощенная, затем около 3-х с трудом передвигала ноги и месяцев 6 поправлялась. От специальности сейчас оторвана и работаю в РОНО учительницей истории.

Хотела бы получить от Вас письмо о Вашей работе и научных стремлениях. Не теряю надежды поехать с Вами на восток в экспедицию. Здесь все этнографы порастерялись – никого не найти. Собираетесь ли вы приехать сюда? Как здоровье. Ваша память у меня еще хранится, несмотря на то, что за это время я 2 раза была разбомблена, 3 раза горела, один раз мою квартиру затопило и 5 раз я переезжала, но «mon gîte»⁵² сумела сохранить. Жить у нас чрезвычайно трудно, сохранить жизнь еще труднее. Часто вижу Вяткину, Федорова, Антропову. Живых осталось мало.

Шлю Вам наилучшие пожелания. В ожидании ответа В[алентина] Храмова. Ленинград 22 ул. Текстилей, 7, кв. 34. В. В. Храмовой⁵³.

⁵¹ Письмо М. Д. Торэн Л. Э. Каруновской // Архив МАЭ, ф. 10, оп. 1, д. 117, л. 36–37.

⁵² Моя мечта – франц.

⁵³ Письмо В. В. Храмовой Н. В. Кюннеру // Архив МАЭ, ф. 8, оп. 1, д. 477, л. 213.

26-ХІ-43 г. Дорогая Лидия Эдуардовна,

Ваше письмо с поздравлениями по случаю прорывы блокады Ленинграда получила только сегодня. С первого момента было не понятно, а потом все мы (Торэшка, Антропова и Каплан) догадались, что это старое письмо, и кто-то даже сказал: «Пусть будут слова Л[идии] Э[дуардовны] пророческими», т[ак] к[ак] Вы написали не «прорыв», а «снятие» блокады. Мы все живем надеждой на скорейшее снятие. На прошлой неделе даже было официальное заседание у Федосеева о подготовке к реэвакуации учреждений АН. Здесь, конечно, в первую очередь стоит вопрос о хозяйственной подготовке, но все же самый факт таких заседаний – явление весьма отрадное.

Сейчас сижу одна на дежурстве, все ушли обедать. В подвальчике у нас чисто, тепло и уютно. По вечерам дают электричество. Жизнь наша постепенно улучшается. Я живу дома, оставила себе одну комнату, на водку наменяла пять кубометров дров, и от Жакта получила один метр, так что теплом оказалась на эту зиму обеспечена. Когда не беспокоят обстрелы, то жизнь кажется совсем нормальной. С получением литерной карточки вопрос питания для меня лично отошел на второй план. Обедаю я в доме ученых. Получаю ежедневно – на первое салат иди венегрет, на второе хороший борщ со сметаной или щи, на третье обязательно мясное (шницель, котлеты и пр[очее]), на четвертое компот, иногда настоящее пирожное и на пятое кофе. К обеду полагается 200 гр[амм] хлеба, 20 гр[амм] конфет и 15 гр[амм] масла. Кроме этого и карточки первой категории я получаю еще сухой паек – 2100 гр[амм] мяса, 1 к[и]л[огр[амм]}, 2 кл. крупы, 2 кл. кондитерских изделий, 1½ литра водки, 10 кл. картофеля, 5 кл. овощей, мыло и чай. Первое время я все съедала, а теперь продукты остаются, и я делюсь со своими товарищами. Как-то не верилось, что настанет момент, когда можно утолить голод.

С улучшением питания народ оправился, стали понемногу заниматься и наукой. У нас при институте была организована научно-исследовательская группа, под председ[ельством] Францова⁵⁴ и моем секретарстве; группа очень успешно повела свою работу, на днях пришел приказ из Москвы и нас преобразовали в группу историков уже не при И[нституте] Э[тнографии], а общеакадемическую. Завтра заседаем.

Каплан не доволен, ему нравилось стоять во главе и вообразить, что он сам «ученый». На этой почве у нас с ним было много недоразумений, он даже издал распоряжение, по которому мне запрещалось разговаривать с Францовым, а требовал утверждения тем сначала им.

Таких анекдотов ни я, ни Францов, конечно, потерпеть не могли, да и сами докладчики, если б узнали, едва ли бы согласились давать заявки в нашу группу.

Каплан хорош на хозяйственной работе, но когда он хочет быть ученым, в институте тогда начинаются сплошные анекдоты, и мы все очень страдаем от этого. А в общем живем мы все дружно, понемногу работаем над нашими научными темами. У меня, как всегда, большая нагрузка общественная, за свою работу я получила премию от Обкома союза. Не отстала в этом отношении и наша дирекция, к празднику мы все получили премии из Москвы, научные сотрудники половину месячного оклада, а начальство и технические по месячному окладу.

Часто вспоминаем всех вас. Сейчас имеем даже служебное положение проверить все квартиры уехавших сотрудников. Я буду проверять квартиры Кюнера и Василевич, а в Вашу квартиру пойдет Каплан.

⁵⁴ Францов (Францев) Георгий (Юрий) Павлович (1903–1969) – историк религии, философ, директор Музея истории религии АН СССР. Академик АН СССР (1964).

Ну спешу кончать письмо. Наши вернулись из столовой и подняли галдеж. Передайте привет всем товарищам и Ольге Эдуардовне⁵⁵.

Как здоровье Лидуши?⁵⁶

Целуем Вас. Благодарю за посылочку. Мы Вам послали телеграмму.

К[апитолина] Вяткина⁵⁷.

26. X. 43. Уважаемая Лидия Эдуардовна!

Огромное спасибо за память и за любезную записочку, а также сладкую посылочку. Каждый день приближает день встречи с нашими «Ташкентцами», без которых мы изрядно скучаем. Ин[ститут]т как покинутый дом: все в нем напоминает прежнюю кипучую работу. Недавно нас собрал Орбели и обрадовал, что кое-где начинается частичная реэвакуация, и посоветовал нам исподволь готовиться к возвращению, если не всех Ин[ститут]тов, то некоторых и во всяком случае части сотрудников. Конечно, еще у нас беспокойно. Конечно, здание в значительной части законсервировано и зимой необитаемо. Все же и здесь понемногу налаживается даже научная работа. Вчера с большим успехом прошла у нас третья сессия научно-исследовательской группы. Руководил Ю. П. Францов, секретарствовала Капитолина Васильевна. Прослушали доклад Сербиной⁵⁸ «О героической обороне Тихвина в нач[але] XVII и Сергеенко⁵⁹ «Об италийских пастухах».

⁵⁵ Ольга Эдуардовна – сестра Л. Э. Каруновской.

⁵⁶ Лидуша – Лидия Борисовна Панек.

⁵⁷ Письмо К. В. Вяткиной Л. Э. Каруновской // Архив МАЭ, ф. 15, оп. 2, д. 18, л. 94–95.

⁵⁸ Сербина Ксения Николаевна, ученица М. Д. Приселкова, доктор исторических наук, научный сотрудник Института истории АН СССР.

⁵⁹ О Марии Ефимовне Сергеенко см.: А. К. Гаврилов, Н. Н. Казанский. К 100-летию М. Е. Сергеенко // Вспомогательные исторические дисциплины 24. СПб., «Наука», 1993. С. 316–328.

С питанием для ст[арших] науч[ных] сотрудников стало совсем неплохо. Все еще туговато с питанием мл[адших] научных сотрудников, которые по этому случаю настроены пессимистически.

Район, в котором мы с Вами живем, стал очень беспокойным. Ждем, не дождемся, когда прекратится такое положение вещей, сильно действующее на нервы. Все шлют сердечный привет и ждут с большим нетерпением весточек из Ташкента. Сергей Павлович [Толстов] обещал приехать еще раз в октябре, но пока не выбрался. Зинаида Ивановна шлет Вам сердечный привет и благодарит за внимание. Привет всем. Уважающий Вас Р[оберт] Каплан.⁶⁰

30. XII. 43. Уважаемая Лидия Эдуардовна!

Мы послали коллективное поздравление с Новым Годом всем ташкентцам. Поздравляем я и Зинаида Ивановна Вас персонально с Новым Годом и желаем скорого возвращения и здоровья! Слыхали, что Вы все прихварываете. Впрочем, и уехали вы, будучи больной. Здесь обстановка для нервных людей стала тяжелой. Враг делает последние злобные потуги, чтобы причинить побольше беспокойства. Сейчас научные работники понемногу включаются в научную работу, этому много способствует организованная Сергеем Павловичем группа историков. Райком В[асиле]–о[стровского] р[айона] дал группе задание организовать составление истории В[асильевского] о[строва] в дни отечественной войны. Если взяться за дело серьезно, то работы будет немало. Теперь везде требуют активной работы. Даже Дом Ученых и тот принимает все меры, чтобы все члены Д[ома] У[ченых] работали либо в секциях, либо в активе Дома. Живем мы дружелюбно, хотя коллектив наш постепенно уменьшается, исключительно за счет техни-

⁶⁰ Письмо Р. И. Каплана Л. Э. Каруновской // Архив МАЭ, ф. 15, оп. 2, д. 18, л. 95.

чек[их]. Скоро некому будет обслуживать Ин[ститу]т, т[ак] к[ак] мало-мальски работоспособные находятся на трудах.

Я уже Вам писал, что был у Вас на квартире, где все в том же положении, в каком Вы оставили Вашу комнату в день отъезда. Кажется, соседка у Вас новая и пожалуй новый управхоз. Квитанцию в оплате 250 р[ублей] я взял на хранение. Обследованы квартиры и всех прочих сотрудников, о чем я написал Николаю Николаевичу [Степанову]. Обстрелы сильно тормозят обследование квартир, да и зимние холода, а главное темнота этому также не помогает.

Большое спасибо за память и поздравление. Мы здесь всегда думаем и помним о наших отсутствующих товарищах, даже и о тех, кто не балует нас своими письмами. А ведь и мы чувствуем себя частицей общего коллектива и живем его интересами и вне Ленинграда. Немало нам будет о чем вспоминать, когда соберемся все вместе и немало еще предстоит трудов, чтобы придать Ин[ститу]ту прежний вид и значение. Здесь был один москвич из Ак[адемии] н[аук], и он говорит, что на него наши здания производят удручающее впечатление. Мы же к этому привыкли и рады, что хоть в своем подвале сидим в тепле, с электр[ическим] светом и водой. Вот только обстрелы и дежурства измучили. Сердечный привет всем и поздравления с Новым Годом лично от меня. Ваш Р[оберт] Каплан.

Дорогая Лидия Эдуардовна, поздравляю Вас с Новым Годом и желаю исполнения всех Ваших желаний. Благодарю за память. Сердечный привет всем. Ваша З[инаида] Каплан⁶¹.

Сталинабад, 20-VI-44.

Дорогой Андрей Александрович!

Получил вашу открытку. Благодарю за приветы. Шлю свой и Татьяны Васильевны привет вам обоим. Удалось ли Марии Васильевне узнать в Москве что-нибудь о моем брате Николае Павловиче Иванове-Радкевиче?

Итак, собираетесь в Ленинград? И завидую, и не завидую вам. Обо мне пока, видимо, ничего неизвестно? В принципе я уже не склонен задерживаться больше в Сталинабаде. Меня очень и очень беспокоит мое и моей жены будущее с квартирой. Лично моя комната не жилая, как вам известно из писем Каплана. Жить придется у жены, на 1-ой Красноармейской д[ом] 2, кв[артира] 19. Но вся беда в том, что жена и ее мать брони на свою жилплощадь не имеют и могут потерять ее в любую минуту. Пока нас вывозут в Ленинград – мы можем остаться без всякой площади. Как быть – не знаю.

Писал Каплану, не знаю, что он ответит. Можно было бы перевести мою броню на квартиру жены, но тогда моя комната, а следовательно вся моя библиотека и материалы, не говоря уже о мебели – останутся беспризорными и погибнут. Вот, друг мой, какое дурацкое положение.

Если попадете в Ленинград, у меня к Вам товарищеская просьба: навестите квартиру жены, узнайте, как там дела у управдома (до нас дошли слухи, что управдом «навещает» квартиру, после чего пропадают вещи и остаются вскрытыми ящики в буфете и т. д.). Ключи от квартиры жены хранятся у балерины Есауловой Ксении Андреевны (проспект Володарского, д[ом] № 20, отдел самодеятельности). Сговоритесь с ней, покажите ей это письмо и побывайте в квартире. Может быть, что-нибудь предпримете для спасения квартиры от ее расхищения (вставка стекол, новый наружный замок, бронирование и т. д.) Стекла там выбиты, квартира окнами на улицу, во втором этаже.

⁶¹ Письмо Р. И. Каплана и З. И. Каплан Л. Э. Каруновской // Архив МАЭ, ф. 15, оп. 2, д. 18, л. 96.

Будем Вам с женой очень, очень благодарны за хлопоты. Деньги – сколько нужно на расходы – вышлем сразу же телеграфом. Не бросайте это письмо и помогите нам.

Ваш С[ергей] Иванов⁶².

1944 год стал годом реэвакуации. Весной вернулись в родной город студенты ЛГУ. Часть этнографов (С. А. Авижанская, Н. А. Бутинов, М. С. Бутинова и др.) успели защитить в Саратове дипломы и стать аспирантами. В связи с воссозданием в 1944 г. Восточного факультета ЛГУ кафедры этнографии теперь существовала в структуре этого факультета. Возвратившиеся с фронта и реэвакуации бывшие студенты кафедры восстанавливались в Университете и с воодушевлением приступали к занятиям на Восточном факультете.

В 1944 г. вернулась в Ленинград вместе с коллекциями группа сотрудников филиала ГМЭ из Новосибирска. В этом сибирском городе ленинградские музейщики вели большую просветительскую работу, читая лекции в трудовых коллективах и учебных аудиториях. Воодушевленные победами Советской армии, сотрудники даже развернули в городе выставку «Народное искусство Северного Кавказа». На своих научных заседаниях они зачитывали и обсуждали подготовленные ими сообщения. А. Я. Дуисбург завершила свое диссертационное исследование «Развитие ткацкого станка у народов Восточной Европы». Е. Н. Студенецкая приняла участие в апреле 1944 г. в научной сессии в Ташкенте с докладом «Узорные войлоки Кавказа». В Ленинграде развернулись работы по ремонту здания, сильно пострадавшего в период блокады, разрабатывались планы но-

⁶² Письмо С. В. Иванова А. А. Попову // Архив МАЭ, ф. 14, оп. 1, д. 202, л. 114.

вых экспозиций, намечались перспективные планы научной и музейной работы⁶³.

В одиночку и партиями после снятия блокады 27 января 1944 г. возвращаются в Ленинград сотрудники Института этнографии, в частности, 19 мая в родной город прибыл и. о. ученого секретаря Ташкентской группы Д. А. Ольдерогге, 19 июня – Г. М. Василевич, 14 августа заместитель директора Н. Н. Степанов, А. А. Попов, М. В. Степанова и М. М. Посенковская, 12 сентября И. И. Зарубин, 16 сентября Н. В. Кюннер, 1 октября В. В. Гинзбург, 1 ноября М. А. Сергеев, 1 декабря Т. Л. Юзенчук⁶⁴. Увеличение состава за счет возвратившихся из эвакуации сотрудников создавало лучшие условия для организации наблюдения за сохранностью музейных коллекций, научных материалов и имущества. Это позволило приступить к возрождению структуры отделов. Заведование отделом Сибири с 1 октября было возложено на А. А. Попова, Восточной и Южной Азии – на Н. В. Кюннера, Передней и Средней Азии – И. И. Зарубина. В конце года в Институт были зачислены первые аспиранты Л. А. Молчанова, Т. В. Станюкович, А. И. Новиков, В. Г. Кузнецова⁶⁵. Каждый раз были радостными встречи с реэвакуированными или возвращавшимися с фронта. 20 апреля 1945 г. вернулся из Самарканда Д. К. Зеленин, 17 мая приступили к работе Е. Э. Бломквист, Ю. М. Лихтенберг, С. М. Абрамзон, С. В. Иванов, Л. Э. Каруновская, Л. Б. Панек, Е. М. Пещерева, Б. В. Фирштейн, Г. Г. Стратанович, Ф. Б. Шапиро и Т. С. Земскова, восстановлены в своих должностях Э. В. Зиберт, К. Л. Задыхина, С. Н. Замятнин, а также зачислены в штат бывшие воины

⁶³ Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный Музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти. С. 58.

⁶⁴ ПФА РАН, ф. 142, оп. 1 (1943), д. 34, л. 22, 25, 29, 30, 32, 33. Там же, оп. 1 (1944). Д. 23, л. 8, 16.

⁶⁵ Там же, оп. 1 (1944). Д. 23, л. 4, 5, 7.

Н. Н. Волков, Г. А. Гловацкий...⁶⁶ Не вернулись в строй Н. П. Дыренкова, Н. А. Липская, Н. П. Никульшин, Г. Н. Прокофьев, Г. М. Корсаков, С. Н. Стебницкий, Н. Б. Шнакенбург, Г. Д. Вербов, А. Н. Генко, А. Н. Кондауров, А. Н. Юзефович, Е. В. Жиров, Г. И. Петров, А. К. Пушкаревич, Г. А. Никитин, А. Г. Данилин, П. А. Хохолко, И. М. Пульнер и многие другие. Большинству из них исполнилось только чуть больше 30 лет. Каждый раз, просматривая списки так рано ушедших из жизни в годы жестокой войны коллег, я невольно думаю, что история советской этнографии и антропологии могла бы во второй половине XX века быть совсем иной. Скольких ярких, самобытных умов лишилась наша наука и страна. ... Но в науку рвалось после войны новое поколение. Я думаю, что радостным для проф. Н. В. Кюнера было следующее полученное им письмо:

Многоуважаемый Николай Васильевич.

Сегодня я узнал из газет, что Вы живы и награждены орденом и очень обрадовался. От всей души поздравляю Вас.

Я надеюсь, что Вы не забыли Вашего прилежного ученика. Трагические обстоятельства 1938 года, оторвавшие меня от науки, не убили во мне способности к научной мысли. Находясь в Норильских рудниках [Нижний Енисей], я продолжал читать этнографическую литературу: Тейлора, Штернберга и т[ому] п[одобное]⁶⁷.

Я изучал татарский язык, а освободившись и работая в тайге, собирал фольклорный демонологический материал среди тунгусов и кетов. Я убедился в ошибочности пред-

⁶⁶ Там же, л. 10, 13, 14.

⁶⁷ ПФА РАН, ф. 142 (1944). Д. 23, оп. 1, л. 20, 25, 26, 37; Решетов А. М. Наказание без преступления: из биографии Л. Н. Гумилева 1930-1956 гг. // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. СПб., 2002. Т. I. С. 23–27.

положения Грум-Гржимайло о принадлежности кетов к динлинской расе. Они несомненные финноиды. В 1944 г[оду] я пошел на фронт, воевал и был в Берлине. На меня подано на снятие судимости за участие в боях.

В исключительно трудных условиях существования меня поддерживала надежда вернуться к науке. Только благодаря ей я нашел в себе силу выжить. Даже когда я был лишен книг, то продумывал материал, сохранившийся в памяти и пришел к оригинальным выводам по поводу этногенеза. Сейчас я жду часа демобилизации, но не имею возможности заниматься. Все время поглощают солдатские обязанности.

Я просил бы Вас, Николай Васильевич, написать мне, смогу ли я надеяться снова, работать под Вашим руководством. Это то счастье, о котором я 7 лет мечтал наяву и которое постоянно видел во сне. С ИВАНом и ИЭ связаны самые счастливые минуты моей жизни.

Я льщу себя надеждой, что вы пожелаете написать мне хотя бы несколько слов.

Привет Марине Николаевне⁶⁸.

Искренне преданный Вам

Ваш ученик Л[ев] Гумилев.

P. S. Мой адрес:

Полевая почта 28807-г

Гумилеву Льву Николаевичу⁶⁹.

Да, живые думали о будущем. Велика была радость и гордость: народ победил, разгромив лютого врага. Люди знали, что они боролись за правое дело. Они верили, что город выстоял благодаря особым качествам характера советского человека – человека новой формации, другие ве-

⁶⁸ Марина Николаевна – дочь Н. В. Кюнера.

⁶⁹ Письмо Л. Н. Гумилева Н. В. Кюнеру // Архив МАЭ, ф. 8, оп. 1, д. 477, л. 49, 50.

рили в помощь Бога и молились ему⁷⁰. Теперь сотрудники МАЭ всю первую половину 1945 г. готовили музей к открытию. К 220-летию АН СССР (июнь 1945 г.) в его залах была развернута юбилейная выставка. Временные выставки следовали одна за другой: по Болгарии, Индонезии, по айнам; были выставлены коллекции, собранные Н. Н. Миклухо-Маклаем...⁷¹ 13 мая прошла научная сессия памяти В. Г. Богораза, а 7–17 июня была проведена большая научная сессия, в которой с докладами участвовали многие сотрудники Института⁷². У ленинградских этнографов начался новый этап их трудной послевоенной жизни⁷³.

⁷⁰ Михайлова М. Блокадная молитва // Церковный вестник, 2004, № 3 (280). С. 4.

⁷¹ Антропова В. В. Музей антропологии и этнографии в 1946 г. // СЭ, 1947, № 1. С. 193–195.

⁷² ПФА РАН, ф. 142, оп. 1 (1946), д. 5, л. 33.

⁷³ Благодарю А. А. Бурькина за бескорыстную и оперативную помощь в подготовке рукописи к печати.

В. Н. Вологодина

**НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ МУЗЕЯ
АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ /КУНСТКАМЕРА/
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ГОДЫ ВОЙНЫ И БЛОКАДЫ**

За годы войны и блокады МАЭ, и созданный на его базе Институт этнографии /ИЭ/, являвшийся ведущим этнографическим центром в нашей стране, потерял почти половину сотрудников. Среди них – талантливые ученые, основоположники многих направлений в этнографии, антропологии, археологии, обладавшие уникальными в своей области знаниями, опытные музейные работники, технические сотрудники. Их потеря нанесла невосполнимый урон науке, который сказывается до настоящего времени.

Война нанесла ущерб коллекциям, историческому зданию Музея. На Нюрнбергском процессе наш Музей был назван в числе других памятников культуры Ленинграда, понесших за время войны значительный ущерб. В составе Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и нанесенного ущерба, от МАЭ была включена и. о. ученого секретаря К. В. Вяткина, не покидавшая стены Музея за весь период блокады.

С первых же дней войны в армию и народное ополчение ушли восемнадцать человек. Десять из них пали на полях сражений. Пред оставшимися сотрудниками – их было немногим больше 60-ти человек – сразу встали две основные задачи: спасение коллекций мирового значения и охрана исторического здания первого русского государственного Музея. В Музее не было четкого плана сохранения коллекций в экстремальных ситуациях, не было даже полных списков всех уникальных предметов, в первую очередь нуждающихся во внимании, не говоря уже о специальных ящиках и упаковочных материалов.

Работы хватало всем. Спешно составлялись описи, изготавливались ящики. Но эвакуировать коллекции не удалось, город оказался в кольце блокады.

К началу сентября 1941 г. работы на экспозициях были закончены, все коллекции упакованы в ящики за исключением громоздких предметов, но их тщательно укрыли. 125 ящиков с наиболее ценными предметами были переданы на хранение в Эрмитаж. Остальные несколько сот ящиков были рассредоточены по всему первому этажу и подвалу Музея. Сотрудники находили в себе силы перетаскивать их с места на место в случае необходимости. С наступлением теплой погоды ящики с мягкими предметами и кожей выносили во двор для проветривания и просушки. Благодаря бережному хранению после войны было списано только 68 предметов.

С первых же дней войны в Музее были введены круглосуточные дежурства, как в самом здании, так и на чердаках фондах, расположенных в зданиях по Таможенному переулку. Там дежурства были особенно тяжелы из-за отсутствия в помещениях электрического света и многих других неудобств. Дежурства несли, в основном, женщины. Мужчины, не призванные в армию, составляли военизированную дружину. Они числились на казарменном положении и дежурили круглосуточно, осматривая здание Музея как внутри так и снаружи. Для них в подвале было организовано общежитие. Постепенно в общежитии стали переселяться другие сотрудники с семьями, лишившиеся крова в результате бомбежек и обстрелов. Некоторым было тяжело преодолевать долгий путь из дома и обратно, когда транспорт престал работать. Подвалы быстро обжились. Сложили две плиты, которые кое-как обогревали помещение. На них готовили еду, под рукой всегда был кипяток. Дрова добывали сами, музейное имущество не трогали. Дрова на саночках привозили с окраин города, где находились дере-

вянные постройки, предназначенные на слом. По словам сотрудников, переживших то тяжелое время, коллективная жизнь имела большое преимущество. Она не только позволяла быть начеку в случае какого-либо бедствия, но имела большое моральное значение. Товарищи по работе всеми силами и способами старались помочь друг другу, поддерживать слабеющих.

Сотрудникам приходилось брать на себя все работы по прокладке телефонного кабеля, связывающего между собой посты дежурных. Они же производили маскировку здания, доставляли к постам противопожарные материалы, замуровывали окна в подвалах и т. п. Работали все, даже те, кто по возрасту или состоянию здоровья могли бы оставаться в стороне.

Немалый вклад внесли сотрудники и в оборону города, участвовали в строительстве окопов, противотанковых рвов, прочих оборонительных сооружений не только вблизи Музея, но в самом городе и на подступах к нему, подвергаясь обстрелам и бомбежкам. Из коллекции Музея командованию добровольческой воинской части было передано не комплектное холодное оружие: кинжалы, сабли, шашки. Многие сотрудники отдавали свои личные вещи – бинокли, подзорные трубы, карты.

Здание пострадало от прямого попадания фугасных бомб, но особый вред нанесли зажигательные бомбы. Осенью 1941 г. дважды горела башня Кунсткамеры. Особенно тяжело было тушить второй пожар, случившийся в ноябре из-за того, что не удалось своевременно обезвредить зажигательную бомбу. Водопровод уже не работал, воду приходилось брать из проруби на Неве и передавать по цепочке наверх, по узкой винтовой лестнице. Вода выплескивалась из ведер, тут же замерзая. Обессиленные люди падали на скользких ступенях, получая увечья.

Особенно пострадал Музей от артиллерийских снарядов. Прямого попадания в здание не было, но стены и крыша были пробиты осколками, а один снаряд снес парапет на крыше восточного крыла здания. За время блокады вылетело свыше 90% оконных стекол, неоднократно осколки от снаряда попадали в задние через окна. Пробитую крышу и окна сотрудникам постоянно приходилось заделывать. Однако ящики с коллекциями не пострадали. Неизвестно, какие страшные последствия могли ещё произойти, если бы осуществился план командования Ленинградского фронта о преобразовании здания Музея в опорный пункт обороны города. Вызвано это было тем, что летом 1942 фашисты стали усиленно готовиться к штурму города. Поэтому на Университетской набережной вблизи Музея были сооружены дзоты, установлены проволочные заграждения. Нашим сотрудникам пришлось взять на себя значительную часть работ. Их силами были заложены кирпичом и мешками с песком угловые окна первого этажа. Оставленные в окнах щели могли стать амбразурами для огнестрельных орудий. Для их ввоза пришлось разобрать кирпичную кладку стены и входные двери, затем вновь закладывать их. Строительные материалы доставляли военные, развозили их по местам сотрудники, в том числе и на башню Музея. Башня должна была служить не только наблюдательным пунктом, но и зенитно-пулеметной точкой в системе противовоздушной обороны города. Что произошло бы в случае обнаружения противником этой точки – догадываться не приходится. К счастью, благодаря ходатайству руководства Музея и академической общественности перед высокими инстанциями города, по распоряжению Жданова, план переоборудования музея для военных целей не осуществился.

Нам невозможно подробно остановиться на основных задачах, вставших перед сотрудниками МАЭ в начале вой-

ны, чтобы лучше понять в каких условиях приходилось заниматься научной работой. Был голод, но и он не сломил многих сотрудников Музея. Самые тяжелые испытания пришлось пережить зимой 1941/42 г. От голода умерло 33 сотрудника Музея, 29 из них скончались в помещениях МАЭ. Вместе с погибшими на фронтах Музей потерял 43 человека, то есть почти половину сотрудников, состоявших в штате на первое июля 1941 г. – основной состав, совместители были уволены в начале войны.

Летом 1942 г. по распоряжению правительства и президиума Академии Наук произошла вторая массовая эвакуация научных работников из Ленинграда. В Музее осталось 14 человек, продолжавших нести свою нелегкую вахту. Во главе этой группы был назначен уполномоченным от Президиума АН зав. отделом оформления Музея архитектор Р. И. Каплан-Ингель. По его проекту была впоследствии реконструирована и восстановлена башня Музея. В эту группу входили научные сотрудники К. В. Вяткина, М. Д. Торэн, В. В. Антропова, В. В. Федоров, зав. канцелярией А. Н. Калдыкина, комендант здания Е. А. Максимова, вахтер П. Н. Артамонова и другие технические работники.

Среди факторов, которые помогли выжить и выстоять, важнейшее значение имела любимая работа. Научно-исследовательская работа не прекращалась все это время. В свободное от своих оборонных обязанностей время сотрудники работали над кандидатскими и докторскими диссертациями, писали монографии, подготавливали коллективный труд «Народы мира», составляли планы музейных экспозиций и научных сессий, и ...умирали за письменным столом, как солдаты на поле боя.

В начале июня 1942 г. ведущие ученые Академии наук В. В. Струве, А. Е. Фаворский, А. А. Байков, Д. И. Дейнека, В. М. Жирмунский и др. обратились с призывом ко всем научным работникам – увязывать свою научную деятель-

ность с потребностями военного времени. По специальному заданию Политуправления Красной Армии научные сотрудники ИЭ подготовили серию небольших буклетов, посвященных этнографии зарубежных стран, граничащих с СССР. К. А. Пушкаревич писал о народах Югославии, поляках, чехах, финнах, Д. К. Зеленин – о народах Закарпатской Украины, Н. Н. Тихоницкая – о венграх и греках, Е. Г. Кагаров – об афганцах, Н. А. Кисляков и А. Н. Кондауров о народах Индокитая и т. д. Отдел Антропологии подготавливал выпуск статей, разоблачающих расовую теорию германского фашизма. В частности работа Г. И. Петрова на эту тему была завершена одной из первых.

Еще до войны в ИЭ было запланировано издание коллективного труда – серии «Народы мира». Сотрудники продолжили обсуждение и работу над ним: «Народы Сибири и Дальнего Востока», «Народы Средней Азии и Казахстана». Под руководством А. Н. Генко заканчивалась работа над двухтомником «Народы Кавказа».

К концу 1941 г. была завершена монография «Белорусы и украинцы воссоединенных областей». Завершали монографии о селькупском фольклоре Н. П. Дыренкова, о таджиках – Н. А. Кисляков и А. Н. Кондауров. По этногенезу славян – А. Н. Юзефович, по этногенезу народов Севера и Европейской части СССР – Е. В. Жиров. Вышел из печати второй том «Путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая». Велась подготовка к изданию еще целого ряда монографий (Л. Я. Штернберга и др.). Однако, напечатана в то время была только монография К. А. Пушкаревича «Чехи» (Свердловск, 1942).

Над докторской диссертацией работал Г. Н. Прокофьев – «Самодийские языки и проблемы происхождения современных ненцев, энцев и наганасан». Уже планировалась вскоре ее защита, но, к сожалению Г. Н. Прокофьев не дождался до этого дня, трагически погиб.

Тема докторской диссертации Д. А. Ольдерогге «Кольцевая связь родов или трехродовой союз»: из истории развития социального строя первобытной общины». Обсуждение диссертации прошло в Москве весной 1945 г. Защита состоялась уже после войны. Готовили свои докторские диссертации К. В. Вяткина, М. Д. Торэн.

Была намечена защита нескольких кандидатских диссертаций: «Роль труда в антропогенезе» А. Н. Юзефовича, «Генезис среднеазиатской вышивки ираки» В. В. Екимовой. В ноябре 1944 г. в ЛГУ планировалась защита диссертации Н. Н. Тихоницкой: «Коллективные земледельческие работы в сельской общине восточных славян». Защиты диссертаций не состоялись ввиду смерти авторов. В декабре 1941 г. на заседании ученого совета филологического факультета ЛГУ успешно защитил диссертацию о таджиках на соискание ученой степени кандидата филологических наук А. Н. Кондауров. А. Н. Кондауров работал до последнего дня своей жизни, умер через два месяца после защиты диссертации.

Готовились к обсуждению научные статьи: Н. В. Кюнера «Китайские известия о народах Амура», С. В. Иванова «О происхождении искусства и письма», Д. А. Ольдерогге – «Происхождение ранних форм животноводства», «Социальный строй отсталых племен Южной Америки». Д. А. Ольдерогге выступал с докладами о наскальных росписях в Африке, об археологии Африки и др.

Продолжалась исследования о социальном строе народов Севера – авторы Н. А. Липская, Н. П. Никульшин, Г. Д. Вербов. С. А. Штернберг работала над темой о русских исследователях Северо-Западной Америки и их открытиях. В. В. Екимова продолжала заниматься изучением бухарских тканей. Смерть застала ее за письменным столом.

Хочется еще отметить работу над коллективной монографией «История первобытной культуры» (А. А. Попов,

Н. Н. Степанова). Над фольклорными темами работали Д. К. Зеленин, исследовавший отражение племенной и национальной культуры в фольклоре народов СССР. Подготавливалось издание научно-популярной серии: Л. Э. Каруновская «Племена и народности Голландской Индии», Ю. М. Лихтенберг «Племена и народности Австралии и Океании», Г. Г. Стратанович «Народы и племена Бирмы».

Сотрудники ИЭ участвовали с заседаниях и симпозиумах в Институте Востоковедения, Институте материальной культуры, Эрмитаже, в котором, в частности, проходили юбилейные заседания в честь 800-летия Низами (октябрь 1941 г.) и 500-летия Навои (декабрь 1941 г.). 800-летие Низами в ту пору отмечалось только в Ленинграде.

Наши сотрудники принимали участие в работе Объединенного ученого Совета гуманитарных институтов, созданного академиком И. Ю. Крачковским весной 1942 г. На заседаниях Объединенного Ученого Совета выступил с докладом «Экзогамия и эндогамия» Д. А. Ольдерогге, обсуждение доклада продолжалось несколько дней. При Объединенном Ученом Совете, в связи с празднованием 450-летней годовщины открытия Америки был образован подготовительный комитет. Секретарем этого комитета стала Е. Э. Бломквист. Готовилась публикация уникальных и ценных коллекций по Западной Америке, собранных русскими путешественниками в конце XVIII – начале XIX вв.

Летом 1943 г. по инициативе ленинградских сотрудников была создана научно-исследовательская группа, объединявшая научных работников смежных специальностей, во главе с Ю. П. Францевым. Ученым секретарем была утверждена К. В. Вяткина.

Эвакуированные в Ташкент сотрудники нашего института продолжили свою деятельность. Работая в архивах Ташкента, Самарканда и других городов, они собрали интересные этнографические материалы, которые использо-

вали в дальнейших работах. Совместно со Среднеазиатским Государственным Университетом провели научную сессию по проблемам первобытного искусства. В местном музее Самарканда прошла сессия по этнографии народов Средней Азии. Сотрудники нашего Института преподавали в ВУЗах, оказывали помощь узбекским научным и музейным работникам. За свою работу ИЭ был награжден почетной грамотой Президиума АН Узбекской ССР.

Эвакуированные сотрудники стали возвращаться в Ленинград в 1944 г., после снятия блокады. В 1945 г. вернулись и наши фронтовики. Шла усиленная подготовка к открытию Музея – реконсервация коллекций, восстановление экспозиций, ремонт помещений и т. п. Открытие части экспозиции было приурочено к торжествам по случаю празднования 220-летия Академии Наук в июле 1945 г.

Устраивались также и временные выставки по Болгарии, Индонезии, коллекциям Н. Н. Миклухо-Маклая и др. В мае-июне 1945 г. прошли первые научные сессии (памяти В. Г. Богораза и др.), однако Институт перестал быть центром этнографии в нашей стране.

В. П. Леонов, Н. В. Колпакова, Н. М. Баженова

**О ВКЛАДЕ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУК В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Великая Отечественная война стала для Библиотеки Российской академии наук, как и для всей нашей страны, временем тяжелых испытаний и временем подвига. Об испытаниях, выпавших на долю сотрудников нашей Библиотеки – горожан великого города, проведенных в блокаде 28 из 47 месяцев войны, сражавшихся и выстоявших несмотря ни на что, – говорилось и писалось не раз. Их жизнь среди бомбежек, обстрелов, в голоде и холоде, несмотря на болезни, смерть родных и близких – уже подвиг. Но в своей деятельности Библиотека АН СССР не ограничилась лишь задачами текущего момента или интересами города, как бы насущны и животрепещущи они ни были. В течение всей войны – от ее тяжелейшего начала и до победоносного завершения – Библиотека продолжала функционировать как организация, ответственная за обеспечение ученых страны научными изданиями.

С июня 1941 г. Библиотека АН СССР была переведена на военное положение и уже в июле подготовила ценнейшие материалы своего семимиллионного фонда к эвакуации в тыл страны. Была намечена дата отправки – 8 сентября 1941 г. Как раз в этот день замкнулось кольцо блокады...

2500 ящиков с книгами и материалами остались в Библиотеке. Их разместили в цокольном этаже здания, окна которого были заложены мешками с песком, щитами и засыпаны землей. 25 октября 1941 г. была упразднена часть отделов, прекращены работы по переплету и реставрации, закрыты технические мастерские Библиотеки, сокращен штат сотрудников. Часть служащих уволена по собственному желанию в связи с отправкой в эвакуацию, 15 человек ушли в ряды народного ополчения, 8 призваны в дейст-

вующую армию и 70 мобилизованы на трудовые работы. Оставшиеся – люди пожилого возраста и студенты – зачислены в унитарную команду местной противовоздушной обороны. Они несли противопожарную, медико-санитарную и охранную службу. Было обеспечено круглосуточное дежурство снаружи здания, на крыше и на этажах. Сотрудники ревностно выполняли свои обязанности, и уже в ноябре 1941 г. были объявлены первые благодарности.

Как и во всем городе, в БАН на период войны были отменены премии и прибавки к заработной плате, паек был ничтожен, но сотрудники отчисляли часть своей зарплаты для нужд фронта. Обязательной стала военная подготовка – ее проходили на 9-й линии Васильевского острова, где в д. 150 находился пункт Всеобуча, – и работа на торфоразработках. Дополнительной оплаты за этот вид работ не полагалось. В архиве БАН хранятся свидетельства тяжелейшей жизни сотрудников Библиотеки – «листки нетрудоспособности» больных колитом и дистрофией, лечившихся в прикрепленной к БАН университетской поликлинике. В марте 1942 г. на Васильевском острове в бывшем ночном санатории был открыт стационар, куда в случаях тяжелой дистрофии больных посылали для восстановления на амбулаторное лечение сроком от 15 до 30 дней. От бомбежек, голода и болезней погибло более 80 % сотрудников, работавших в БАН в годы блокады.

Однако, как и многие библиотеки города, Библиотека продолжала обслуживать читателей. Из-за холода и отсутствия электрического освещения большие читальные залы были закрыты, все работали в четырех небольших помещениях (за 1943 г. было обслужено 7260 читателей, а в 1944 г. – около 15000). Для Ленинградских дивизий народного ополчения, воинских частей, госпиталей и промышленных предприятий создавались передвижные библиотечки. Всего за зиму 1941-1942 гг. было организовано 31 библиотека-

передвижка для различных военных организаций и предприятий блокированного города. По межбиблиотечному абонементу БАН обслуживала 85 крупных учреждений и организаций Ленинградского фронта¹. Ввиду актуальности и повышенного спроса была выделена подсобная библиотека специальной медицинской литературы. Сотрудники Библиотеки Академии наук вели большую работу по обеспечению сохранности личных библиотек многих эвакуированных из города ученых. Такие библиотеки брались на учет и хранились в опечатанном виде. В БАН передавались и книжные фонды ленинградских библиотек, оставшихся без охраны. Из этой литературы позднее был создан запасной фонд для пополнения академических библиотек и восстановления разрушенных войной библиотек страны.

Как центральная академическая библиотека, БАН продолжала свою деятельность по централизованному комплектованию фондов головной библиотеки и ее филиалов; из Москвы для БАН осуществлялись подписка иностранной литературы и международный книгообмен. Вдумается – по «дороге жизни» в блокированный Ленинград везли не только продукты, медикаменты, вооружение и боеприпасы – в БАН везли бандероли с книгами и журналами (в 1943 г. было получено 1527 экз. русских и иностранных изданий). Библиотека вела большую библиографическую работу и принимала активное участие в выставочной деятельности, пропагандируя научное знание. Так, в 1943 г. БАН приняла участие в юбилейных выставках в Москве, посвященных 300-летию со дня рождения Исаака Ньютона и 400-летию со дня кончины Николая Коперника. Для этого из блокированного города под огнем было вывезено 12 больших ящи-

¹ Так, только зимой 1941-1942 гг. была организована 31 библиотека-передвижка для различных военных организаций и предприятий блокированного города. – История Библиотеки Академии наук СССР (1714-1964). – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 435.

ков с материалами и книгами. В 1944 г. было налажено получение в Ленинграде обязательного экземпляра из Книжной палаты. В БАН началось возвращение книг, скопившихся в Москве за период блокады. Над восполнением лакун периода 1941-1944 гг. работала специальная группа.

Так ради сохранения отечественной науки в годы войны продолжала свою деятельность Библиотека Академии наук. Ее подвижнические усилия были высоко оценены правительством. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 мая 1944 г. пять сотрудников БАН были награждены орденом «Знак почета» и два – медалью «За трудовую доблесть».

Особо нам хочется подчеркнуть личный вклад в дело Победы наших академических библиографов.

В фонде Отдела изданий Академии наук Библиотеки РАН хранится бесценный свидетель военных лет – машинописная «Библиография изданий Академии наук СССР» за 1941-1943 гг. Три объемистых тома – один не переплетенный (в папке) и два в переплете. Каждый том посвящен отдельному военному году, в каждом – более 300 страниц. Машинопись никогда не издавалась, томов за 1944-1945 гг. пока не обнаружено.

Этот подлинный документ эпохи – единственный в нашей стране библиографический справочник, подготовленный в военные годы и охватывающий всю издательскую деятельность Академии наук военных лет. Сотрудники Библиотеки, в тяжелейших условиях собирая бесценный материал об издательской деятельности Академии наук в годы войны, преследовали цель сохранить для будущих поколений сведения о выходивших академических изданиях. Аналогов таким указателям в мире нет. Ни разу ни одна академия мира не фиксировала результатов собственной деятельности во время войны, собирая их в библиографический указатель. Это и понятно: работа кропотливая, тре-

бующая полной самоотдачи и углубленного внимания, немалого финансирования, а главное – сохранения хотя бы относительной полноты поступлений. Академия наук СССР создала бесценный памятник работе в военные годы, показав всем будущим поколениям, как в экстремальной ситуации она перестраивала свою работу, развивала новую инфраструктуру, меняла направления научных исследований, регулировала движение потоков научной информации.

Характеристика указателя:

Содержание указателя отражает изменения в деятельности Академии наук, которые были обусловлены необходимостью подчинить научные занятия целям укрепления обороноспособности нашей страны и – одновременно – сохранения мирного населения. Особенно показателен в этом смысле том за 1941 г.: половина изданий свидетельствует о фундаментальности проводившихся до войны в Академии наук исследований (издания солидные, объемные, с большим количеством схем, обширной библиографией, значительным иллюстративным рядом), а вторая половина тома подчинена требованиям обороны (военная тематика, скромное оформление, небольшой объем).

Война наложила свой отпечаток и на форму библиографического указателя. Количество изданий, опубликованных Академией наук в 1941 г., заставило библиографов отказаться от их детальной библиографической обработки. Из-за недостатка места и сил им пришлось ограничиться подготовкой только алфавитного перечня книг, серий, журналов и отказаться от их систематического распределения по содержанию, хотя заглавия статей, помещенных в журналах и сборниках, не были исключены из указателя с тем, чтобы не превратить его в формальный учет общих заголовков журналов, серий и сборников без выявления их содержания. Для сокращения объемов работы заглавия этих статей приведены кратко (без подзаголовков), а со-

держание менее значительных журнальных разделов не расписано (хроника, *varia*, отделы критики и библиографии с рецензиями на новые издания).

В перечень внесены материалы, выпущенные Издательством Академии наук СССР, академическими филиалами и базами, и труды, напечатанные неакадемическими издательствами в тех случаях, когда на титульных листах даются указания об их публикации одним из институтов Академии наук. Все эти издания печатались в Москве, в Ленинграде, в Алма-Ате, в Ашхабаде, в Баку, в Ереване, в Свердловске, в Сталинабаде и в Ташкенте. Отдельные издания перепечатывались помимо того еще и в других городах. Работы, выходявшие в 1941 г. с пометкой Грузинского филиала, в перечень внесены, но издания Академии наук Грузинской ССР, организованной в 1941 г. на базе академического филиала, не зафиксированы. Равным образом не учтены и все другие труды академий союзных республик.

Многие академические работы, в особенности издававшиеся филиалами и базами, печатались на различных языках народов СССР. Заглавия этих работ переведены на русский язык с указанием, на каком языке они изданы. Заглавия работ, опубликованных на западноевропейских языках, не переводились.

К основному перечню был приложен алфавитный указатель авторов книг и статей, на что указывается в Предисловии к тому за 1941 г., но в машинопись он не вошел.

Работа выполнена на высоком научном уровне и является фундаментальной отечественной разработкой модели библиографического ежегодника академических изданий, который Библиотека Академии наук начнет выпускать с 1957 г.

История машинописи:

Об истории машинописи известно немного, но отдельные факты, последовательность которых можно восстано-

вить с помощью хранящихся в БАН архивных документов, проливают свет на ее создание.

Предисловие имеет только том за 1941 г. В нем поясняется, что указатель составлен под руководством К. И. Шафрановского сотрудниками Библиотеки АН СССР Н. М. Нестеровой² и Э. П. Файдель. За этими скупыми строками стоит целая цепь событий военного и мирного времени.

Указатель 1941-1943 гг. является промежуточным звеном в многолетней работе коллектива БАН по выявлению и учету изданий Академии наук. В Предисловии уточняется, что «БАН СССР начала вести библиографию академических изданий с 1930 г.³ и продолжала эту работу непрерывно до 1941 г.». Частично материалы, собранные Библиотекой, были опубликованы (указатели изданий Академии наук СССР, вышедших с 1930 по 1933 гг.). Война внесла свои коррективы в эту привычную деятельность: в Предисловии мы читаем, что «после трехлетнего перерыва, вызванного военным временем, Библиотека возобновила прерванную работу и подготовила в первую очередь перечень изданий 1941 г.». Тем самым устанавливается начальная дата работы над указателем – 1943 год. Конечная дата стоит на титульном листе третьего (за 1943 г.) тома – 1946.

На титульных листах двух переплетенных томов указателя (за 1942 и 1943 гг.) указано место создания машинописного варианта – Москва.

На этом официальные сведения о составлении академической библиографии военных лет обрываются, уступая место сопоставлению данных, почерпнутых из архивных документов, хранящихся в Архиве Библиотеки РАН.

² К сожалению, установить имя, отчество, судьбу во время войны, конкретный участок работы и круг обязанностей Н. М. Нестеровой пока не удалось. О ней не сохранилось ни документальных сведений, ни воспоминаний сотрудников.

³ Это подтверждается сведениями из автобиографии К. И. Шафрановского (Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 2, л. 138).

Ни для К. И. Шафрановского, ни для Э. П. Файдель – авторов указателя – библиографическая работа с академическими изданиями не была в новинку. Оба имели солидный стаж составления указателей в 1930-е годы.

Ученый секретарь БАН СССР в военные годы⁴ Константин Илларионович Шафрановский, поступивший в Библиотеку АН СССР в 1924 г. и первоначально работавший над каталогизацией книжных фондов⁵, в течение года руководивший алфавитным каталогом⁶, с 1931 г. возглавил организованный им Научно-библиографический отдел БАН⁷. При его непосредственном участии и под его редакцией были изданы многочисленные указатели, получившие широкую известность и неоднократно высоко оценивавшиеся в печати. Среди таких указателей есть отраслевые (по математике, геологии, химии и т.п.), персональные (труды А. П. Карпинского, В. Л. Комарова, Н. И. Лобачевского), краевые (по Средней Азии, Казахстану, Узбекистану, Киргизии) и универсальные (библиографические указа-

⁴ К. И. Шафрановский исполнял обязанности ученого секретаря БАН с 30.07.1941 (выписка из приказа № 124 по БАН СССР от 05.08.1941 – Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 2, л. 142). После демобилизации был утвержден в должности ученого секретаря вице-президентом АН СССР академиком А. А. Байковым (распоряжение № 508 по АН СССР от 21.07.1944 – Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 2, л. 147).

⁵ Производственная характеристика ученого секретаря БАН СССР К. И. Шафрановского от 15.05.1949 за подписью зам. директора БАН В. А. Петрова (Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 2, л. 159).

⁶ Автобиография К. И. Шафрановского. – Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 2, л. 138.

⁷ В личном деле К. И. Шафрановского есть уточнение: с 1930 г., «с момента начала систематической работы Библиотеки Академии наук СССР над библиографией, [он] руководил Библиографическим подотделом Научно-библиографического отдела. С 1936 г. – после выделения Научно-библиографического отдела в специальный отдел, выполняющий работы исключительно библиографического характера, – назначен зам. заведующего этого отдела» (Автобиография К. И. Шафрановского. – Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 2, л. 138).

тели изданий, опубликованных Академией наук СССР за 1930, 1931, 1932, 1933 гг.).

Эсфирь Петровна Файдель с 1931 г. начинала в БАН СССР с Отдела обслуживания⁸, в 1936 г. была переведена в Научно-библиографический отдел⁹, и к началу войны у нее уже было 9 печатных библиографических работ, значительная часть которых была выполнена совместно с К. И. Шафрановским¹⁰.

Во время войны К. И. Шафрановский был взят в армию¹¹, но в конце марта 1942 г. отчислен по состоянию здоровья и вернулся в БАН¹². В октябре 1942 г. он руководил той бригадой, которая сначала подбирала, а потом под обстрелом врага везла в Москву книги (12 ящиков) для юбилейных академических выставок, посвященных Николаю Копернику (1473-1543) и Исааку Ньютону (1643-1727).

В этой же группе находился и второй составитель военной библиографии – Э. П. Файдель. В ее личном деле записано, что «в течение всего времени Великой Отечественной войны [она] непрерывно продолжала работать в Библиотеке и приняла участие в выполнении ответственного пору-

⁸ Э. П. Файдель была принята помощником библиотекаря (Выписка из Протокола заседания Административно-хозяйственной комиссии при Президиуме АН СССР от 04.11.1931. – Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 4, л. 76).

⁹ Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 4, л. 90.

¹⁰ Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 4, л. 87.

¹¹ На военную службу К. И. Шафрановский ушел 08.08.1941 (Выписка из приказа № 129 по БАН СССР от 12.08.1941. – Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 2, л. 143).

¹² Заявление К. И. Шафрановского о поступлении на работу в БАН СССР от 23.03.1942 (Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 2, л. 144). С этого же числа он восстановлен в должности главного библиотекаря Научно-библиографического отдела (Выписка из приказа № 21 по БАН СССР. – Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 2, л. 145), с 01.04.1942 назначен заведующим НБО (выписка из приказа № 25 по БАН СССР. – Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 2, л. 146).

чения по вывозу из Ленинграда в Москву в крайне тяжелых условиях в октябре 1942 г. ценных материалов и книг Библиотеки Академии наук СССР»¹³.

В Москве Файдель и Шафрановский занимались библиографической работой. В характеристике Файдель от 10.04.1953 отмечено, что «в октябре 1942 г. [она] была командирована в Москву в Сектор сети спецбиблиотек БАН, где выполняла библиографические работы»¹⁴.

В архиве БАН есть еще один документ, который проливает, как нам кажется, свет на то, как именно началась работа над указателем. В письме от 15 февраля 1943 г. директора БАН военных лет Иннокентия Ивановича Яковкина, адресованном на фронт сотруднику БАН Мирону Моисеевичу Гуревичу, есть такие слова:

«<...> полгода прошло с того момента, как в один августовский вечер я покинул свое жилье на Ковенском и превратился, по сути говоря, в бездомного, который сидит в чужой квартире, спит на чужой кровати, ест с чужой тарелки. Стараюсь, как могу, войти в работу – перебросил сюда неиспользованные в Ленинграде штатные единицы, вызвал – должен сказать, с очень большим трудом – трех сотрудников¹⁵ и наладил, как мне кажется, обработку обязательного экземпляра, со скрипом идет *большая по тематике библиографическая работа* <...>»¹⁶ (курсив авторов).

¹³ Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 4, л. 79.

¹⁴ Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 4, л. 90.

¹⁵ Третьим сопровождающим библиотечный груз в Москву была Глафира Федоровна Подозерская. – История Библиотеки Академии наук СССР (1714-1964). – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 441.

¹⁶ Письмо директора БАН профессора И. И. Яковкина сотруднику Библиотеки М. М. Гуревичу на фронт «Ораниенбаумский пятачок» – деревня Ильинка. – Леонов В. П. Судьба Библиотеки в России: Роман-исследование. – СПб.: БАН, 2000. – С. 354-355.

Сотрудники БАН оставались в Москве до окончания блокады: в деле Э. П. Файдель есть запись о том, что «в апреле 1944 г. [она] была направлена в Ленинград»¹⁷.

В 1944 г. было налажено получение из Книжной палаты обязательного экземпляра и началось возвращение книг, скопившихся в Москве за период ленинградской блокады. Над восполнением лакун периода 1941-1944 гг. работала специальная группа. Постепенно создавались нормальные условия для продолжения работы по составлению библиографического указателя академических изданий на месте, в Ленинграде.

Тем не менее, томов указателя (печатных или машинописных) за 1944-1945 гг. не обнаружено. Возможно, у Библиотеки АН СССР в то время было слишком много хозяйственных забот, и у сотрудников на все не хватало времени¹⁸. А возможно, указатель планировалось включить в готовившуюся к 30-летию Советской власти библиографию «Издания Академии наук СССР. 1917-1947»¹⁹. Судя по всему, эта библиография также не была завершена.

Усилия Библиотеки АН СССР по составлению академической библиографии в военные годы были высоко оценены правительством. Составители получили медали «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «За трудовую доблесть».

¹⁷ Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 4, л. 90.

¹⁸ В характеристике Э. П. Файдель от 10.04.1953 упоминается, что «исключительная загруженность текущей работой в связи с большими заданиями по инвентаризации фондов фактически лишила Э. П. Файдель возможности продолжать научную работу по этим фондам, к чему она имеет все данные. Необходимо оказать серьезную помощь Э. П. Файдель, обеспечив ей возможность возобновить свою научную работу». (Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 4, л. 91.)

¹⁹ Известен лишь один вышедший из печати выпуск: Собрания сочинений. Периодические издания. Серии. Научно-популярные книги. – М.-Л., 1947. Какая причина помешала выходу последующих выпусков, нами пока не установлено.

Работа над библиографией изданий Академии наук СССР настолько захватила ее авторов, что вся их дальнейшая деятельность оказалась с ней связанной.

К. И. Шафрановский²⁰ подготовил и организовал работу в БАН СССР по созданию и изданию ежегодного справочника «Библиография изданий АН СССР»²¹, основанного на принципе фиксации поступления этих изданий в Библиотеку АН СССР. Издание оказалось столь нужным и плодотворным, что продолжается до сих пор; уже сменилось несколько поколений работающих над ним библиографов.

Э. П. Файдель суждено было связать свою дальнейшую судьбу с Академическим собранием²². Архивное собрание академических изданий начало формироваться в БАН под руководством Б. И. Покровского с 1930 г. и к 1941 г. насчитывало около 50 000 библиотечных единиц²³. Оно входило в Отдел редкой книги, и в 1949 г. для работы с ним в этот отдел из Научно-библиографического отдела была переведена Э. П. Файдель²⁴. В 1951 г. Академическое собрание на правах отдельного кабинета во главе с

²⁰ Вышел на пенсию 01.11.1960. (Личная карточка К. И. Шафрановского. – Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 2, л. 133.)

²¹ Первый выпуск этого ежегодника за 1956 г. напечатан в 1957 г.

²² Академические издания хранились отдельно от основного фонда Библиотеки до 70-х годов XVIII в. В дальнейшем идея создания специализированного академического фонда высказывалась академиками А. А. Куником (в 1852 г.), П. И. Кеппеном (в 1860 г.), А. А. Шахматовым (в 1902 г.). Первые практические шаги в этом направлении стали предприниматься с мая 1902 г. Тогда издания Академии наук стали храниться отдельно, в так называемом академическом шкафу, и получили особые шифры. После принятия Постановления Президиума АН СССР от 21.05.1930 о необходимости архивного хранения академических изданий было сформировано Архивное собрание академических изданий. (С. Лютова К. В., Тарасова Ю. М. Академические издания в фондах Библиотеки Академии наук: К 275-летию первой государственной научной библиотеки России. – СПб.: Изд-во БАН, 1992. – С. 86-90).

²³ Лютова К. В., Тарасова Ю. М. Академические издания... – С. 90-91.

²⁴ Характеристика Э. П. Файдель. – Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 4, л. 90.

Э. П. Файдель вошло в состав Отдела рукописной и редкой книги. К научно-библиографической работе добавились новые виды работ, связанные с формированием фонда и обслуживанием читателей: комплектование, учет и каталогизация фонда, справочно-библиографическая работа по запросам читателей, выдача книг²⁵. До 1956 г. Э. П. Файдель работала с фондом одна, затем отдел стал оказывать ей частичную помощь, и только с 15.08.1957 для работы с Академическим собранием был назначен второй сотрудник. Фонд к этому времени насчитывал 88 959 издательских единиц²⁶. К 1960 г. Э. П. Файдель становится зав. сектором Академического собрания, в штате у нее числится 2 библиотекаря, а фонд уже превышает 110 000 единиц хранения. В связи «с перегрузкой текущей работой и из-за недостаточного количества рабочей силы» об отдельной научной работе Э. П. Файдель уже не могло быть и речи²⁷. 01.07.1961 Э. П. Файдель вышла на пенсию²⁸.

Указатель «Библиография изданий Академии наук СССР. 1941-1943 гг.» можно по праву назвать *национальной академической библиографией военного времени*. Он имеет важное практическое и теоретическое значение: являясь памятником конкретной эпохи, он отражает направления и приоритеты развития академической науки своего времени, дает картину того, как перестраивалась в годы войны своя работа Академия. Указатель представляет собой уникальный материал для анализа организации академической науки, а это, в свою очередь, является одной из ос-

²⁵ Характеристика Э. П. Файдель. – Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 4, л. 90.

²⁶ Отчет о научной работе м.н.с. Отдела рукописной и редкой книги Э. П. Файдель за 1948-1957 гг. – Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 4, л. 98.

²⁷ Справка о научной работе зав. сектором м.н.с. Отдела рукописной и редкой книги Э. П. Файдель в 1960 г. – Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 4, л. 105.

²⁸ Личная карточка Э. П. Файдель. – Архив БАН, ф. 158, оп. 2, ед. хр. 4, л. 74.

новных проблем истории науки. Очень важен указатель и для изучения социальной истории науки: он позволяет понять, как функционировала наука в нашей стране и в нашем городе, как Библиотека Академии наук строила свою научную деятельность, влияла на организацию научных изысканий в других учреждениях.

Указатель академических изданий, созданный ленинградскими библиографами, является памятником целой эпохи жизни блокадного Ленинграда и его жителей, памятником их стойкости и верности своему долгу перед Отечеством, перед своим городом, своим учреждением и своей профессией.

В настоящий момент решен вопрос о совместной работе Библиотеки Российской академии наук и Академиздатцентра «Наука» РАН по подготовке указателя «Библиография изданий Академии наук СССР. 1941-1943 гг.» – уникального памятника отечественной библиографии и памятника мужеству ленинградских библиографов – к публикации. Научный руководитель проекта – директор Библиотеки РАН д.п.н., проф. В. П. Леонов. Издательским проектом руководит зам. директора Библиотеки РАН к.п.н. Н. В. Колпакова. Готовят указатель к изданию сотрудники Отдела изданий Академии наук к.ф.н. Н. М. Баженова (зав. отделом), О. В. Дроздова (зав. сектором Академического собрания), м.н.с. Т. В. Кульматова, главный библиотекарь В. П. Кудрявцева.

СЕВЕРОВЕДЕНИЕ И ВОЙНА

К 100-летию со дня рождения А. П. Пыррки

А. Н. Жукова

**ВЕХИ НА ПУТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
(1930–1950-е годы)**

Сложный процесс изучения языков малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока лишь условно можно разделить на определенные этапы и отграничить деятельность лингвистов от деятельности этнографов-североведов.

Исследование палеоазиатских, самодийских, тунгусо-маньчжурских языков изначально было неразрывно связано с изучением культуры аборигенного населения.

Так, в «Материалах по этнографии Сибири XVIII века» В. Ф. Зуев следующим образом характеризует ненецкий язык: «Язык у всех диких самоедцев одно наречие имеет, которое произносится очень глухо и явственно; говорят в нос с большою ужимкою, так что и слова хорошенько выслушать не можно; однако в некоторых словах многое сходство имеют с остяцким языком, которой произносится более гортанными литерами и гораздо явственнее, нежели последние».

Крайний Север России был труднодоступен для исследователей. Так, более 100 лет после С. П. Крашенинникова никто из ученых не посещал Камчатку.

Длительный период первичного накопления языковых фактов не завершен и в наши дни.

В конце 20-х – начале 30-х годов XX века отдаленные и самые отдаленные северные регионы России были бурно вовлечены в осуществление новой государственной политики. Уже в 1924 г. был организован Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, затем он был назван Комитетом Севера.

Ликвидация «культурной отсталости», ликвидация поголовной неграмотности «туземного» населения, создание письменности для бесписьменных народов были в числе первоочередных задач, решение которых связывалось с преобразованием Севера.

Исследовательские программы были нацелены на осуществление государственной политики на «языковое строительство».

Возможности изучения языков народов Севера и направление научно-исследовательской работы определялись в значительной степени созданием образовательных и исследовательских центров. Необходимо было форсировать подготовку специалистов-североведов.

Так, в 1925 г. этнографический факультет Географического института, образованного в Петрограде в 1918 г., был преобразован в этнографическое отделение с циклами финно-угро-самодийским, тунгусо-маньчжурским и палеоазиатским. И уже в 1926 г. были отправлены на Север 12 русских молодых североведов. На Рабфак Ленинградского университета в 1925 г. было зачислено 20 человек – представителей коренных народностей Севера, а в 1928 г. на Северном факультете Рабфака Института живых восточных языков обучалось уже более 200 человек, являющихся коренными северянами. Северный факультет был создан в 1928 г. в результате преобразования Северной группы Рабфака ЛГУ в Северное отделение Рабфака Института живых восточных языков. Административные преобразования инспектировались и контролировались Комитетом Севера.

В 1930 г. в ответ на инициативу Комитета Севера последовало Постановление Комитета по заведыванию научными и учебными заведениями при ЦИК СССР о реорганизации Северного факультета в Институт народов Севера (ИНС). При Институте народов Севера была создана науч-

но-исследовательская ассоциация, стимулирующая исследовательскую работу молодых североведов.

В январе 1930 г. в Ленинграде было открыто Северное отделение при педагогическом институте им. А. И. Герцена, где преподавались этнография и языки народов Севера. Накапливался опыт изучения и преподавания северных языков, стали издаваться первые учебники на языках аборигенного населения Севера.

Был выработан Единый северный алфавит (ЕСА), в основу которого была положена латинская графика. Единый северный алфавит был утвержден Сектором науки Наркомпроса РСФСР в мае 1931 г.

Вопросы, связанные с развитием языков и письменности народов Севера активно обсуждались североведами, обобщался опыт работы, вовлекались в обсуждение языковедческих проблем северяне.

На I-ой Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера в январе 1932 года было принято решение о создании Комитета нового алфавита народов Севера.

Следует отдать дань глубокой признательности лингвистам-первопроходцам в области североведения, ставившим и решавшим сложные социально значимые проблемы в экстремальных условиях 30-х годов.

В 1930 г. зафиксировано законом положение о национально-территориальном размежевании Севера. Были образованы национальные округа. Стали функционировать окружные Комитеты Нового алфавита.

Именно представители нарождающейся интеллигенции из среды коренного населения Севера настаивали на отказе от латиницы и переводе языков народов Севера на русскую основу.

Комитет Нового алфавита народов Севера возглавлял А. П. Пырерка, направленный после окончания Коммуни-

стического университета трудящихся Востока в аспирантуру Института народов Севера. 11 февраля 1937 г. ненецкий (ненецкий) алфавит на русской основе был утвержден Председателем Совета национальностей ЦИК СССР.

В это время председателем Чукотского окружного Комитета Нового алфавита был Тенгринкеу, а его заместителем П. Я. Скорик.

В осуществление государственной программы ликвидации неграмотности и создания письменности велась в ленинградских североведческих центрах активная научно-исследовательская работа. Необходимо было в сжатые сроки определить диалектную основу каждого из младописьменных языков, исследовать звуковую и выявить фонемный состав каждого из языков для разработки алфавитов.

В первую очередь получили описание опорные диалекты младописьменных языков.

Исследовательская работа сопрягалась с практическим применением результатов исследования – разработкой основных правил орфографии, составлением первых букварей, книг для чтения, учебных словарей. Были созданы и опубликованы грамматические очерки младописьменных языков народов Севера.

Североведы в кратчайшие сроки переводили общественно-политическую литературу. Так, в 1934 г. П. Я. Скорик перевел «Кооперативное воззвание, обращенное к каждому северному охотнику», О. П. Суник и А. Киле в том же году опубликовали «Слово Интегралцентра ко всему промысловому населению северных окраин». Были переведены тексты Конституции СССР и РСФСР на чукотский, корякский, нанайский, эвенкийский, ненецкий языки. Большое количество переводов общественно-политической тематики не было опубликовано и не сохранилось в архивах.

В 30-е годы Ленинград стал исследовательским и образовательным центром североведения. Работами молодых

североведов руководили В. Г. Богораз, Л. В. Щерба, Д. А. Бубрих, Г. Н. Прокофьев.

В 1935 г. директором Института языка и мышления АН СССР избирается академик И. И. Мещанинов. В разработку проблематики, связанной с соотношением языка, мышления, материальной культуры вовлекаются данные «иноструктурных» аборигенных языков – чукотского, алеутского и других.

Планируются североведческие диссертационные работы, вовлеченные в орбиту общетеоретических вопросов языкознания.

Нельзя не принять во внимание, что подготовка кадров североведов и работа с коренным населением проходила на фоне политических событий 30-х годов. Отзвуки репрессий, память о раскулачивании надолго сохраняются в памяти народа. В 1939 г. были обвинены во вредительстве и судимы как «враги народа» 25 коряков-оленевонов, из которых только один имел низшее образование. Остальные были неграмотными и не говорили на русском языке. «Трудно представить, как переводились и разъяснялись обвиняемым слова и словосочетания «контрреволюционный заговор», «Повстанческая организация», «вооруженное восстание», «диверсия» и множество других, эквиваленты которых отсутствовали в сознании и языке». В самом конце 30-х годов коряки, в своем большинстве, не владели русским языком.

В Ленинграде продолжалась подготовка кадров североведов. Владимир Германович Богораз, чей жизненный путь завершился в 1936 г., оставил плеяду своих учеников – С. Н. Стебницкого, Г. М. Корсакова, Г. И. Мельникова, Е. А. Крейнвича, Т. А. Молл, П. Я. Скорика. К концу 30-х годов были подготовлены первые диссертационные работы под руководством В. Г. Богораза, И. И. Мещанинова, Л. В. Щербы, Д. В. Бубриха по языкам малочисленных на-

родов Севера. Так, в 1937 г. начал работу над диссертацией под руководством академика И. И. Мещанинова П. Я. Скорик. В годы войны работа была утрачена, и исследование чукотского языка возобновилось под руководством И. И. Мещанинова в послевоенные годы. Работа И. И. Мещанинова «Общее языкознание». Вышедшая из печати в 1940 г., активизировала исследования северных языков.

Напряженная, исполненная исследовательского и гражданского энтузиазма работа североведов была прервана начавшейся 22 июня 1941 г. войной. В числе ученых, в первые же дни войны ушедших добровольцами на фронт, были североведы – Аркадий Федорович Анисомов, Григорий Давыдович Вербов, Михаил Григорьевич Воскобойников, Александр Андреевич Горцевский, Георгий Алексеевич Меновщиков, Сулунгу Николаевич Оненко, Антон Петрович Пырерка, Петр Яковлевич Скорик, Сергей Николаевич Стебницкий. Николай Иванович Терешкин был призван в армию в 1940 г., а в 1941 г. защищал Ленинград, командовал взводом разведчиков.

Погибли на фронте Григорий Давыдович Вербов, Антон Петрович Пырерка, Сергей Николаевич Стебницкий. В блокадном Ленинграде погибли Георгий Михайлович Корсаков, Григорий Николаевич Мельников, Георгий Николаевич Прокофьев.

В октябре 1941 г. прекратил свое существование Институт народов Севера (ИНС). Архивы Института не были сохранены.

Трудно поднималось североведение в послевоенные годы. От конца 30-х до середины 40-х годов прошла жизнь целого поколения.

В 1945 г. возобновилось преподавание чукотского языка на кафедре этнографии Восточного факультета ЛГУ, руководимой И. Н. Винниковым. С 1945 г. чукотский язык (в

группе было 5 студентов) преподавала Т. А. Молл, позже – П. Я. Скорик и Л. В. Беликов.

С 1945 г. возобновил работу Кабинет северных языков при Институте языка и мышления АН СССР, руководимом И. И. Мещаниновым. В 1950 г. на основе Кабинета был создан Сектор языков народов Севера Института языкознания АН СССР. И. И. Мещанинов вложил много труда и душевных сил, восстанавливая североведение.

В 1947 г. была проведена в ЛГУ научная конференция с целью подведения итогов изучения языков, фольклора, истории, этнографии, экономической географии и культурного строительства на Крайнем Севере.

Научно-исследовательская работа в области североведения продолжает быть тесно связанной с развитием письменности, с практикой преподавания языков малочисленных народов Севера в школах и вузах.

В 1948 г. открывается Отделение народов Севера при РГПУ. На базе этого Отделения был создан в 1953 г. факультет народов Севера.

Ведущие языковеды неустанно заботятся о восстановлении научного потенциала североведения. Под руководством И. И. Мещанинова, Д. В. Бубриха, В. И. Цинциус возобновляют обучение в аспирантуре и работу над диссертациями Г. А. Меновщиков, П. Я. Скорик, М. Г. Воскобойников, С. Н. Оненко, Н. И. Терешкин.

Неоценимое значение имела работа североведов в лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ под руководством Л. Р. Зиндера, М. И. Матусевич и их учеников.

В декабре 1952 г. в Ленинграде состоялось Совещание по языкам народов Севера, созванное Институтом языкознания АН СССР совместно с отделом нерусских школ Министерства просвещения РСФСР, Институтом национальных школ Академии педагогических наук РСФСР, факультетом народов Севера ЛГУ, Северным отделением пе-

дагогического института им. А. И. Герцена и Ленинградским отделением Учпедгиза.

Были подведены итоги североведческой работы и намечены перспективы развития. Не обойдена была вниманием и Сталинская дискуссия о языке.

Североведы находят силы для углубления научно-исследовательской работы для подготовки научных кадров в области тунгусо-маньчжуроведения, финно-угроведения (самодистики), палеоазиатоведения.

Восстановительный период вылился в жизнь целого поколения.

ЛИТЕРАТУРА

- Языки и письменность народов Севера. Вып. 1. – Л.: Учпедгиз, 1937.
 Языки и письменность народов Севера. Вып. 3. – Л.: Учпедгиз, 1934.
 Материалы Первой Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера/Под ред. Я. П. Алькора (Кошкина). – Л.: Учпедгиз, 1932.
 Совещание по языкам народов Севера. ТД. – Л., 1952.
 Мещанинов И. И. Общее языкознание. – Л., 1940.
 Мещанинов И. И. Задачи научно-исследовательской работы в текущей пятилетке. Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка. Т. 5, вып. 6. – Л., 1945.
 Зиндер Л. Р. Экспериментальное изучение фонетики северных языков. Изв. АН СССР. Т. 7, вып. 6. – Л., 1948.
 Терещенко Н. М. К вопросу о взаимоотношении самодийских языков с языками других групп, В. Я., 1957, № 6.
 Ученые-североведы. Сб. био-библиографических очерков. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001.
 Монтъев В. В. Письменность и пути повышения грамотности чукчей // История и культура народов Крайнего Северо-Востока. – М., 1967.
 Бурыкин А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). – СПб., 2004.
 Ильина В. Ликвидация отсталости через лишение свободы // Газета «Абориген Камчатки», 4 февраля 2005. – Петропавловск-Камчатский.

М. Я. Бармич

**АНТОН ПЕТРОВИЧ ПЫРЕРКА –
ПЕРВЫЙ НЕНЕЦКИЙ УЧЁНЫЙ**

Антон Петрович Пырерка – первый ненецкий учёный, писатель, переводчик. Он принадлежит к тому поколению северян, которое застало дореволюционный уклад жизни, на себе испытало всю его жестокость и беспросветность и потому со всей страстью молодости приняло Советскую власть и её политику. Антон Петрович первый из ненцев получил высшее образование и написал диссертацию, активно участвовал в создании округа и разработке ненецкой письменности, много и плодотворно помогал молодым учителям.

1905-1926 гг. – сиротское детство.

В морозную выюжную ночь, какую не помнили даже старики на Большой Земле, семья бедняка Петра Пырерки пополнилась вторым ребёнком от второй жены, которая была моложе мужа на тридцать четыре года. Это был 1905 год, Большой темный месяц – декабрь («Нарка пэвдей иры»). Родился мальчик. Звонкий плач малыша заглушал резкий свист ветра. Старик Пётр Пырерка, наклонившись над новорождённым, подумав сказал: «Тув сяхарт’ ни хабтёд’ – хасава нюми тува’ тюненгуда» («Огонь моей семьи никогда не погаснет – его понесёт мой сын»).

Нарекли мальчика ненецким именем Сярати, что значит ‘будет около семьи, рода’. Поп Сергей, находившийся в чуме, торжественно заявил: «Антоннэ нюмдев, нисянда нюмна Петровичм’ нюбета!» («Антоном я его назвал, а по отцу будет Петрович!»)

Как и все тундровые дети, рос в чуме, любил оленей, но их у отца не было, за пятьдесят лет батрачества отец не заимел. Антон вместе с родителями кочевал по бескрайним

просторам родной Большеземельской тундры. Он рано лишился родителей. Пока мать с двумя маленькими детьми хоронила отца своих детей родственники откочевали и оставили их в тундре. Через несколько дней вслед за мужем умерла и мать.

Богатый родственник Сясько отвез шестилетнего мальчика и его трёхлетнюю сестрёнку в ближайшую русскую деревню Ёкуши и бросил их там. Обезумевший от страха мальчишка стучался в окна, двери, но его отовсюду прогоняли, оскорбляли, иногда били. И он бродил из деревни в деревню, просил «Христа ради» милостыню, унижался. И всё же ему повезло. Сначала приютил его нищий старик ненец Васька. Он учил мальчика собирать милостыню, а между делами старик загадывал загадки, рассказывал сказки, жизненные были, что очень нравилось маленькому мальчику.

С благодарностью вспоминал Антон Петрович одного доброго русского старика по прозвищу Штукатур (из селения Тельвиска), который приютил на некоторое время мальчика, ходил с ним ловить рыбу, а затем и устроил его в церковно-приходскую школу.

Худенького маленького, черноволосого мальчика враждебно встретили в школе. Учительница Мария Яковлевна сказала ученикам: «Тюку нянда’ я’ ханяхартана хибяхартада янгу». («У него на этом свете никого нет, у вас есть отцы и матери»). Антон никогда не смеялся, никто не видел его плачущим, ходил он как-то боком, как будто боялся, что его вот-вот кто ударит или побьёт. Он учился легко и хорошо, вскоре стал лучшим учеником. Антон тут и окончил три класса.

Так Антон Петрович Пырерка, по счастливой случайности, ещё в раннем детстве стал грамотным.

В конце шестого года скитаний по чужим людям вернулся с Урала старший брат Семён, откочевавший туда

со своим хозяином много лет назад. Он взял младшего брата и сестру Ирину к себе в чум. Оба брата стали батрачить у сына своего богатого родственника Сясько, который когда-то бросил их. Маленький Антон целыми днями ломал тальник для топлива, позднее пас чужих оленей в надежде занять когда-нибудь и своих оленей. Как его дед, как его отец.

Так бы и остался Антон Петрович Пырерка батраком у богатых оленеводов, в лучшем случае как-нибудь заработал бы себе стадо оленей и кочевал по тундре, но судьба его сложилась иначе. Великая октябрьская революция дошла и до Большеземельской тундры. Здесь, как и всюду по северу, началось кооперирование оленеводческих хозяйств.

В Большеземельской тундре был организован первый самоедский кооператив «Кочевник».

В 1925 году Антон Петрович становится пастухом кооператива. На Югорском Шаре, где Пырерка пас оленей, поселилась группа зимовщиков. Зимовщики дружески относились к пастуху-ненцу, давали ему читать книги, говорили о больших городах, о революции, о Ленине, рассказывали о комсомоле. Антон подружился с коммунистом Михайловым, который советовал ему учиться.

Через некоторое время полярники уехали, Антон вновь вернулся в кооператив. Вскоре его направили в Усть-Цильму на курсы оленеводов. Там его приняли в комсомол.

Советы Михайлова не прошли даром. Мечта об учёбе глубоко запала в душу молодого пастуха. Эта мечта сбывается.

1926-1931 гг. – начало большого пути малограмотного «самоеда»

В 1926 году Антон Пырерка по направлению комсомольской организации поступает в Коммунистический

университет трудящихся Востока (КУТВ) в Москве. Поначалу не легко давалось учение в КУТВе, ведь у него за плечами было только три класса в церковно-приходской школе. Приходили мысли бросить учёбу и уехать в тундру, но была огромная жажда знаний и упорство: «Вынггана нгобтарем' падаркана теневана ненэця' ним' тара''. Ненэй' ненэця' нгод' тохобато' тара, харто' вадавнандо' нод' книги толаба теневабто' тара. Тохо''махадан пуня' хантам'». («В тундре грамотные люди тоже нужны. И ненцы тоже выучиться должны и на родном языке должны уметь читать книги. Выучусь, обратно поеду»).

С этими мыслями Антон начал изучать и ненецкий язык, он не был ещё изучен и исследован. Кроме этого, он очень быстро изучил коми язык и говорил на нём.

В 1929 году, в момент организации Ненецкого национального округа Антон Петрович работает в организационной комиссии, затем членом Ненецкого окружного Исполкома. При его помощи и непосредственном участии был организован один из первых оленеводческих колхозов в округе – колхоз «Харп» («Северное сияние»). Брат Антона Семён Пырерка тоже вступил в колхоз. Оба брата своих олешек сдали в колхоз.

Через год А. П. Пырерка возвращается в Москву и продолжает учиться ещё два года в КУТВе. В 1931 году, после успешного окончания университета, Комитет Севера направляет его в аспирантуру Института народов Севера в Ленинград. В ходатайстве о нём говорилось: «В январе 1931 года оканчивает КУТВ Пырерка Антон Петрович, ненец по национальности. Учитывая отсутствие кадров научных работников из среды народов Севера и острую необходимость в них, в частности в авторских кадрах для создания учебной и массовой литературы на языке ненцев, Комитет Севера просит направить А. П. Пырерка в распоряжение Института народов Севера».

На ненецком языке Антон Петрович говорил очень хорошо, прекрасно исполнял песни, знал много сказок и охотно их рассказывал.

1931-1941 гг. – выбор сложного пути

В 1932 году А. П. Пырерка стал аспирантом Института народов Севера. В характеристике его отмечалось: за время учёбы в аспирантуре Пырерка проявил себя вполне академически подготовленным и способным вести научно-исследовательскую работу; он дисциплинирован, активен, самостоятелен, обладает большой требовательностью, собранностью.

В аспирантуре Антон Петрович под непосредственным руководством Георгия Николаевича Прокофьева активно изучает и исследует ненецкий язык и принимает деятельное участие в разработке и создании ненецкой письменности.

В 1933 году А. П. Пырерка командировается в Ненецкий округ для организации работы Комитета нового Алфавита и переподготовки учителей ненецкого языка, а в 1934 году едет на Ямал для исследования ямальского говора ненецкого языка и инструктажа Окружного Комитета нового Алфавита.

Ученик и последователь известного лингвиста Г. Н. Прокофьева, Антон Петрович возглавляет Комитет нового Алфавита народов Севера.

В 1932 году появился первый букварь на ненецком языке, составленный Г. Н. Прокофьевым – «Jadej wada» («Новое слово»). Из Таймыра пришло сообщение: «Тикы падвы книги нгоб' нидё' хамэдамбу'» (Здесь не понимают те написанные книги, приглашаем хорошо владеющего ненецким языком и говорящего на нём). Таким знатоком языка оказался Антон Петрович.

По вопросам развития ненецкой письменности и апробации первого букваря ненецкого языка в 1933 году

Антон Петрович был командирован к таймырским ненцам. Наряду с основной научной работой им были собраны материалы по говору таймырских ненцев и записано несколько сказок. И только после этого А. П. Пырерка понял, что говор таймырских ненцев не даёт значительных отличий от его родного большеземельского говора, что таймырские и большеземельские ненцы говорят на одном языке и хорошо понимают друг друга.

Вторая половина 30-х годов XX века стала для Антона Петровича временем стремительного роста как исследователя и научного работника: изданы три фольклорных сборника сказок на ненецком языке: «Ненэця' вадаку'» («Ненецкие сказки»), «Пухуця' ноб' ню» («Единственный сын старухи»), «Харт вадакуд» («Твои сказки»). Почти вся публикуемая литература на ненецком языке (учебная, политическая, художественная) проходила через руки Антона Петровича: он и разрабатывал, и писал, и переводил, и редактировал, и рецензировал, и принимал участие в составлении первых учебных пособий для школ ненцев (по некоторым из них и сейчас учатся), перевёл на ненецкий язык две сказки А. С. Пушкина («Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о попе и работнике его Балде») и первую Советскую Конституцию.

Уже в 1934 году им составлена «Книга для чтения» («Толанго книга») на ненецком языке, по которой складывали первые слоги первые грамотные ненцы в тундрах от Канина Носа на западе до хребтов Путораны на востоке. А. П. Пырерка пробовал свои силы и в области литературного творчества, раскрылось ещё одно дарование этого талантливого человека. Он написал автобиографическую повесть «Вэдо' нюдя ню» («Младший сын Вэдо»), в которой он рассказывает о своём трудном детстве и юности до революции, о постепенном становлении классового сознания ненецкого юноши.

Эта повесть в 1940 году получила вторую премию на конкурсе художественных Произведений на языках малочисленных народов Севера. Но он так и не увидел своей книги при жизни (её издали уже после войны в городе Архангельске).

Немалую поддержку оказывала в становлении Антона Петровича как автора, писателя, переводчика, учёного-исследователя его жена Наталья Митрофановна Терещенко. Они познакомились в селе Тельвисочное в 1929 году, где она работала учительницей в ненецкой школе, а он был членом организационной комиссии по созданию Ненецкого округа.

По окончании аспирантуры Антон Петрович поступает на работу в Институт языка и письменности научным сотрудником, затем переходит на работу в Институт языка и мышления, где и работал до начала Великой Отечественной войны.

1941 год – защитник Отечества

После объявления войны Антон Петрович Пырерка уходит добровольцем на фронт действующей армии рядовым бойцом 10-й стрелковой дивизии, которая сражалась у стен Ленинграда в районе Стрельны. В сентябре 1941 году ополченцы были брошены в бой. Есть несколько версий гибели этого замечательного сына ненецкого народа. Профессор Федот Петрович Филин встретил Пырерку 15 сентября 1941 г. на передовой: «Глядя на него, я бы ни за что не подумал, что Антон Петрович только что из боя. Свежий после умывания, в чисто выстиранной гимнастёрке с белым подворотничком». По мнению Ф. П. Филина, Пырерка погиб в бою при прорыве немцами фронта 16 сентября.

Несколько по-иному описываются обстоятельства гибели Антона Петровича 20–21 сентября по воспоминаниям участников обороны Ораниенбаумского плацдарма: «Ко-

мандир взвода сапёров лейтенант Овсяников с тремя бойцами уничтожил более десятка гитлеровцев. Сам был ранен в ногу, а Антон Пырерка и двое других, фамилии которых не помню, погибли в рукопашной схватке».

Наталья Митрофановна Терещенко, жена Антона Петровича, датой его гибели считает 15 октября. 12 октября она получила письмо, где он обещал не позднее, чем через два дня, выслать нужную бумагу, которая так и не была получена.

По официальным данным рядовой А. П. Пырерка пропал без вести.

1905-2005 гг. – память о нём жива

Добрая память о нём сохранилась и живёт не только в сердцах его соратников и современников, но и в его научных исследованиях, в учебниках, словарях ненецкого языка.

Деятельность первого ненецкого учёного и писателя была многогранной, но ему не удалось завершить многие свои творческие замыслы.

С 1933 по 1940 гг. Антон Петрович три раза ездил в научные командировки в Малоземельскую и Большеземельскую тундры и на Ямал. Им был собран большой фольклорный материал. Научные интересы Антона Петровича, особенно в последнее время, целиком сосредоточились на изучении и в исследовании богатейшего устного народного творчества ненцев.

К началу 1941 года он подготовил диссертацию «Фольклор как исторический источник» с большим историко-этнографическим введением. Это был итог почти десятилетнего труда, длительных поездок по ненецким тундрам. К сожалению, введение диссертации и большая часть собранных им материалов погибли в блокадном Ленинграде.

Сохранившиеся материалы составляют около 20 печатных листов ненецкого текста.

Материалы почти исключительно состоят из героических эпических сказаний, которые Антон Петрович назвал «ярабц» и «сюдбабц», исследовал оба жанра эпических песен и дал их определение. «Ярабц» – сказание о злоключениях героев, их тяжёлой жизни и высокой душевной стойкости. Фантастический элемент в этих сказаниях почти отсутствует. «Сюдбабц» – героическое сказание с большим элементом фантастики. Оба жанра при исполнении сказителями поются.

По заданию Института языка и письменности Антон Петрович в 1936 году выполнил первую научную работу «Оленеводческая терминология у ненцев», но она не увидела света.

По плану Института языка и мышления А. П. Пырерка вёл плодотворную работу над составлением наиболее полного русско-ненецкого словаря объёмом 15 000 слов. Часть этого материала была использована при составлении словаря для начальной ненецкой школы, вышедшего в «Учпедгизе» уже после его смерти (1946 год), и Русско-ненецкого словаря, изданного в 1948 году (ставшего библиографической редкостью).

К счастью, рукопись данного словаря сохранилась в архиве Института языкознания АН СССР в Ленинграде (ныне Институт лингвистических исследований РАН).

Имя Антона Петровича останется в сердцах ненецкого народа навсегда. В память о нём одна из улиц города Нарьян-Мара носит его имя. В этом же городе Ненецкая средняя общеобразовательная школа-интернат и Нарьян-Марское педагогическое училище (ныне Нарьян-Марский социально-гуманитарный колледж) также носят имя первого ненецкого учёного Антона Петровича Пырерка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русско-ненецкий словарь. Составители А. П. Пырерка и Н. М. Терещенко, ОГИЗ, М., 1948.
2. Лебедева Е. П. Подготовка научных кадров из народностей Севера // Просвещение на советском Крайнем Севере. Учпедгиз, Л., 1958. С. 235–250.
3. Талеева В. А. Пырерка Антон Петрович // Учёные-североведы. СПб., 2001. С.148–151.
4. Пырерка А.П. Вэдо' нюдя ню (Младший сын Вэдо). Повесть.
5. Пырерка В. Пыреркахат нэда ненэць'. (Человек из рода Пырерка). «Учпедгиз». Ленинград 1960.
- 6.Непокорённый плацдарм. Л., 1985. С. 23.
7. Филин Ф. П. Дружба народов. 1979. № 5.
8. Пырерка В. А. Правда Севера. 1967. 12 ноября.
9. Канев Ю. В. Антон Петрович Пырерка (штрихи к биографии) // Материалы научно-практической конференции «Ненецкая письменность и развитие национальных традиций народа». Нарьян-Мар. 2003. С. 52–53.

Ю. В. Канев

**АНТОН ПЕТРОВИЧ ПЫРЕРКА –
ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ**

Биография первого ненецкого ученого **Антон (Сярати) Петровича Пырерки** (1905-1941) изучена, казалось бы, достаточно основательно – ей посвящены множество газетных и журнальных статей, воспоминания современников, имеется фонд в Ненецком окружном краеведческом музее. Однако, на мой взгляд, если биографический аспект раскрыт более или менее полно, то личность Антона Петровича изучена гораздо слабее. Короткую 35-летнюю жизнь Сярати Пырерка можно разделить на три основных периода:

- 1905-1926 гг. – жизнь в тундре, сиротское детство, окончание Тельвисочной церковно-приходской школы, батрачество, работа пастухом-оленоводом кооператива «Кочевник»;
- 1926-1931 гг. – учеба в Коммунистическом университете трудящихся Востока, работа в организационной комиссии по образованию Ненецкого округа;
- 1931-1941 гг. – научная деятельность в Институте народов Севера и Институте языка и мышления имени Марра АН СССР, командировки в Ненецкий округ и на Ямал, подготовка ряда научных трудов, учебных пособий и кандидатской диссертации.

Он много успел за 35 лет – получил высшее образование и написал диссертацию, активно участвовал в создании нашего округа и разработке ненецкой письменности, много и плодотворно ездил в командировки и экспедиции. Время диктовало тогда ускоренный, почти реактивный темп жизни – а Антон Пырерка был ярким человеком своей непростой эпохи. Однако при взгляде на его биографию неизбе-

жен вопрос – как вчерашний пастух-оленовод за несколько лет превратился в аспиранта-ученого?

Жизненный путь маленького Сярати начался в Большеземельской тундре в ледяном декабре 1905 года. Род Пырерка («Щуки») был не самым многочисленным и богатым. Отец Пат, по всей видимости, был малооленным ненцем, кочевавшим вместе с более зажиточными родственниками. Когда Сярати исполнилось шесть лет, умерли в ходе эпидемии его родители. Судьба малыша была незавидной – его бросили на окраине печорской деревушки Екуша. Спасли его жители соседнего села Тельвиска – беспризорного мальчика подобрал какой-то доброхот и поселил у себя. Более того, вскоре маленький самоед начал ходить в церковно-приходскую школу и навсегда сохранил самые теплые чувства к своей первой учительнице – жене священника **Марии Яковлевне Игумновой**. Именно тогда Антон впервые познал грамоту: научился читать и считать, писать и рисовать. И это был первый шанс, который ему дала судьба – он стал одним из немногих грамотных тогда тундровых ненцев. В 1917 году Антон снова оказался в тундре, когда старший брат Семен забрал его пасти оленей у богатого оленевода и родственника Василия Ивановича Пырерки. В документах уже 30-х гг. сурово указывается в отношении хозяина Антона Петровича: «*Батраков держал плохо*»¹. Три года Сярати постигал премудрость пастушеской науки. За эти годы из подростка он вытянулся в стройного и крепкого юношу. Кстати все, кто помнит облик Пырерки, отмечают его внешность: широкие плечи, тонкая талия и запоминающийся взгляд черных глаз сразу производили впечатление физически и морально сильного человека. После организации первого ненецкого кооператива «Кочевник» Антон уходит от прежнего хозяина и становится пастухом кооперативного стада. В 1926 году его,

¹ ГАНАО. Ф. 187. оп.1. д. 76. л. 1–5.

как одного из немногих грамотных ненцев, направляют учиться в Коммунистический университет трудящихся Востока имени Сталина – кузницу кадров для национальных окраин.

За короткий период из малограмотного «самоеда» он превратился в активного борца за новую жизнь. В 1931 г. руководство КУТВ отмечало в характеристике на студента Пырерка: «Дисциплинирован, активен, самостоятелен. В текущей политике ориентируется правильно. Товарищеские отношения хорошие»². В то же время ничто человеческое было ему не чуждо – по воспоминаниям сына Валерия он «уважал шутку, модно одевался, легко бросался деньгами, потому что считал «не они нас зарабатывают» и часто сидел без гроша»³. После окончания КУТВ в 1932 г. он мог пойти на более перспективную партийно-советскую работу, стать одним из руководителей Ненецкого округа, как, например, его друг Иван Выучейский. Опыт такой работы у него, кстати, был – в 1930 г. он некоторое время работал заместителем заведующего окружным земельным отделом, был членом окружкома ВКП (б). Но он выбрал гораздо более сложный путь – первого ученого из среды ненецкого народа. В 1932 г. он стал аспирантом Института народов Севера – руководство отмечало в характеристике «за время своего пребывания в аспирантуре т. Пырерка проявил себя вполне академически подготовленным и способным вести научно-исследовательскую работу»⁴. В начале 30-х годов он активно участвует в создании ненецкой письменности: в марте 1933 г. командировается в Ненецкий округ для проведения конференции Комитета нового алфавита и переподготовки учителей ненецкого языка; в июне 1934 г. едет на Ямал для исследования ямало-ненецкого

² Фонд А. П. Пырерки НОКМ № 367/6

³ В. А. Пырерка // Правда Севера. 12 ноября 1967.

⁴ Фонд А. П. Пырерки НОКМ № 117/2

говора и инструктажа окружного комитета нового алфавита. Первый труд Пырерки вышел уже в 1934 г. – книга для чтения по ненецкому языку. Будучи убежденным сторонником новой жизни и переустройства общества, в январе 1930 года Антон Петрович вступил в Коммунистическую партию. Для того времени у него была просто идеальная биография: ненец, бывший батрак, получивший высшее образование при Советской власти и плюс ко всему – коммунист. Замечательный пример созидания нового человека тундры давал Антон Пырерка.

Тут мы должны остановиться на стремительном становлении – том самом «прыжке через тысячелетия» – Антона Пырерки. Немалую поддержку оказала Антону Петровичу его жена **Наталья Митрофановна Терещенко**, целеустремленный и сильный человек, настоящий друг и коллега. Они познакомились в селе Тельвисочное в 1929 г., где она работала учительницей в ненецкой школе, а он был членом оргкомиссии по созданию Ненецкого округа. В 30-е годы Пырерка и Терещенко были лучшими учениками Г. Н. Прокофьева, ведущего научного деятеля по изучению ненецкого языка и созданию ненецкой письменности. В 1935 г. Н. М. Терещенко поступила в аспирантуру при Институте народов Севера, а в 1940 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Категория определения в ненецком языке» и была назначена заведующей Лингвистической секции Научно-исследовательской ассоциации ИНС с присвоением звания доцента. Сам Пырерка удивительно быстро приобрел внешний лоск – вчерашний оленевод щеголевато одевался: как вспоминает В. И. Рубкалева «всегда был тщательно одет и подтянут»⁵. Однако внешность обманчива – душой он всегда оставался со своим тундровым народом, желал улучшить жизнь ненцев и, выступая на конференции Комитета Нового Алфавита в 1933 г. заявил: «Мы

⁵ Воспоминания В.И. Рубкалевой от 7 марта 2004 г.

вплотную подошли к борьбе за *культурного ненца*, за развитие национальной по форме, социалистической по содержанию культуры»⁶. Своей задачей он видел создание ненецкой письменности, которая даст возможность сделать всех ненцев «культурными». Безусловно, ощущение внутренней правоты в своей деятельности придавало Антону Петровичу дополнительные силы. По всей видимости, кроме этого, как человек, Пырерка обладал кроме мощного интеллектуального потенциала, большим запасом внутренней требовательности, собранности и дисциплины.

Антон Петрович пережил в 1937–1938 гг. нелегкий период – это малоизвестная страница его биографии. Из воспоминаний его старшего сына Бориса: *«Осенью 1937 года Н. М. Терещенко возвращалась из экспедиции в Канинскую тундру. Был собран большой интересный материал... На перроне в Ленинграде ее удивило отсутствие мужа. Он подошел через пару минут, как обычно, тщательно одетый, подтянутый, извинился за опоздание. Позже выяснилось, что причиной задержки послужило собрание, на котором его исключали из партии... Криминалом оказывались и письменность на латинской основе, создававшаяся для всех малых народностей, и мысли об объединении трех округов в одну национальную область, и просто свободное, независимое мнение. С работы отца уволили... Человек был нарасхват и оказался вдруг никому не нужен. От матери требовали отказаться от мужа, грозя несусветными расправами. Среди людей родители остались в пустоте, как прокаженные»*⁷. В 1937 г. такой оборот событий мог иметь для Антона Петровича самый худший последствия – скорый арест и гибель в лагере. Как видно, в 37-м даже латинский алфавит, первоначально использованный

⁶ Пырерка А.П. У ненецкого народа есть своя письменность // Нярьяна Вындер. – 1933. – 1 сентября 1933.

⁷ Рукопись Пырерка Б.А. Наталья Митрофановна Терещенко. С.5-6.

для создания ненецкой письменности, оказался серьезным «криминалом». В начале 1938 г. Наталья Митрофановна обратилась с письмом к М. И. Калинину с просьбой разобраться в создавшейся ситуации. После работы специально созданной комиссии А. П. Пырерка был восстановлен в партии и принят на работу в Институт языка и письменности.

Вообще же вторая половина 30-х гг. стала для Антона Петровича временем стремительного роста, как исследователя и научного работника – были изданы три фольклорных сборника сказок на ненецком языке (1935, 1936, 1939), в 1936 г. им была подготовлена первая научная работа «Оленеводческая терминология ненцев». С 28 октября 1936 г. он возглавил Комитет нового алфавита народов Севера. Много и плодотворно занимался Пырерка и переводами: его стараниями были переведены на ненецкий сказки Пушкина, книга И. Папанина «На полюсе» и даже сталинская Конституция 1936 года. В 1940 г. им был закончен наиболее полный русско-ненецкий словарь объемом 15000 слов. Профессор Прокофьев высоко отозвался о работе своего ученика: *«Русско-ненецкий словарь А. П. Пырерки – единственный полный словарь ненецкого языка. Уже одно это делает работу Пырерки актуальной и тем самым диктует необходимость его издания»*⁸. В том же сороковом году в кратчайшие сроки (за месяц!) он буквально на одном дыхании написал автобиографическую повесть «Вэдо нюдяню» («Младший сын Вэдо»). Эта повесть получила вторую премию на конкурсе художественных произведений на языках малочисленных народов Севера. Раскрывалось еще одно дарование этого талантливой человека – писательский дар. Повесть эта – в какой-то степени литературная автобиография Пырерки – подытожила во многом его

⁸ Меньшакова Е. Г. Пырерка Антон Петрович // Они были первыми... / Сост. Тунгусов А. А. – Нарьян-Мар: ИЦ НОИУУ. – 1999. – с.24.

жизнь. К началу 1941 г. он подготовил диссертацию – богатейшие материалы по творчеству ненецкого народа с исследованием эпических песен сюдбабц и ярабц и большим историко-этнографическим введением. Это был итог почти десятилетнего труда, длительных поездок по ненецким тундрам⁹. Но этот плодотворный период был прерван начавшейся Великой Отечественной войной. Вместо защиты диссертации А. П. Пырерке пришлось с оружием в руках защищать ставший ему родным Ленинград.

5 июля 1941 г. А. П. Пырерка добровольцем вступает в ряды действующей армии – он рядовой боец 10-й стрелковой дивизии, которая сражалась у стен Ленинграда в районе Стрельны. По воспоминаниям родственников, он мог бы получить бронь и эвакуироваться в тыловые районы СССР, но Пырерка 4 июля осознанно подал заявление в военкомат и встал на защиту Ленинграда. В сентябре 41-го ополченцы были брошены в бой у Стрельны: 204-й стрелковый полк (в который попал Пырерка) был даже без артиллерии. С 16 по 21 сентября 1941 года 10-я дивизия отражала яростные атаки немецкой пехоты при поддержке авиации, танков и артиллерии. Есть несколько версий гибели этого замечательного человека. Профессор **Федот Петрович Филин** (старый друг Антона Петровича) встретил ополченца Пырерку 15 сентября 1941 г. на передовой: *«Глядя на него, я бы ни за что не подумал, что Антон Петрович только что из боя. Свежий после умывания, в чисто выстиранной гимнастерке с белым подворотничком»*¹⁰. По мнению Филина, Пырерка погиб в бою при прорыве немцами фронта 16 сентября. Несколько по иному описываются обстоятельства гибели Антона Петровича 20-21 сентября по воспоминаниям участников обороны Ора-

⁹ К великому сожалению, рукописи и материалы этой диссертации погибли в осажденном Ленинграде (Прим. автора).

¹⁰ Филин Ф.П. Прерванный взлет// Дружба народов 1979. №5. – с. 194.

ниенбаумского плацдарма: *«Командир взвода саперов лейтенант Овсянников с тремя бойцами уничтожил более десятка гитлеровцев. Сам был ранен в ногу, а Антон Пырерка и двое других, фамилий которых не помню, погибли в рукопашной схватке»*¹¹. Наталья Митрофановна Терещенко в своих воспоминаниях сдвигает дату гибели мужа почти на месяц: *«Датой его гибели считается 15 октября. Это более или менее достоверно...12 октября я получила от Антона Петровича письмо, в котором он обещал не позднее, чем через два дня, выслать нужную мне справку. Последняя так и не была получена»*¹². Как мы видим, ясности в этом вопросе нет – неизвестно когда точно, и при каких обстоятельствах погиб красноармеец Антон Пырерка. Понятно лишь, что пал он в бою смертью храбрых. По официальным данным рядовой А. П. Пырерка пропал без вести.

В декабре 2005 года исполнится 100 лет со дня рождения Антона Петровича Пырерки. Юбилейные мероприятия будут проходить на базе Ненецкой школы-интерната, которая с гордостью носит имя первого ненца-ученого.

ЛИТЕРАТУРА

- Меньшакова Е. Г. Антон Петрович Пырерка // Они были первыми... / Сост.: А. А. Тунгусов. – Нарьян-Мар: ИЦ НОИУУ, 1999. – С. 23–25.
- Пырерка Б. А. Наталья Митрофановна Терещенко (рукопись). – С. 5–6.
- Пырерка В. А. Тохто Тара // Край мой ненецкий / Сост.: Д. С. Филимонова. – Архангельск.: Северо-Западное книжное издательство, 1973. – С. 114–126.

¹¹ Агеев А. М. в боях за Ленинград // Непокоренный плацдарм (1941-1944). – Л.: Лениздат, 1987. – С. 23.

¹² Фонд А. П. Пырерки НОКМ. Письмо Н. М. Терещенко от 28 августа 1981.

Е. Г. Меньшакова

**ДОКУМЕНТЫ И ВЕЩИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
СЕМЬИ А. П. ПЫРЕРКИ И Н. М. ТЕРЕЩЕНКО
В СОБРАНИИ НЕНЕЦКОГО ОКРУЖНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

В декабре 2005 года исполняется 100 лет со дня рождения первого ненецкого ученого-лингвиста, переводчика, уроженца Большеземельской тундры Антона Петровича Пырерки.

Первые попытки комплектования материалов о А. П. Пырерке в нашем музее относятся к 1958 году. В то время была установлена переписка с женой Антона Петровича Н. М. Терещенко, известным лингвистом, специалистом по самодийским языкам, доктором филологических наук, профессором, по поводу передачи в музей его фотографии. В ответном письме от 24 мая Наталья Митрофановна сообщает, что «фотографий А. П. Пырерки сохранилось очень мало. Сейчас у меня только одна..., сделанная в год окончания А. П. Пыреркой Коммунистического университета трудящихся Востока. Посылаю ее Вам, хотя и не считаю ее очень удачной. В середине июня я рассчитываю быть в Нарьян-Маре, и тогда попрошу Вас эту фотографию мне вернуть»¹. Неизвестно, как развивались события, но в 1965 году, когда директором музея Раисой Михайловной Хатанзейской и научным сотрудником Александром Александровичем Тунгусовым была возобновлена переписка с женой ученого, никаких материалов о Пырерке в музее не было. Музей в это время работал над созданием отдела Советского периода. «Дело в том, – писала Раиса Михайлов-

¹ Письмо Н. М. Терещенко в Ненецкий окружной музей от 24 мая 1965 года. – НОКМ. – Персональный фонд А. П. Пырерки; Книги А. П. находятся в научной библиотеке музея.

на, – что посетители музея проявляют большой интерес к жизни А. П. Пырерки, а у нас о нем почти ничего нет, в том числе даже и фото»².

В апреле 1965 года Наталья Митрофановна прислала в дар музею две фотографии Антона Петровича, среди которых было и фото, сделанное в год окончания А. П. Пыреркой КУТВа³, шесть написанных им книг и книжку «Крах Северного вала». Кроме того, в этом же году фонд музея пополнился и другими документами Антона Петровича. Через сына – Валерия Антоновича Пырерку, работавшего в газете «Нярьяна вындер», были переданы в музей 16 документов ученого. Самый ранний – «Удостоверение студенту III курса КУТВа им. Сталина Пырерка А.П. о командировке в Ненецкий округ» датирован 24 сентября 1929 года⁴. Последний от 16 августа 1941 года – это «Справка Н. М. Терещенко о том, что ее муж А. П. Пырерка находится в рядах добровольческой армии с 5-го июля с.г.»⁵.

Следует отметить, что 6 документов из переданных в 1965 году⁶, по всей видимости, не были приняты сразу в фонды, и почти 20 лет являлись неучтенными. Недоразумение было исправлено только в 1981 году.

Архив А. П. Пырерки в Ненецком окружном краеведческом музее позволяет проследить достаточно детально всю биографию ученого, начиная с 1914 года, когда Саряти из рода Пыря работал батраком по найму. Любопытно, что сведения о раннем периоде трудовой деятельности Пырерки содержит составленная 22 июля 1930 года Ненецким ОИКом копия «Трудового списка». В ней на основании

² Письмо директора музея Р. М. Хатанзейской Наталье Митрофановне Пырерко от 3 апреля 1965 года. – НОКМ. – Персональный фонд А. П. Пырерки

³ НОКМ – № 1672 о.ф. (Книга поступлений музея III – Фото. – Л. 20)

⁴ НОКМ. – № 367/4 о.ф.

⁵ НОКМ. – 117/6 в.ф.

⁶ НОКМ. – 117/1–6 в.ф.

представленных документов и сведений, поступивших от самого Антона Петровича, прослежена его трудовая биография до января 1932 года. Последняя запись в списке от 23 декабря 1931 года гласит: «В Институте народов Севера в должности аспиранта»⁷.

Большинство документов персонального фонда – это различные удостоверения и направления (Удостоверения «О заведывании Окрземоделом Ненецкого округа», 1929 года⁸; «О работе в Ненецком округе», 1930 года⁹; «Направление в распоряжение ИНСа», 1931 года; «Удостоверение заведующего курсами ненецких учителей ИНСа», 1932 года; «Удостоверение о командировке в Ненецкий округ» и «Удостоверение представителя НКП РСФСР по проведению совещания в Ненецком округе, 1933 года¹⁰, «Удостоверение командированного в Ямало-Ненецкий округ», 1934 года¹¹; Протокол и выписка из постановления Президиума ВЦК НА¹², 1936 года; «Удостоверение командированного в г. Москву на совещание по вопросу перевода Конституции СССР на языки Народов Севера»¹³, 1937 года.

Присутствуют также две характеристики Антона Петровича Пырерки. Первая – из КУТВа относится к 1931 году, и характеризует выпускника университета как «партийно и идеологически выдержанного», добросовестно и аккуратно выполняющего партобщественные работы, дисциплинированного, активного и самостоятельного человека, хорошего товарища, удовлетворительно успевающего студента¹⁴.

⁷ НОКМ. – 367/1 о.ф.

⁸ НОКМ. – 367/3 о.ф.

⁹ НОКМ. – 367/5 о.ф.

¹⁰ НОКМ. – 367/7 о.ф., 367/8 о.ф., 367/9 о.ф., 117/4 в.ф.

¹¹ НОКМ. – 367/10 о.ф.,

¹² НОКМ. – 367/11 о.ф., 117/3 в.ф.

¹³ НОКМ. – 117/1 в.ф.

¹⁴ НОКМ. – 367/6 о.ф.

Вторая датируется, видимо, серединой – второй половиной 30-х годов, за подписями заместителя директора, зав. аспирантурой и председателя секции научных работников Института Народов Севера. В ней Пырерка предстает уже «вполне академически подготовленным и способным вести научно-исследовательскую работу»¹⁵. Все вышперечисленные документы являются *машинописными*.

Одним из ценных экспонатов персонального фонда следует считать *рукописную* доверенность Антона Петровича, датированную 4 июля 1941 года, на имя Н. М. Терещенко «о получении причитающихся ему денег по перерасчету за сказки А. С. Пушкина «О рыбаке и рыбке», «О попе и работнике его Балде», «О Царе Салтане»¹⁶. Этот документ, на пожелтевшем от времени тетрадном листе в косую линейку, написан синими чернилами, и несет на себе образец почерка ученого.

В фондах музея 5 фотографических изображений Пырерки, включая фотографии в год окончания КУТВа¹⁷. Два фото коллекции коллективные. Это фотография, сделанная в мае 1935 года «Студенты-ненцы ИНСа»¹⁸, и фото «Группа североведов», где Антон Петрович изображен вместе с Г. Д. Вербовым, Н. М. Терещенко и другими исследователями¹⁹. Увеличенный портрет Антона Петровича с этой карточки является самостоятельной единицей хранения²⁰. Сдатчиками фотографий, как и части архива ученого, по разрешению матери, выступал его младший сын Валерий.

К великому сожалению, среди документов персонального фонда А. П. Пырерки в Ненецком окружном музее

¹⁵ НОКМ. – 117/2 в.ф.

¹⁶ НОКМ. – 117/5 в.ф.

¹⁷ НОКМ – № 693 о.ф. (Книга поступлений музея III – Фото.); № 1672 о.ф.

¹⁸ НОКМ. – 1819 в.ф.

¹⁹ НОКМ. – 1115 в.ф.

²⁰ НОКМ. – 583/3 в.ф.

совершенно отсутствуют какие-либо свидетельства о тех сложностях, которые возникли в его судьбе после 1937 года. Речь идет об исключении первого ученого-ненца из партии, увольнении из Института, работе специальной комиссии и восстановлении на прежнем месте работы²¹.

В фонде А. П. Пырерки хранится любопытное письмо от 10 марта 1943 года Э. Якубинской, уполномоченного Института Языка и Мышления им. М. Я. Марра, Н. М. Терещенко в Тобольск (?), позволяющее пролить свет на судьбу научного архива Антона Петровича. В нем сообщается, что все рукописи Пырерки, «как и рукописи других сотрудников института, сданы нами на временное хранение в Архив Академии Наук...». Среди сданных материалов числятся: экспедиционные материалы, материалы по ненецкой оленеводческой терминологии, русско-ненецкий словарь, краткие сведения из грамматики ненецкого языка, рецензия на экспедиционные материалы, составленная Г. Н. Прокофьевым и общая оценка словаря²².

Из неучтенных документов среди другой переписки по сбору материалов об Антоне Петровиче имеется письмо Н. М. Терещенко научному сотруднику НОКМ Гущиной В. А. В нем она обосновывает вероятную дату гибели своего мужа – 15 октября на основании опубликованных воспоминаний лейтенанта Овсянникова и полученного 12 октября письма от Антона Петровича. Судьба последнего письма Антона Петровича в настоящее время нам неизвестна.

Следует отметить тот факт, что в собрании музея нет ни одной личной вещи Антона Петровича, что вполне объяс-

²¹ Канев Ю. В. Антон Петрович Пырерка (штрихи к биографии) // Материалы научно-практической конференции «Ненецкая письменность и развитие национальных традиций народа». Нарьян-Мар, 2003. – С.53

²² Письмо Э. Якубинской Н. М. Терещенко. – НОКМ. – б.н.

нимо: война, блокада, эвакуация семьи – тут не до таких мелочей.

В 2004 году фонды музея пополнились архивом доктора филологических наук Н. М. Терещенко. Среди личных документов, переданных в музей ее невесткой Хотинной Елизаветой Борисовной, три, принадлежавших Антону Петровичу. Это «Ходатайство ячейки ВКП(б) КУТВа о зачислении т. Пырерки в аспирантуру Института Народов Севера от 17 декабря 1931 года», в котором дается следующая характеристика ученого: «Тов. Пырерка, по национальности ненец, за время пребывания в ун-те, проявил себя стойким и выдержанным коммунистом, борющимся за генеральную линию партии»²³.

Особо следует выделить удостоверение Пырерки об окончании в 1932 году Коммунистического Университета трудящихся Востока. Любопытно, что фото именно из этого документа было передано в числе первых Натальей Митрофановной в фонды музея еще в 1965 году. Доказательством принадлежности фотографии данному документу служит отпечаток текста на удостоверении, идентичный тексту фото, а также расположение фоксингов. Размеры менее выгоревшего фрагмента листа удостоверения, обозначенного как «Место для фотографической карточки» полностью совпадают с размерами фото (НОКМ № 1682).

Для автора настоящей статьи в архиве Н.М. Терещенко открытием оказался еще один интересный документ. Оказывается, Антон Петрович Пырерка был награжден посмертно Памятным Знаком «Народное ополчение Ленинграда», о чем имеется удостоверение № 7020, выданное 4 июля 1971 года. К сожалению, сам знак в фондах музея отсутствует.

Переданный архив Н. М. Терещенко, включая перечисленные выше документы, насчитывает 230 единиц хране-

²³ НОКМ. – б.н.

ния. Особо ценными являются удостоверения Натальи Митрофановны, дипломы и аттестаты ученого, переписка с коллегами, записная книжка и дневник с подневными записями с 1 октября 1970 по 22 октября 1971 года. Весьма интересна и коллекция фотографий. Она включает 31 предмет. Самое раннее фото Наташи датируется 1912 годом, когда ей всего 4 года. Самая поздняя фотография – «Участники конференции (?) в г. Томске. 1973 год», в числе которых Наталья Митрофановна. Среди фотографических изображений – коллекция фото Н. Контиевского, сделанных в тундрах Ненецкого округа в 1965 году (всего 5 фото).

Из личных вещей Терещенко в музей переданы медаль «XXX лет Победы в Великой Отечественной войне», портмоне, кошелек, обложка для партбилета, очечник.

Оформление личного архива Натальи Митрофановны в фонды Ненецкого окружного краеведческого музея продолжается. В настоящее время существуют некоторые сложности в атрибуции фотографий и переписки ученого. Предварительный анализ архива Натальи Митрофановны позволяет пролить свет на биографию ученого, ее научные интересы, взаимоотношения с коллегами.

Материалы о детях Антона Петровича и Натальи Митрофановны – Борисе (1930–2000) и Валерии (1939–1987) в настоящее время рассредоточены по разным фондам музея.

Материалы о старшем сыне Пырерки Борисе в музее весьма скудны. Две фотографии Бориса Антоновича, 1974 и 1999 годов переданы его женой Хотиной Е. Б. вместе с архивом Натальи Митрофановны.

Жизнь младшего сына Валерия Антоновича в 60–70-е годы XX века была тесно связана с округом. Фотография 60-х годов «Сотрудники газеты «Няръяна вындер», на которой изображен Валерий, хранится в фонде А. П. Пырер-

ки²⁴. Две фотокарточки известного в округе журналиста 1960–1970 годов – в фонде «Редакция газеты «Няръяна вындер». Литобъединение «Заполярье»²⁵.

В сентябре 2004 года, когда отмечалось 70-летие Ненецкого окружного краеведческого музея, известным журналистом, писателем В. Ф. Толкачевым передана в музей папка с рукописями Валерия Антоновича Пырерки и его последняя прижизненная фотография. В настоящее время все эти материалы проходят первичный учет.

В целях дальнейшего планомерного комплектования фондов семьи Пырерки необходимо детальное и скрупулезное изучение поступивших в последние годы архивов жены и младшего сына ученого. Вполне возможно, что существенное пополнение коллекций музея материалами семьи Антона Петровича Пырерки и Натальи Митрофановны Терещенко, потребует некоторой систематизации фондов. Вероятно, уже в ближайшее время на фондово-закупочной комиссии музея будет рассмотрен вопрос о формировании персональных фондов Н. М. Терещенко и В. А. Пырерки.

Отдельным направлением собирательской работы следует считать сбор материалов о сыновьях Пырерки. Для четкого планирования этой деятельности необходимо заняться составлением генеалогического древа семьи.

Подводя итоги вышесказанного, следует отметить, что сегодня в Ненецком окружном краеведческом музее хранится наиболее полный документальный материал о семье первого ученого-ненца.

²⁴ НОКМ. – Персональный фонд А.П. Пырерко.- б.н.

²⁵ НОКМ. – 1867 в.ф, б.н.

Т. Ю. Журавлева

**ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ ПРОКОФЬЕВ –
СОЗДАТЕЛЬ НЕНЕЦКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ**

Создание ненецкой письменности в 30-е годы XX века было делом новым и важным. Создавалась письменность для ранее бесписьменных народностей, в т. ч. и для северных кочующих племен.

Среди создателей письменности для ненцев необходимо назвать Георгия Николаевича Прокофьева, правнука известного немецкого поэта, сына художника-мариниста.

После смерти Георгия Николаевича изучением его наследия занималась жена Екатерина Дмитриевна, которая сохранила дневники мужа, написанные в 20-х годах во время работы в Яновом стане, в Туруханском крае, подготовленные к печати Н. И. Гаген-Торн и опубликованные в «Этнографическом обозрении» в 1992 году. Имеются публикации А. К. Омельчук, кроме того, удалось поработать с журналом «Советский Север» за 1931 год и некоторыми другими источниками. В научной библиотеке Ненецкого окружного краеведческого музея сохраняются издания, выпущенные в свет в Нарьян-Маре в 30-х годах. Это брошюры Г. Н. Прокофьева «Восемь уроков ненецкого языка», «Четырнадцать уроков ненецкого языка», «Родной язык в северной национальной школе» и другие.

Занимаясь в Государственном архиве Ненецкого автономного округа г. Нарьян-Мара с большим интересом я читала протоколы заседаний президиума Ненецкого окрисполкома, где обсуждались вопросы выбора азбуки для ненецкой письменности. Работая в Большеземельской тундре, Прокофьеву удалось выявить, что достоинством большеземельского говора, является то, что его носители были

«более развиты культурно и политически»¹, а местный диалект ненецкого языка «являлся, без сомнения, наиболее типичным для всей народности в целом». Назначенный заведующим культбазой в Хоседа Харде, районном центре Ненецкого национального округа, Георгий Николаевич готовил в окружную газету «Няръяна вындер» специальные полосы-уроки ненецкого языка для работающих на Севере русских специалистов. Сохранился в архиве и один из протоколов заседания Комитета нового алфавита (КНА) народов Севера, который был, вероятно, отправлен из Москвы в Нарьян-Мар для информации. На заседании Комитета нового алфавита присутствовали Г. Н. Прокофьев, Г. Д. Вербов, А. П. Пырерка, Н. М. Терещенко, З. Н. Куприянова и др. Один из пунктов заседания – отчет о работе Окружного Ненецкого Комитета Нового Алфавита, где была озвучена информация о том, что в Нарьян-Маре при редакции газеты «Narjana Winder» при педтехникуме организованы уголки ненецкой письменности. На заседании Лингвистической группы осуществлена проверка букваря и словарика новых терминов. Кроме того было указано, что недостаточно вовлечены в работу КНА сами ненцы – тундровики, знающие родной язык.

В протоколе № 26 заседания президиума Ненецкого окрисполкома от 8 сентября 1930 года Г. Н. Прокофьеву предлагалось вместе с педагогами, знающими ненецкий язык, просмотреть **готовящуюся** азбуку и дать свое заключение Окружному исполнительному комитету². Интересно и то, что, изучая документы **окружного** архива, удалось выявить, что существовал еще один проект ненецкой азбуки, автором которой являлся доцент ЛГУ Г. А. Старцев, (им в 30-е годы была выпущена книга «Самоеды»). Но документов,

¹ ГА НАО, Ф.187.Оп.1, Д.41, лл 115–116

² ГА НАО, Ф.12,оп.1, Д.58, л.л. 11–16

раскрывающих недостатки азбуки Старцева, нам найти пока не удалось.

Прокофьев был инициатором издания ненецкой письменности на латинской графической основе, что спустя три года после выхода букваря было признано президиумом ЦИК ошибкой. («Букварь» профессора В. Г. Богораза для туземных школ был на основе русского алфавита)

Прокофьева наказали, отстранив от работы на 5 месяцев, и ему вновь пришлось доказывать свою научную состоятельность. Благо, что рядом были друзья, которые официально подтвердили: «Г. Н. Прокофьев является не только самым крупным работником СССР в области изучения языка и быта самодийских народов, но также одним из наиболее крупных представителей отрасли знания в Европе»³.

Директор академического института этнографии академик В. В. Струве, считавший Прокофьева «крупным специалистом» поручил ему заведование кабинетом Сибири в институте. Именно с этим учреждением были связаны последние годы его научной деятельности.

Каковы же особенности Прокофьева-педагога? Почему мы до сих пор обращаемся к методическим и учебным пособиям этого исследователя? Хотя ведь Георгий Николаевич Прокофьев **педагогического** образования он не имел.

Одним из главных **педагогических** принципов Г. Н. Прокофьева была деликатность, которая сказывалась во всем: в уважительном отношении к национальным особенностям учеников, постоянном учете этой специфики, внимания к тем сложностям, с которыми сталкивался впервые севший за парту абориген.

Прокофьев тесно увязывал свои **педагогические** задачи с требованиями повседневной практики коренных жителей Севера. Он в программу ставил 4 часа занятий проблемами ежедневно. Дети учились ставить *пасты* на пес-

цов, *черканы* на горностая и *силья* на куропаток. Георгий Николаевич твердо придерживался принципов, что промысел ненца – это **великая и сложная** наука, обучаться которой должны с раннего детства так же упорно и длительно, как обучаются грамоте.

Позднее его жена Екатерина Дмитриевна скажет: «Он искал истоки мышления в первобытности и пришел к языку». А при обучении грамоте он исходил из того, **как** мыслят дети, на основе анализа особенностей самодийского языка. И только анализируя **нюансы построения слова**, ему удалось найти ключ к правильной постановке обучения ненцев и созданию первого «Букваря», вышедшего в свет в 1932 году. Эта книга называлась «Едей вада» – «Новое слово» и была издана на серой бумаге, но иллюстрации к ней рисовал сам Г. Н. Прокофьев, ведь еще в 1921 году он был приглашен художником – акварелистом в Северную научно-промысловую экспедицию в низовья Оби. На обложке – обрамленный северным орнаментом рисунок, где изображены островерхие чумы, рыбаки на берегу, лодки на реке. Многие картинки в книге строго графичны и по-детски просты. Автору необходимо было донести до своих юных читателей многие понятия, которые были обыденными: хлеб, лен. Еще труднее было перевести такие слова, как «голосование», «большевик». Но при переводах Прокофьев не подлаживался под детей, он строго учитывал грамматическую систему их родного языка, рассчитывая на воображение.

«Букварь» Г. Н. Прокофьева 1932 года был признан одним из лучших. Это ли не высочайшая оценка деятельности создателя ненецкого букваря!

³ Омельчук А.К. «Юро» Прокофьев // Север. 1981. №7. С.107

М. Д. Люблинская

ПЕРВЫЙ УЧЕНИК

Речь пойдет о Григории Давыдовиче Вербове, человеке яркой и необычной судьбы, вся жизнь которого была связана с историей, этнографией и языком ненецкого народа. 11 июня 2004-го ученому, этнографу, одному из создателей ненецкой письменности исполнилось бы 95 лет.

Григорий Давыдович родился в 1909 году. Его отец работал в земстве, затем был коммивояжером. Освоив радиодело, он в 1924 году командовал полярной станцией на о. Новая Земля. Григорий в те годы учился в Тенишевском училище, где посещал кружок естественных наук, увлекался книгами о Севере. В 1925 году, во время каникул, он совершает переход от Архангельска до островов Новой Земли как член команды на пароходе «Русанов», чтобы снять отца с зимовки. Григорий работал в команде матросом. После этого Григорий Давыдович поступает в Институт Народов Севера, но, поскольку там не читали курс этнографии, через два года он переводится на этнографическое отделение ЛГУ. Здесь он встречается с Георгием Николаевичем Прокофьевым, что определило его будущую специализацию: самоедология. Все последующие экспедиции, научные и исследовательские мероприятия Григория Давыдовича проходят под направляющим руководством Прокофьева.

Так Прокофьев организует студенту командировку Комитета Севера в Большеземельскую тундру. 21 декабря 1930 г. НКВД РСФСР утвердил положения о районных краеведческих бюро. Вербов дополнительно входит в состав бюро и отвечает за создание краеведческой ячейки в п. Оксина. В 30–31 гг. Григорий Давыдович кочует с Красным чумом по Большеземельской тундре, овладевает разговорным ненецким языком. В 1931 г. возвращается в Ленинград всего на несколько недель, чтобы защитить ди-

пломный проект, и опять едет в Большеземельскую тундру, в новооснованную столицу только что организованного Ненецкого национального округа – Нарьян-Мар. Под Нарьян-Маром, в п. Оксина создан Педагогический техникум для подготовки национальных кадров, и Вербов берет на себя заведование учебной частью педагогического техникума, и преподавание тундровикам их родного языка. Григорий Давыдович активно переписывается с Прокофьевым: советы практика очень нужны ученому при создании первого ненецкого букваря.

В Ленинград Вербов возвращается осенью 1932 года для поступления в аспирантуру научно-исследовательской ассоциации ИНСа, успешно сдает вступительный экзамен и становится единственным аспирантом по самоедологии у единственного руководителя-самоедолога. Выбирается тема работы: «Диалект лесных ненцев». Об этнической и языковой принадлежности пняхасаво, лесных ненцев тогда в науке не было достоверных фактов. Вербов берёт все имеющиеся на тот момент материалы: описания первопроходцев XVII века, в «Книге большому чертежу 1627 г.» [СПб, 1838], отметившие существование группы лесных ненцев среди племён Российского государства; доступные записи М. А. Кастрена, определившего язык лесных ненцев как возможное промежуточное звено между кочующими на Севере, у Ледовитого океана самоедами (тундровыми ненцами, по замечанию Вербова) и южными, алтайскими [М. А. Castren. – Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. Bearbeitet von A. Schiefner. SPb. 1855]; мнение профессора астрономии Казанского университета А. И. Якобия, обнаружившего на берегах р. Надыма неведомое, особенное племя «нях-самар-ях», без комментариев изложенное в книге В. Бартенева «На крайнем Северо-Западе Сибири» [СПб, 1896]; заметки Бориса Житкова [Пов Ямал. СПб, 1913, с. 249–250] и Тойво Лехтисало

[T. Lehtisalo. Entwurf einer Mythologie der Jurak-Samojeden. MSFOu, LIII, Helsinki, 1924, S. 3–4], опровергавшие мнение Якобия. Изучаются работы финских учёных – К. Доннера, Т. Лехтисало, Х. Паасонена и других, написанные в конце XIX – начале XX веков. В советское время на местах основных поселений лесных ненцев, по рекам Аган и Пур, работала этнографическая экспедиция Р. П. Митусовой от Государственного музея Этнографии, краткие сведения о которой были опубликованы в сборнике Государственного Русского Музея «Этнографические экспедиции 1924–25 гг.» [Л., 1926, с. 79–81]. Также в эти места была направлена экспедиция Академии наук и Географического общества. Её руководитель, геоботаник Б. Н. Городков, описал обычаи, промыслы, занятия лесного народа в статье «Краткий очерк населения Крайнего Северо-востока Западной Сибири [Известия РГО, т. VIII, вып. 2, 1926], не делая поспешных выводов. Выводы предстояло сделать Вербову. В 1934 году он командирован в пуровскую тайгу Комитетом нового алфавита народов Севера, действовавшему при Всесоюзном ЦК нового алфавита, который работал совместно с Научно-исследовательской ассоциацией ИНС. Необходимо было выяснить, сколь велики различия лесного и тундрового диалектов ненецкого языка, нужен ли лесному диалекту отдельный алфавит. В той экспедиции Вербову удалось попасть лишь к ненцам, проживающим на берегах р. Аган. К лесным ненцам р. Пур он попал только два года спустя, а между экспедициями работал со студентом ИНСа, лесным ненцем Лядом Айваседа. Этнографический очерк «Лесные ненцы» был опубликован в 1936 г. в журнале «Этнография» №2.

Написанная в результате такой большой работы кандидатская диссертация Вербова, несмотря на чисто лингвистическое название, представляет собой небольшое энциклопедическое описание лесных ненцев: даёт максимально

подробное на то время, этнографическое описание народа, его социальной структуры, истории, отношений с соседними племенами тундровых ненцев и ханты; «лингвистическая часть» работы охватывает фонетику, морфологию и синтаксис, даёт краткую характеристику лексики [Вербов 1973]. При сопоставлении языка лесных ненцев с соседними языками, Вербов отчасти также привлек в диссертации доступные на тот момент сведения о камасинском языке (сведения о последних живых камасинских семьях из с. Абалаково, южнее г. Красноярска, стали известны позднее). Сопоставление показало, что по ряду признаков «диалект лесных ненцев (в отличие от диалекта тундровых ненцев) может быть сближен 1) с языками нганасанским и энецким, 2) с хантыйским языком». Объяснение этому Вербов видел в обособлении друг от друга двух частей ненецкого племени при продвижении из таёжной полосы на север, к берегам полярного моря: ... одна, которая осталась жить в северной полосе тайги в междуречье Оби и Таза, другая же ушла в тундру и, постепенно, заняла всю обширную территорию между восточным берегом белого моря на западе и нижним течением Енисея на востоке. Группа ненцев, оставшаяся в таёжной зоне, на освоенной ранее территории, в привычной обстановке, не включившая новые аборигенные племена, как бы «законсервировалась», сохранив до настоящего времени многие архаичные языковые особенности и черты материального производства. При этом прослеженные связи между лесными и тундровыми ненцами по линии общности их родового состава и взаимных брачных отношений свидетельствуют об общем происхождении лесных и тундровых ненцев. С другой стороны, отмеченные брачные отношения у лесных ненцев и ханты, дают возможность понять те сдвиги, которые произошли в диалекте лесных ненцев в направлении, сближающем его в целом ряде отношений с хантыйским языком [Вербов 1973, с.

161–167]. Изучая обычаи пянхасово, исследователь как-бы получает возможность рассмотреть определенный этап ненецкой истории, когда продвигающиеся на север самодийцы достигли пространств в Среднем Приобье: архаичное хозяйство лесных ненцев зафиксировало эту эпоху развития ненецкого этноса. Свою диссертацию «Лесные ненцы» учёный блестяще защитил в НИИ ИНСа, она была опубликована под названием «Лесной диалект ненецкого языка» только в 1973 г. в Новосибирске [Самодийский сборник. Новосибирск. с. 4–190].

После защиты, согласно требованиям времени, этнограф должен был стать просветителем-практиком. Ещё учась в аспирантуре, Вербов преподавал ненецкий язык в ИНСе, потом в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена. Оригинал его автобиографии хранится в его личном деле в архиве Российского государственного педагогического университета. После защиты диссертации в 1935 году он был командирован Комитетом нового алфавита в г. Салехард в качестве учёного секретаря Ямальского окружного комитета нового алфавита. К тому времени Григорий Давыдович приобрёл значительный опыт, помогая Г. Н. Прокофьеву в создании книг и пособий на ненецком языке: перевёл учебник арифметики для 2 класса, написал брошюру «Красный чум» и перевёл её на ненецкий вместе со студентом ИНСа Николаем Собриным, с ним же вместе перевёл детскую книжку Е. Чарушина «Звери жарких стран», вместе с Г. Н. Прокофьевым отредактировал книгу Я Кошелева «Оленеводческий совхоз» в переводе того же Н. Собрина. Эти книги шли в тундру, партийным и советским работникам, в школы и национальные интернаты.

Два года (с 1935 по 1937) находясь на Ямале, Г. Д. Вербов много путешествовал, он сумел объездить практически весь Ямальский округ. Документов об этих годах не сохра-

нилось, только пачка фотографий в архиве Института этнографии в С-Петербурге, по которым прослеживается маршрут его экспедиций: Катравож – Кутопьюган – Яр-Сале – Хальмерседе. Вербов продолжает собирать материал. Часть собранных материалов удаётся опубликовать прямо на месте, в 1937 году в Салехарде выходят две книги: сборник «Ненецкие сказки и былины (из ненецкого фольклора)», содержащий несколько сказок на русском языке в переводе исследователя, и «Краткий ненецко-русский и русско-ненецкий словарь» – первый ненецкий словарь для практического применения, на кириллической основе. Сказки ему помогали собирать тазовский комсомолец Кагали Ненянг, заместитель секретаря Надымского райкома ВКП(б), позднее первый депутат Ямала в Верховном Совете СССР Николай Няруй, председатель Тамбейского кочевого Совета Пирчи Окатэтто. В Салехарде Вербов много работал с Петром Ефимовичем Хатанзеевым, помогавшим ему в переводе и толковании хантыйских фамилий и названий. «Ненецкие сказки и былины» – одна из первых публикаций ненецкого фольклора на русском языке. Всего за год до неё, в 1936 г., вышла монография В. Тонкова «Ненецкие сказки». В сборник Вербова вошли сделанные им переводы подлинных фольклорных текстов, записанных на ненецком языке от ямальских, надымских, тазовских ненцев в 1936–37 г.г. в Ямальском национальном округе. Заканчивается книжка призывом: «Ямало-ненецкий окружной комитет нового алфавита обращается ко всем товарищам, работающим среди ненцев, с просьбой принять участие в сборе материалов по ненецкому фольклору (на ненецком языке и в переводах). Наиболее ценные и тщательно записанные материалы будут опубликованы.»

При составлении словаря у Вербова тоже было много помощников, которым он выражает большую благодарность в предисловии: Н. М. Собрин, Н. Няч, И. Ф. Нохо,

Н. Салиндер, научный сотрудник Салехардской зональной сельскохозяйственной станции Перелешин и директор Салехардского Ветбакинститута Ревнивых. В дополнение к опросу информантов Григорий Давыдович пользовался старыми научными словарями Кастрена [M. A. Castren *Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen*. Bearbeitet von A. Schiffner. SPb, 1855], А. А. Дунина-Горкавича [Русско-остяцко-самоедский словарь наиболее употребительных слов. Тобольск, 1910]. Также он использовал уже существовавшие к этому времени рукописи практических словарей Г. Д. Прокофьева (1930 года) и А.И.Рожина (1936 года), составленные на латинской основе.

Вернувшись в Ленинград, Вербов был принят научным сотрудником в Институт этнографии, где работал вместе с Г. Н. Прокофьевым в кабинете Сибири. Уже в 1938 году он был утверждён старшим научным сотрудником. В 1939 году публикуется его статья «Пережитки родового строя у ненцев» [*«Этнография»* №2, с. 43–66]. Он проанализировал сведения по запутанным вопросам родового и фратриального деления, собранные у ненцев Ямала, Гыдана, Тазовского полуострова и большеземельской тундры, у лесных ненцев, исследовал институт экзогамии. В результате он насчитал около девяти десятков ненецких родов, образовавшихся в результате деления когда-то немногих родов, обнаружил «переходные» ненецко-хантыйские роды, сформировавшиеся от скрещения двух племён, выделил «родовые законы». В 1938–39 гг. Григорий Давыдович по заданию института едет в экспедицию для изучения ненцев по маршруту Пясины – Гыданский п-ов – р. Таз – Надым – Салехард – Полярный Урал – Большеземельская тундра – Малоземельская тундра – Тиманская тундра – Канинская тундра. После блестяще проведённой экспедиции он стал действительным членом Всесоюзного Географического

общества. Вербов продолжал читать лекции в университете, перевёл повести первого ненецкого прозаика Николая Вылки «На острове» и «Марья», пьесу первого ненецкого драматурга Ивана Нохо «Шаман», анализировал собранные материалы.

Два семестра Вербов вел спецкурс ненецкого языка и практические занятия для студентов этнофакультета в университете. Его последователями стали этнограф Людмила Васильевна Хомич, автор популярной, на сегодня многократно переизданной монографии «Ненцы», Антонина Васильевна Алмазова, заведовавшая северной редакцией в Учпедгизе, составитель «Самоучителя ненецкого языка», который сегодня, к сожалению, практически невозможно найти. В это же время Георгий Давыдович подготовил к изданию «Материалы по этнографии Сибири XVIII в.» В. Ф. Зуева, участника экспедиции Палласа. Зуев в 1771–1772 годах обследовал полуостров Ямал и проживающие на нём «остяцкий, самоедский и вогульский» народы. Его этнографические отчеты, отосланные самому Палласу, частично были включены в 3 том «Описание Российского государства». Вербов полностью собрал и отредактировал две работы Зуева: «Описание живущих в сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов» и «Об оленях». Изданы они были уже после войны, в 1947 г.

В феврале 1941 года на заседании отделения истории географических знаний Всесоюзного географического общества Григорий Давыдович выступает с докладом «О древней Монгазее и расселении некоторых самоедских племён до XVII века» [*Известия РГО* №5, 1943]. В архивных материалах «Сказания о Сибирском царстве», относящегося к тому XVII веку, в трудах Герарда Миллера и Иоганна Фишера, написанных уже позднее, в середине XVIII века, Вербов находит упоминание о роде «мокасе», прожи-

вающем в «Самоядской земле». Название «мокасе» он определяет как искаженное «монкаси (могдади)», название одного из трех родов самодийского народа «энцев». В Сибирском атласе Дженкинсона 1562 года издания отмечена территория «Малганзея», и восточнее её – земля «Байда», которые можно расшифровать как «Монкаси я» и «Бай я (дя)», что значит «земля Монкаси» и «земля Бай». На основе этих данных Г.Д. делает вывод, что местность в районе среднего течения реки Таз и, возможно, юго-восточная часть Гыданской тундры, была заселена ещё в XV веке энецким племенем «монкаси». Название её, Монкасия – «земля Монкаси», было использовано для нового государственного острога, первые венцы которого служилый казачий люд срубил ещё в 1600 году. Ещё в те годы племя энцев было многочисленней и воинственней, объявляло войну соседям – ненцам и селькупам. Со временем соседи отогнали прежде воинственное племя дальше на Север, к Енисею. В совпадении некоторых фамилий енисейских энцев и тазовских селькупов Вербов увидел доказательство того, что часть энцев не ушла на Север, но осталась в тайге, постепенно смешавшись с селькупам. Вербов не только обосновал свою версию, но собрал богатейший материал по обычаям, мировоззрению энцев. (К сожалению, большая часть материалов, собранных Г. Д. Вербовым, осталась достоянием архива Академии Наук, лишь отдельные записи были позднее опубликованы Е. Д. Прокофьевой [Материалы по религиозным представлениям энцев. Сборник МАЭ, т. 14, 1953, с. 194–230] и Л. В. Хомич [Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.-Л. Наука. 1966]).

Летом того же 1941 г. через 12 дней после начала войны, Григорий Давыдович добровольцем пошёл на фронт. Даже на фронте был озабочен своей работой, просил в письмах сестру узнать судьбу корректуры ненецких загадок, перевода и редактуры ненецкого фольклора А. Тайба-

рея, сданных в издательство. Очень интересовался положением и состоянием своих полевых бумаг. Получив на фронте известие о смерти Прокофьева, писал своей бывшей студентке: «Осиротела наша отрасль науки. Много нужно работать, чтоб восполнить образовавшуюся брешь». В июле 1942 года Григорий Давыдович был убит во время артобстрела. Незадолго до своей смерти Григорий Давыдович стал кандидатом в члены партии большевиков. Похоронен в братской могиле на станции Понтонная Ленинградской области.

Работы Г. Д. Вербова

– Что такое «Красный чум» (на ненэцком языке). Партиздат. 1932.

– Лесные ненцы – Советская этнография 1936, №2, с. 57 – 70.

– Ненецкие былины и сказки. Салехард. 1937.

– Краткий русско-ненецкий словарь. Салехард. 1937.

– Пережитки родового строя у ненцев – Советская этнография, 1939, с. 43 – 66.

– О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племён до XVII века. – Известия Географического общества, 1943, №5.

– Лесной диалект ненецкого языка. – Самодийский сборник, Новосибирск, 1973, с. 4–190.

Автор выражает благодарность М. Я. Бармич, предоставившую ценный источник информации – экземпляр книги салехардского журналиста А. К. Омельчука «Рыцари Севера».

Е. Т. Пушкарева

ЯЗЫК НЕНЕЦКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ
(к вопросу о конструкциях с идиомой
хара вуни таня)

Языку фольклорных текстов посвящены некоторые работы¹. Исследованием поэтики некоторых жанров занимался и автор статьи².

В настоящем докладе мне хочется остановиться на стяжении повествования, которое, на мой взгляд, является противоположностью ретардации. Оно заключается в умолчании – нераскрытии некоторых действий в повествовании. В языковом отношении они представлены следующими формулами (список открыт).

Нгэсу'махананда хара вуни тане'. (Когда останавливались, ничего не происходило.) [ЭПН, с. 70 – ненецкий текст, с. 88 – перевод. – Е.П.].

Тикы таньрманда вадам' ниде хомбю'. (Во время езды ничего не случилось.) [ЭПН, с. 72, с. 90].

¹ Куприянова З. Н. Основные жанры ненецкого (юрако-самоедского) фольклора. Автореф. дис. канд. филол. наук. // Вестник ЛГУ. 1947. Она же. Ненецкий фольклор. Л., 1960. Она же. Введение // Эпические песни ненцев. М., 1965, 7–56; Терещенко Н. М. О некоторых особенностях языка фольклора ненцев // Советское финно-угроведение. 1980, № 1, с. 41–46, Она же. Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. Л., 1990; Хелимский Е. А. Глубинно-фонологический изосиллабизм ненецкого стиха // JSEOU, 82. Helsinki, 1989, p. 223–268.

² Пушкарева Е. Т. Ненецкий миф-сказка – образец ранних поэтических форм // Фольклор и этнография народов Севера. СПб., 1992, с. 44–72, Она же. Поэтика ненецких песен-хынабцев // Пушкарева Е.Т. Ненецкие песни-хынабцы. М., 2000, с. 108–156, Она же. Слово-Вада как эманация Вселенной в фольклоре и традиционных представлениях ненцев // Пушкарева Е. Т. Картина мира в фольклоре и традиционных представлениях ненцев: системно-феноменологический анализ. Дис. ист. наук. Спец. 07.00.07 – этнография, этнология и антропология. М., 2003, с. 158–237.

Нгавормахананда хара вуни тане'. (Пока ел, ничего не случилось.) [ЭПН, с. 72, с. 90]

Тикавахана ниавор'махананди' хара вуни тане'. *Хуркаси' хараси' ти хонэяха'*. (Тогда за едой ничего не случилось. Вот без всяких происшествий легли спать.) [ЭПН, с. 116, с. 143]

Мядо' мярвана' хара вани тане'. *Пи' сегвана хара вани тане'*. (Пока мы ставили чумы, ничего не произошло) [ЭПН, с. 353, с. 365]

Мякан эдалэюв'. *Хара вани тане'*. (Я поехал в чум. Ничего не произошло.) [ЭПН, с. 354, с. 366]

Пи сегава, хара вани таня'. (Мы переночевали ночь, ничего не произошло) [ЭПН, с. 355, с. 367]

Миредавна миредо' ханидо' хана. Тикэнада вада хара ягу. (Приезжавшие за приданым увезли приданое. Тут ничего не произошло.) [ЭПН, с. 355, с. 367]

Мюсеванн' харав' ягу. (Мы спокойно кочуем) [ЭПН, с. 379,393]

Яхаваханандж' хара вуни таня. (О том, как свежевали, говорить не стоит.) [НЭ, Нароя нюдя ню, 65]

Нгамгэмда харамда ваде' ливнава'? (Что же буду рассказывать?) [НЭ, Нароя нюдя ню, 222]

Нгобтики вада – мань ва'авдани недко папандо ва'авм' тангумдавэ. (То же самое (букв. те же слова) – в качестве моего спального места они освободили постель своей младшей сестры) [НЭ, Нароя нюдя ню, 260]

Сок пябти' нгобтики вада. (Когда начинают шить совики, то тоже самое (букв.: те же слова) [НЭ, Сиднет Яр-ко, 16].

Мюсевахадж' хара вуни таня. (О том, как они кочуют, говорить не стоит) [НЭ, Сиднет Яр-ко, 54]

Хонёваханана' харан' юнгоось...(О том, как мы спали, говорить не стоит) [НЭ, Сэр я тэта, 23]

Нгамгэмда харамда ваде'ливнава'? (Что будем долго рассказывать?) [НЭ, Нароя нюдя ню, 368]

В синтаксическом отношении они сводятся к нескольким конструкциям, список которых также открыт.

Аа. Сок пябти нгобтики вада.

Аб. Нгобтики вада : ниданда нгамдэ нгаворць пяда.

Б. Мюсеваханандо хара вуни тая.

В. Хонёваханана харана янгось...

Г. Нгамгэмда харамда ваде ливнава ?

Д. Тикэнада вада хара ягу.

Как уже успели заметить, умолчанию подлежат общеизвестные действия при отсутствии экстраординарных событий. В связи с этим возникает вопрос семантической интерпретации этих конструкций: или их умолчание связано со спокойной счастливой жизнью, что демонстрируют переводы Зинаиды Николаевны Куприяновой, или же эти факты недостойны описания в виду их прозаичности, что вытекает, на мой взгляд, из переводов Наталии Митрофановны Терещенко.

Над всеми этими вопросами автор продолжит работу.

СОКРАЩЕНИЯ

НЭ – Терещенко Н.М. Ненецкий эпос.

ЭПН – Эпические песни ненцев.

А. А. Бурькин

СУДЬБА РУКОПИСНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ФОЛЬКЛОРУ ЭВЕНОВ В ЗАПИСЯХ Н.П.ТКАЧИКА (1906-1944)

Этого быть не может. Рукописи не горят.
М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, гл. 24

Нет нужды говорить о том, какой урон науке о языках, фольклоре и этнографии малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России нанесли два драматических события конца 1930-х и первой половины 1940-х годов – сталинско-ежовско-бериевские репрессии и Великая Отечественная война. Лучшие силы младшего и среднего поколений погибли.

Судьба каждого из тех, кто пережил время арестов и приговоров, кто встретил начало войны, кто дожил до Победы или не дожил до нее, может составить сюжет книги, и подавляющее большинство таких статей и книг еще не написаны. Научные биографии лингвистов и этнографов-сибиреведов, ставших современниками грозных военных лет, еще не написаны, но на основании сплошного просмотра библиотечных каталогов и библиографий учебных пособий по языкам народов Севера, где перечислены авторы, составляется список персоналий.

Особенно не везет в истории науки тем исследователям и собирателям, кто не успел до внезапно наступившего военного лихолетья полностью раскрыть свое дарование, не успел получить ученую степень или опубликовать скольконибудь значительное количество научных работ. Если библиографические справочники еще включают какое-то количество материалов о жизни и деятельности именитых ученых-сибиреведов, то мы не можем сказать этого о студентах Института народов Севера, приехавших в Ленинград в 1938–1940 годах и не окончивших курса учебы, об

аспирантах ИНСа, об учителях, работавших на Севере в трудные военные годы, об авторах учебных пособий для начальной школы, о редакторах Учпедгиза, тех, без кого был немыслим выпуск учебной литературы и научных трудов по языкам народов Севера. Мы многое знаем о студентах и выпускниках ИНСа А. П. Пырерке, М. Вукволе, К. Панкове, о лингвистах и этнографах С. Н. Стебницком, Г. М. Корсакове, Г. И. Мельникове, но до сих пор почти ничего не сказано, а, следовательно, и неизвестно большинству специалистов о таких ученых, педагогах и практических работниках, как А. Р. Беспаленко, Л. В. Соболевский, Я. Т. Торгашин и многих других.

Один из тех, кто до обидного мало известен и чье наследие до сих пор не оценено по достоинству – это Николай Прокопьевич Ткачик (1905–1944), один из первых учителей эвенских школ, прекрасный знаток эвенского языка, одаренный и успешно работавший собиратель эвенского фольклора. В нынешнем году должно отмечаться 100-летие со дня его рождения – таким образом, у нас есть еще один повод, чтобы дать краткую характеристику его научного наследия.

Мы можем не останавливаться подробно на биографии Н. П. Ткачика, поскольку она уже была освещена в отдельной публикации и в предисловии к изданию записанных им эпических сказаний охотских эвенков¹. Н. П. Ткачик был первым учителем эвенского языка в школе эвенского поселка Арка Охотского района Хабаровского края, где он начал работать в конце 1920-х годов, и продолжил свою деятельность в этой же школе во второй половине 1930-х годов. Великая отечественная война застала его в Ленин-

¹ Фетисов А. П. 1) Друг эвенков // Дальневосточные путешествия и приключения. Вып. 6. Хабаровск, 1975. С. 274–279; 2) О Н. П. Ткачике (1905–1944) // Эпос охотских эвенков. В записях Н. П. Ткачика. Якутск, 1986. С. 296–302.

граде, где он провел блокадную зиму 1941–1942 годов. Весной 1942 года он был эвакуирован и выехал на юг, где вскоре оказался в оккупации. После освобождения в 1944 году он получил возможность вернуться к своей любимой работе – преподаванию эвенского языка и отправился в Хабаровский край, в Арку, но скончался после перенесенных лишений и болезни летом 1944 года в Николаевске-на-Амуре, где он находился в ожидании парохода на Охотск².

Насколько мы знаем, Н. П. Ткачик за сравнительно короткое время в совершенстве овладел эвенским языком³ и собирал материалы по языку и фольклору эвенков до конца 30-х годов. Материалы, относящиеся к первому периоду работы собирателя среди эвенков, нам неизвестны. Все доступные нам тексты, записанные Н. П. Ткачиком, датируются 1937–1938 годами. Похоже, что Н. П. Ткачик в этот период был сосредоточен в основном на практическом изучении эвенского языка, без чего немыслима серьезная научная работа с любыми языками. Одновременно с этим он записывал образцы эвенского фольклора и занимался составлением новых учебников эвенского языка для начальной школы, которые относились уже ко второму поколению школьных учебников эвенского языка и являли собой значительный шаг вперед по сравнению с учебниками, изданными в 1932–1937 гг. Первые учебники эвенского язы-

² Последними из коллег-тунгусоведов, кто встречался с Н. П. Ткачиком, были В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева, которые в это время находились на работе в Николаевске-на-Амуре (Устное сообщение Е. П. Лебедевой).

³ О том, что Н. П. Ткачик в совершенстве владел эвенским языком, нам рассказывал в 1987 году Константин Николаевич Слепцов, 1920 года рождения, житель пос. Арка, один из учеников Н. П. Ткачика, и в 1997 г. Борис Липманович Кронгауз, один из его коллег. Кроме свидетельств тех, кто знал Н. П. Ткачика, это подтверждается высоким качеством записей эвенских фольклорных текстов и большой точностью русского перевода их в сочетании с литературными достоинствами.

ка, большинство из которых было составлено В. И. Левиным (1902–1937), были весьма совершенными, но основывались на латинской графике. Кроме того, необходимость их замены диктовала и судьба их автора, ставшего жертвой репрессий 1937 г.

Как это ни досадно, но Н. П. Ткачик при жизни не успел опубликовать ни одной научной работы – по крайней мере его публикации нам неизвестны. Его научно-педагогическое наследие и собрание образцов эвенского фольклора – это два учебника эвенского языка для начальной школы, один из которых был издан после смерти автора, в 1948 году, и печатное издание трех эвенских эпических сказаний.

В учебнике эвенского языка для 1–2 классов, выпущенном Учпедгизом в 1941 г., напечатаны полностью или в отрывках тексты 4 эвенских сказок – отрывок сказки «Дэбрикэн-Кобрикан», фрагмент сказки о волшебном помощнике, собранном из посуды, и полные тексты двух сказок «Утка и месяц» и «Лиса и медведь»⁴. Текст последней сказки очень близок к тексту сказки «Лиса и медведь», публиковавшемуся в двух сборниках эвенского фольклора, составленных К. А. Новиковой⁵, однако при сравнении их трудно сделать однозначный вывод, является ли последний текст перепечаткой текста, записанного Н. П. Ткачиком,

⁴ Н. П. Ткачик. Учебник родного (эвенского) языка. Грамматика и правописание. Часть первая. Для 1 и 2 классов начальной эвенской (ламутской) школы. Л., 1941; Он же. Перевод учебника эвенского языка. Для 1 и 2 классов начальной школы. Л., 1941. Сказка «Дэбрикэн-Кобрикан» (отрывок) – с. 42 (перевод с. 16), сказка (о волшебном помощнике) – с. 44 (перевод с. 16), сказка «Утка и месяц» – с. 121 (перевод с. 55); вошла в книгу для чтения для 1 класса К. А. Новиковой (Л., 1947. С. 80–81 – без двух последних фраз); сказка «Лиса и медведь» – с. 135–136 (перевод с. 64).

⁵ Эвенский фольклор / Сост. К. А. Новикова. Магадан, 1958. С. 29–30; Эвенские сказки, предания и легенды / Сост. К. А. Новикова. Магадан, 1987. С. 7–8.

отдельным вариантом той же сказки или повторной записью той же сказки, воспроизведенной по тексту, опубликованному в учебнике⁶.

В «Книге для чтения по эвенскому языку» для 3 класса, изданной уже после смерти составителя, в 1948 г.⁷, помещены 4 сказки: «Жадный глухарь», «Куропаточка-крикунья», «Лиса» (лиса крадет сало с нарта), и «Тонголрукан и Нгивэни». Принадлежность последнего текста Н. П. Ткачику не бесспорна: в работе над данной книгой принимал участие эвен Г. Ф. Семенов – поэт, переводчик, знаток эвенского фольклора, от которого записывала сказки К. А. Новикова. В языке этой сказки присутствуют черты ольского говора, а перевод ее, в отличие от других записей Н. П. Ткачика, несколько раз издавался позднее с самыми различными выходными данными⁸, в которых имя

⁶ О том, что в паспортных данных к образцам эвенского фольклора почти во всех сборниках, вышедших в 1950–1980-е годы и составлявшихся самыми разными издателями, наблюдается невероятная путаница и немотивированные разноречия, а обнаружение печатных текстов на эвенском языке в корне меняет представление о том, когда и кем тот или иной текст был впервые опубликован, см.: А. А. Бурякин. К истории изучения и публикации сказочного и песенного фольклора эвенов // *Remota relata. Essays on the History of Oriental Studies in Honour of Harry Halen*. Edited by Juha Janhunen and Asko Parpola (Studia Orientalia, 97) Helsinki, 2003. P. 1–12.

⁷ Н. П. Ткачик. Книга для чтения. Для 3 класса эвенской (ламутской) начальной школы. Л., 1948; Он же. Перевод книги для чтения для 3 класса эвенской (ламутской) начальной школы. Л., 1948. Сказка «Жадный глухарь» – с. 46–48 (перевод с. 36–37), сказка «Куропаточка-крикунья» – с. 52–54 (перевод с. 40–41), сказка «Лиса» – с. 67–69 (перевод с. 52–54), сказка «Тонголрукан и Нгивэни» – с. 79–81 (перевод с. 63–65).

⁸ Русский перевод этого текста был опубликован в кн.: Творчество народов Дальнего Севера. Магадан, 1958. С. 159–162; Сказки народов Севера, Л., 1959. С. 277–280. В обоих названных изданиях указывается, что текст записан от И. С. Гераула, с. Камешки Северо-Эвенского района Магаданской области в 1956 г. (во втором сборнике фамилия ис-

Н. П. Ткачика по странным причинам никогда не фигурировало.

В названную книгу для чтения, изданную в 1948 г., вошли также два эвенских предания: «Торгани» (в книге опубликован отрывок текста, известного впоследствии под названием «Медведь») и «Женский ключик» – последний текст с подзаголовком «Рассказ старика»⁹. Рассказ «Смелый Унянга», который также был позднее отнесен к фольклорным записям Н. П. Ткачика, скорее всего, включен в корпус эвенского фольклора по какому-то недоразумению¹⁰.

полнителя искажена). Этот же текст с другим названием – «Умчени и Уиндя» помещен в кн.: Эвенские сказки, предания и легенды / Сост. К. А. Новикова. Магадан, 1987. С. 97–100 – с указанием: «Записала и перевела К. А. Новикова. Рассказал эвен И. В. Хабаров, сел. Сиглан Ольского района Хабаровского края, 1945 г.». В сборнике «Эвенский фольклор» 1958 г. этот текст отсутствует. Три его перепечатки имеют как минимум два варианта сведений об исполнителе и месте записи со ссылкой на К. А. Новикову как на собирателя, в то же время указания на то, что оригинал и перевод того же текста, но с другими именами, были опубликованы в 1948 г. под именем Н. П. Ткачика, в примечаниях к фольклорным сборникам полностью отсутствуют.

⁹ Н. П. Ткачик. Указ соч. С. 75–78. (перевод, с. 59–62), 144–145 (перевод, с. 113–114).

¹⁰ Рассказ «Смелый Унянга» напечатан в кн.: Н. П. Ткачик. Книга для чтения. Для 3 класса эвенской (ламутской) начальной школы. Л., 1948. С. 87–88; перевод – в кн.: Н. П. Ткачик. Перевод книги для чтения для 3 класса эвенской (ламутской) начальной школы. Л., 1948. С. 69–70. Однако в оглавлении отдельно изданного перевода (Указ. изд. С. 163) он подписан фамилией Г. Кутуров. Видимо, здесь имеет место опечатка, и имеется в виду Г. Кунгуров, автор ряда стилизаций на темы фольклора народов Сибири, входивших в учебники по родным языкам. Имена текста «Смелый Унянга» – не эвенские. Содержание текста не отвечает представлениям о сюжетах преданий народов Севера, оно излишне социологизировано, в нем присутствует тема классового конфликта, не характерная для эвенского фольклора. Казалось бы, указание на автора в русской версии учебника дает основание для исключения этого рассказа из собрания Н. П. Ткачика и из корпуса материалов

Помимо сказок и преданий, известных нам по учебникам, опубликованным с именем Н. П. Ткачика, в сборниках эвенского фольклора, составленных К. А. Новиковой напечатаны также следующие сказочные тексты, в примечаниях к которым отмечается, что они были записаны Н. П. Ткачиком. Это сказки «Медведь, россомаха и волк»¹¹, «Медвежонок» (исполнитель Д. Сторожев), «Глухарь и терев» (исполнитель неизвестен, вопреки отсылке в примечаниях, в книге для чтения 1948 г. данного текста нет); «Курлэни» (исполнитель Г. Громов), полный текст сказки «Дэбрикэн-Кобрикан» (исполнитель Г. Громов), а также полный текст мифологического рассказа «Медведь» (исполнитель Н. К. Дегтярев)¹². Записи сказочных текстов, сделанные Н. П. Ткачиком, представляют для нас особую ценность тем, что представляют нам собственно сказочную традицию аркинских эвенов, которая в силу специфической этнокультурной ситуации, в частности, вследствие тесных контактов с якутами и эвенками, уже в первой половине XX века находилась на грани утраты, в то время как традиция исполнения эпических сказаний у эвенов была более устойчивой.

Здесь мы можем отвлечься от нашей темы и вкратце оценить степень полноты наших представлений о фольклорных записях Н. П. Ткачика. Мы имеем в нашем распоряжении полные оригинальные эвенские тексты и перево-

по эвенскому фольклору. Тем не менее этот текст перепечатан в кн.: Эвенские сказки, предания и легенды / Сост. К. А. Новикова. Магадан, 1987. С. 111–112 – с указанием, что этот текст относится к записям Н. П. Ткачика (в примечаниях дана отсылка к преданию «Женский ключик», перепечатанному в том же издании (Эвенские сказки, предания и легенды. С. 100–101).

¹¹ Перевод этой сказки опубликован также в кн.: Сказки народов Севера. Л., 1959. С. 259–260.

¹² Эвенские сказки, предания и легенды / Сост. К. А. Новикова. Магадан, 1987. С. 26, 27, 35, 39–41, 38–39, 89–97.

ды сказок «Лиса и медведь» (по учебнику 1941 г.), «Жадный глухарь», «Куропаточка-крикунья», и «Лиса» (по учебнику 1948 г.). Часть текстов, записанных Н. П. Ткачиком, известна нам по опубликованным фрагментам эвенских оригиналов и полным русским переводам, которые выполнены по неизвестным для нас источникам. Так, мы имеем отрывки записей сказки «Дэбрикэн-Кобрикан» (по учебнику 1941 г.) и предания «Торгани» («Медведь») (по учебнику 1948 г.), полные русские переводы которых были опубликованы в сборниках К. А. Новиковой, отрывок оригинала и перевод этого отрывка сказки о волшебном помощнике (по учебнику 1941 г.), русские переводы сказок «Медведь, росомаха и волк», «Медвежонок», «Глухарь и тетерев», «Курлэни», причем три последних перевода публиковались всего однажды. Сказка «Утка и месяц», кстати, не имеющая вариантов в записях других собирателей эвенского фольклора, весьма сходна по содержанию с одной из буддийских притч и тем самым ее аутентичность по отношению к сюжетам эвенских сказок вызывает сомнения. Причем последний раз этот неизвестный нам ныне источник фольклорных материалов, записанных Н. П. Ткачиком, использовался в начале 1980-х годов, при подготовке второго сборника эвенского фольклора, составленного К. А. Новиковой и вышедшего в Магадане в 1987 году, спустя три года после ее кончины. Существенно, что данный источник содержал, очевидно, не только оригинальные эвенские тексты и их переводы, но и указания на исполнителей.

Что касается наиболее интересных и ценных образцов фольклора эвенков, которые были записаны Н. П. Ткачиком, то они ныне известны большинству исследователей-фольклористов отнюдь не в подлинных собирательских вариантах, а в не всегда добросовестных воспроизведениях.

Так, в сборнике «Легенды и мифы Севера», изданном в 1985 г.¹³, была помещена небольшая подборка образцов эвенского фольклора в русских переводах. В ней представлены 3 заклинания-благопожелания, 13 изречений-предписаний афористического характера и мифологический рассказ о медведе – тот самый, который известен нам по записи Н. П. Ткачика, и который был взят из сборника К. А. Новиковой, изданного в 1958 г.¹⁴ Полный эвенский оригинал этого рассказа, который является одним из лучших вариантов мифологических рассказов о медведе, бытующих у эвенков, видимо, утрачен¹⁵. Перевод этого рассказа на русский язык, который мы имеем основания считать принадлежащим собирателю, дважды публиковался К. А. Новиковой. Исследователи эвенского фольклора ныне могут пользоваться этим текстом в авторском переводе, изданном в 1987 г.¹⁶

Здесь уместно в первый раз обратиться к эпиграфу нашей работы – рукописи не горят, и не исчезают бесследно не только рукописи, но и корректуры неизданных книг. Несмотря на все драматические обстоятельства, часть

¹³ Легенды и мифы Севера / Сост. В. М. Санги. М., 1985. С. 200–212.

¹⁴ Эвенский фольклор / Сост. К. А. Новикова. Магадан, 1958. С. 89–98; См. также. Эвенские сказки, предания и легенды. / Сост. К. А. Новикова. Магадан, 1987. С. 89–97.

¹⁵ В начале 1980-х годов К. А. Новикова рассказывала, что в 1941 году эвенский текст этого рассказа должен был быть издан в виде книги с названием «Накат» («Медведь»), у нее хранилась корректура этого издания. Местонахождение ее в настоящее время неизвестно. В Магаданском областном краеведческом музее, где хранится часть архива К. А. Новиковой этот текст отсутствует, во всяком случае мы не нашли его в имеющемся в этом музее описании архива К. А. Новиковой.

¹⁶ К сожалению, издание 1985 г. уже было использовано при комментировании изданий образцов фольклора народов Дальнего Востока, см.: А. А. Бурыкин. <Рец на кн.:> Фольклор удэгейцев. Ниманку, тэ-лунгу, ехэ. Новосибирск, 1998 // Этнографическое обозрение, 2000, N 4. С. 159–163.

фольклорного собрания Н. П. Ткачика была издана по какому-то источнику. К большому сожалению, мы пока не можем проследить дальнейшую судьбу корректуры текста «Накат» («Медведь»), утрата которой лишила нас эвенского оригинала этого предания, и не можем установить источники тех эвенских сказок из записей Н. П. Ткачика, которые были опубликованы позднее К. А. Новиковой. Учитывая судьбу самого Н. П. Ткачика, надо считать большой удачей то, что рукопись учебника Н. П. Ткачика для 3 класса была кем-то бережно сохранена во время войны и увидела свет в 1948 году. Кстати, учебник Н. П. Ткачика был первой и последней книгой для чтения по эвенскому языку для 3 класса за долгие годы, поскольку следующий учебник эвенского языка для 3 класса был издан только 32 года спустя – в 1980 году¹⁷.

Самую значительную часть фольклорного собрания Н. П. Ткачика составляют записанные им в 1937–38 гг. образцы эвенских эпических сказаний, бытующие у аркинских эвенов и их ближайших соседей – эвенов Аллах-Юня (Якутия), где и родился информант Н. П. Ткачика, известный сказитель Н. Г. Мокроусов. Эти записи не только определили ведущее место Н. П. Ткачика среди собирателей устного народного творчества народов Севера, но и на несколько десятилетий определили сферу интересов специалистов по эвенскому фольклору и сформировали стратегии собирательской работы. Тексты трех эпических сказаний охотских эвенов, записанных в те годы Н. П. Ткачиком, были изданы в Якутске в 1986 г.¹⁸ Эти сказания представляют собой три объемных текста эвенских эпических сказаний «Дэлгэни», «Чибдэвэл», «Геакчавал». Помимо трех названных текстов, при характеристике материалов

¹⁷ А. А. Кейметинова, А. В. Кривошапкин. Мут торэнти. Учебник и книга для чтения в 3-м классе. Л., 1980.

¹⁸ Эпос охотских эвенов. В записях Н. П. Ткачика. Якутск, 1986.

Н. П. Ткачика иногда упоминается записанный им эпический текст «Хорэгэ», не имеющий конца¹⁹. О данном тексте больше ничего не известно.

Здесь мы опять должны вспомнить слова демонического героя булгаковского романа о том, что рукописи не горят, и сказать несколько слов об источниках, сохранивших для нас эти интересные образцы фольклора аркинских эвенов, ставшие одновременно и выдающимися памятниками собирательской и переводческой работы в области фольклора народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Публикация книги с эвенскими сказаниями, записанными Н. П. Ткачиком, была осуществлена на основе машинописного варианта этих текстов, которые хранились в архиве Якутского Научного Центра Сибирского Отделения АН СССР с рукописным предисловием, написанным Г. М. Василевич. Какие именно материалы послужили источником набело перепечатанных машинописных текстов, хранившихся в Архиве ЯНЦ СО АН СССР, остается неизвестным. Мы знаем, что в распоржении группы специалистов, работавших над составлением «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков», имелись тетради с рукописными материалами Н. П. Ткачика, которые служили источником лексики диалекта охотских эвенов²⁰. Правда, исследования второй половины 1980-х годов, а точнее, материалы, собранные автором во время экспедиции к эвенкам Охотского района в августе-сентябре 1987 г., когда были обследованы все поселки с эвенским населением – Арка,

¹⁹ См.: Лебедева Ж. К. История собирания и изучения эвенского фольклора после Октябрьской революции // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1980. С. 83, прим 12: написание «Норэгэ» – опечатка или ошибка транслитерации латинского шрифта со смешением сходных графических знаков – кириллического Х и латинского Н–h.

²⁰ Устное сообщение А. М. Певнова, сделанное им в начале 1980-х годов: пользуемся случаем выразить ему признательность.

Новая Иня и Вострецово, показали, что язык эвенских эпических сказаний, записанных Н. П. Ткачиком от Н. Г. Мокроусова, в полной мере не соответствует ни одному из эвенских говоров, представленных в этом районе, хотя и является весьма близким говору аллах-юньских эвенов, живущих ныне в пос. Арка, и диалекту ульинских эвенов²¹. Таким образом, эти записи, представляющие обособленную и, возможно, ныне не существующую территориальную форму эвенского языка, приобретают дополнительную ценность как уникальный лингвистический источник.

Однако издание эпических сказаний аркинских эвенов, осуществленное Ж. К. Лебедевой при участии В. Д. Лебедева²², в полной мере не может заменить ни архивных оригиналов, ни выполненных собирателем переводов. Графическая форма записи текстов, которой пользовался Н. П. Ткачик, соответствовала действовавшему в его время нормам эвенской графики и позволяла достаточно точно отражать диалектные особенности языка исполнителя. В печатном издании 1986 г. была применена транскрипция на основе якутского алфавита, планировавшаяся издателями для введения в качестве новой эвенской графики²³. При этом при перетранскрибировании текстов с той графики,

²¹ См. Бурькин А. А. 1) Лексические особенности диалектов и говоров эвенов Охотского района Хабаровского края // Лингвистические исследования 1988. Проблематика взаимодействия языковых уровней. М., 1988. С. 46–53; 2) Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолингвистические и собственно лингвистические проблемы (на материале эвенского языка). СПб., 2004. С. 74–76, 84.

²² Василий Дмитриевич Лебедев (1934–1982) – эвенский поэт, автор ряда сборников стихов, кандидат филологических наук, занимавшийся диалектологией эвенского языка и собиранием эвенского фольклора, супруг Ж. К. Лебедевой, ее главный консультант и помощник в вопросах записи и обработки фольклорных текстов на эвенском языке

²³ А. А. Бурькин. Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолингвистические и собственно лингвистические проблемы (на материале эвенского языка). СПб., 2004. С. 269–275.

которой пользовался собиратель, и которая сама по себе является достоянием истории науки (не говоря о том, что она читается едва ли не лучше, чем современная эвенская графика) на «новую» графику, представляющую собой несколько урезанный якутский алфавит, было допущено немало ошибок, а впоследствии, при издании книги – и множество опечаток. Вследствие всего этого оригинальный эвенский текст, опубликованный в таком виде, с трудом могут читать даже специалисты-лингвисты. Эвенские эпические сказания в записи «новой» графикой стали недоступны для аркинских эвенов, среди которых были люди, хорошо помнящие исполнителя этих сказаний Н. Г. Мокроусова.

К большой досаде, содержащийся в названном издании перевод эвенских эпических текстов на русский язык может рассматриваться и использоваться в лучшем случае как пересказ содержания эпических сказаний – в него внесены многочисленные поправки, сделанные в соответствии с представлениями и стилистическими вкусами публикаторов, причем эти исправления делались без сверки перевода с подлинником²⁴. При сравнении эвенского оригинала с архивным переводом Н. П. Ткачика становится ясным, что перевод собирателя является по существу безупречным. Он отличается не только большой точностью передачи оригинала, но и высокими художественными достоинствами.²⁵ В

²⁴ Нами была подготовлена специальная работа, в которой давался сравнительный анализ переводов Н. П. Ткачика и «редакции» перевода В. Д. Лебедева (А. А. Бурькин. Жанровый состав фольклора эвенов и его региональные варианты // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Сборник научных трудов. Т. 1. Якутск, 1991. С. 138–149), однако, она была опубликована в сокращенном виде, где цитаты из авторского перевода Н. П. Ткачика сняты.

²⁵ Об этом можно судить не только по архивным переводам эпических сказаний, которые в наши дни являются труднодоступными для иссле-

то же время внимательное изучение того перевода этих текстов, который имеется в печатном издании, показывает, что издатели материалов Н. П. Ткачика по существу правили стиль собирательского перевода в меру своих знаний в области русского языка. Если бы это издание редактировали такие специалисты по языкам и фольклору тунгусо-маньчжурских народов, как Г. М. Василевич или В. И. Цинциус²⁶, они, разумеется, опубликовали бы эти тексты с переводом собирателя. По названным выше причинам архивные материалы, содержащие подлинники записей Н. П. Ткачика или копии, сделанные непосредственно с них, не должны уходить из поля зрения специалистов по фольклору народов Сибири даже при наличии названного выше издания. Само же издание этих текстов, принятое в 1986 г., не может заменить архивных рукописей как в отношении графической передачи текста, так и в отношении выполненного собирателем перевода, который, вопреки предисловию к печатному изданию этих материалов²⁷, отличался незаурядными художественными достоинствами.

Насколько нам известно, материалы Н. П. Ткачика, по которым осуществлялось печатное их издание 1986 года, в архиве ЯНЦ СО РАН отсутствуют²⁸, и таким образом, исследователи потеряли шанс и оценить по достоинству ра-

дователей, но и по имеющимся в нашем распоряжении опубликованным переводам текстов в записях Н. П. Ткачика.

²⁶ Имя В. И. Цинциус было поставлено в качестве главного редактора этого издания публикаторами после ее кончины, на самом деле В. И. Цинциус даже не была в курсе подготовки данного издания.

²⁷ Эпос охотских эвенов. С. 3–6.

²⁸ Н. А. Алексеев, ныне – главный редактор серии «Памятники фольклора народов Сибири и дальнего Востока», в ноябре 2003 г. сообщил автору данной работы, что сейчас эти материалы находятся в одном частном собрании и редколлегия будет вынуждена выкупить их у новых владельцев за большую сумму. Как явствует из сказанного нами далее, эта сделка не имеет смысла.

боту собирателя, и получить представление о труде издателей книги 1986 года. И тем не менее мы повторим еще раз – рукописи не горят...

В 1985–1986 годах при разборе той части личного архива К. А. Новиковой, которая хранилась в Отделе алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, была найдена папка с машинописными текстами трех эвенских эпических сказаний, записанных Н. П. Ткачиком, где находились как оригинальные тексты на эвенском языке в той графике, которой пользовался собиратель, так и переводы этих текстов на русский язык – что принципиально важно, переводы в той редакции, в какой они были оставлены собирателем: в этом варианте их еще не касалась рука редакторов. Это была машинописная копия текстов, не идентичная той, которая хранилась в архиве ЯНЦ СО АН СССР, и явно более поздняя, сделанная либо с архивной машинописи, либо с рукописных источников, то есть с полевых тетрадей Н. П. Ткачика. Позднее эта копия была передана в Магаданский областной краеведческий музей, где хранится архив К. А. Новиковой. Таким образом, данный экземпляр эвенских эпических сказаний в записях Н. П. Ткачика является равноценной заменой исчезнувшему экземпляру из архива ЯНЦ СО РАН.

В настоящее время данная копия трех эвенских эпических сказаний, записанных и переведенных Н. П. Ткачиком, является единственной копией, которая может быть доступна для специалистов и по которой может быть осуществлено аутентичное научное издание этих материалов. В частности, эпические сказания, которые записал Н. П. Ткачик, должны войти в соответствующий том эвенского фольклора в рамках серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» – разумеется, в той графике, которая была использована собирателем.

Подведем некоторые итоги. Известные нам на сегодняшний день фольклорные материалы Н. П. Ткачика составляют не менее 13 сказок, предание «Женский ключик» и мифологический рассказ «Медведь», а также три эпических сказания. Большая часть этих материалов вошла в два учебника эвенского языка, подготовленных Н. П. Ткачиком, которые, хотя и стали библиографической редкостью, но все же могут использоваться специалистами, и часть сказочных текстов публиковалась в сборниках образцов эвенского фольклора. Эти записи сохраняют значительную ценность, поскольку они раздвигают границы жанрового и сюжетного репертуара фольклора эвенов севера Хабаровского края.

Ряд текстов из записей Н. П. Ткачика представляет лучшие из известных на сегодняшний день варианты текстов эвенских сказок. Непревзойденными по качеству остаются и образцы эпических сказаний аркинских эвенов, записанные в 1930-е годы. Вместе с тем нам пока недоступны полный оригинальный эвенский текст рассказа «Медведь», эвенские оригиналы ряда сказок, а также текст эпического сказания «Хорэгэ», от которого сохранилось одно название. Завершая обзор наследия Николая Прокопьевича Ткачика как фольклориста, подводя итоги проведенных разысканий и высказывая робкую надежду на будущие находки, мы повторим еще раз – рукописи не горят...

СУДЬБЫ УЧЕНЫХ

Л. Э. Найдич

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ФИЛОЛОГИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Птицы смерти в зените стоят,
Кто идет выручать Ленинград?

Анна Ахматова

1. Введение

В данном докладе речь пойдет о нескольких страницах истории Великой Отечественной войны – о вкладе ленинградских филологов в дело победы над фашизмом. Хорошо известно, что многие из них, как и другие советские люди, были на фронте, часто на передовой. Студенты¹, аспиранты, молодые преподаватели добровольно шли в ополчение. «Необученные, плохо вооруженные ополченцы вступили в бой под Кингисеппом прямо из эшелонов. Устав своими телами путь немцев к Ленинграду, они остановили врага у самых городских ворот», – пишет Захар Исаакович Плавский, рассказывая биографию Георгия Владимировича Степанова, который в первых числах июля 1941 года, закончив 3 курса университета, но имея уже за плечами опыт войны в Испании, пошел в народное ополчение². Военная биография многих молодых ленинградских филологов могла бы стать предметом исследования, рассказа, романа, которые пока еще не написаны.

В этом сообщении мы ограничиваемся лишь одним аспектом этой темы – а именно: филологическим. Филологическая специальность оказалась во время войны востребованной. Люди, профессионально владеющие иностранными языками, филологическими знаниями и умениями, часто были не менее полезными, чем профессиональные военные. Помимо знаний, филфак (уровень которого в то время был одним из самых высоких в мире) научил своих выпускников самостоятельно мыслить, что оказалось очень

ценным в экстремальных ситуациях. В действующей армии были многие лингвисты, впоследствии преподававшие в Ленинградском (Санкт-Петербургском) университете. Так, Юрий Сергеевич Маслов, замечательный лингвист, внесший большой вклад в германистику, славистику и общее языкознание, «с первых дней Великой Отечественной войны и до ее окончания ... находился в действующей армии. Был награжден орденом Красной звезды и несколькими медалями»³. К началу войны Ю. С., который занимался германистикой под руководством В. М. Жирмунского, уже успел защитить диссертацию на тему «Возникновение сложного прошедшего в немецком языке». Во время войны он был переводчиком при генштабе и в октябре 1944 г. был направлен в Болгарию. Именно тогда у него возник интерес к болгарскому языку, которым он впоследствии много занимался (в 1957 году он защитил докторскую диссертацию о глагольном виде в болгарском литературном языке). После войны Ю. С. Маслов вернулся в университет. В 1960–1984 гг. он возглавлял кафедру общего языкознания, воспитав много учеников и создав замечательный учебник «Введение в языкознание».

Военными переводчиками были преподаватели немецкого отделения филфака Алиса Павловна Хазанович (была в Политуправлении Ленинградского фронта) и Нина Дмитриевна Смулова (была на Северо-Западном и Втором Белорусском фронтах)⁴ и один из основателей теории перевода, в течение 15 лет заведовавший кафедрой немецкой филологии Ленинградского университета Андрей Венедиктович Федоров. Участниками войны были и филологи, впоследствии ставшие видными переводчиками. Так, Мери Иосифовна Беккер, известная переводами Фолкнера, Фаулза, Марка Твена, воевала на Волховском, Карельском и Втором Белорусском фронтах. Была переводчиком в штабах армий и в разведотделе. Замечательный германист Влади-

мир Михайлович Павлов был призван в армию в апреле 1943 года, ему было тогда 17 лет. Он служил в авиации, был воздушным стрелком, попал в плен, потом был освобожден, снова служил в армии. (См. об этом в его мемуарах).

Далее речь пойдет о некоторых филологах-участниках войны, в особенности о германистах⁵.

В 1942 году возникла острая необходимость в специалистах, владеющих иностранными языками, в первую очередь, конечно, немецким, но также и английским. Весна 1942 года. В Ленинграде голод, бомбежки. ВУЗы эвакуированы. Мужчины на фронте, город в кольце блокады, доставить из других городов никого нельзя. Жители истощены, измучены, гибнут. Между тем армии нужны специалисты. Среди военных мало кто знает языки. Начались поиски. Об этом переломном моменте во фронтовой судьбе филологов вспоминают многие. Из госпиталей, где работали девушки, из народного ополчения, куда добровольно пошли юноши, специалистов-филологов срочно переводили для работы по специальности. Выискивали по разным документам, спрашивали людей, искали через адресный стол. В поисках филологов приезжали к ним домой – и нередко находили при этом крайне истощенных умирающих людей или трупы; нужных людей искали и в учреждениях. А бывало и так, что служивший в ополчении филолог сам забегал в свою пустую, холодную квартиру и находил там повестку либо встречал управдома, сообщавшего ему, что его срочно разыскивают. Мобилизовывали людей разных филологических специальностей: переводчиков, преподавателей, составителей словарей. На работу часто выходили люди, находившиеся в крайней степени дистрофии. Им давали паек, постепенно они приходили в себя. Работать начинали сразу. В таком тяжелом физическом состоянии прибыли на

работу в Береговую разведку англисты Борис Александрович Ильиш и его жена Екатерина Иннокентьевна Клименко.

2. Перевод, разведка, пропаганда

В марте 2004 г. отмечался юбилей русской радиоразведки, зародившейся в начале XX века. В связи с этим в газете «Красная звезда» была опубликована статья ветерана радиоразведки генерал-лейтенанта Петра Шмырева, который писал: «В битве под Ленинградом, пожалуй, наибольших успехов радиоразведка добилась в борьбе с немецкой авиацией и дальнобойной артиллерией. Выход немецко-фашистских войск на ближайшие подступы к Ленинграду лишил нашу ПВО возможности своевременно предупредить истребительную авиацию, зенитную артиллерию и население города о подходе вражеских бомбардировщиков... Ленинградские радиоразведчики первыми обнаружили радиосвязь немецкой авиации в УКВ-диапазоне. По решению военного совета фронта блокадный Ленинград с 1942 года начал производить на заводе имени Козицкого разведывательные УКВ-радиоприемники для нужд Ленинградского и других фронтов». Эти события имеют прямое отношение к работе ленинградских филологов на фронте. Многие из них стали радиоразведчиками.

Как складывалась профессиональная жизнь филологов-германистов в страшные годы блокады Ленинграда, рассказывают Елизавета Викторовна Ланда и Татьяна Эмильевна Барская. Обе они окончили филологический факультет Ленинградского университета летом 1941 года: Елизавета Викторовна – немецкое отделение, Татьяна Эмильевна – немецкое и романское отделение. Елизавета Ланда (Эля – как ее называли друзья) занималась немецкой литературой XVII–XVIII века, писала диплом о плутовском романе, Татьяна Барская – о Гельдерлине и об Андре Шенье. После окончания трехмесячных курсов медсестер они были на-

правлены на работу в больницу на Знаменской, а затем в госпиталь на Суворовском проспекте. В госпитале сначала было немного раненых, после того как в здание напротив, которое тоже было переоборудовано под госпиталь, попал снаряд, прибыли вторично раненые, работы прибавилось. Тем не менее, вскоре стало известно, что они – филологи, знают немецкий язык. Их мобилизовали для службы в разведке, чему они радовались, так как хотели на фронт и стремились к интересной работе по специальности.

Елизавета Викторовна служила в БРО – Береговом Радиоотряде, задача которого состояла в разведке посредством радиоаппаратуры. Отряд состоял из девушек, в основном выпускниц 1-го Института Иностранных языков. В отряде служили Евгения Шалгинская, Евгения Воронцова, Нина Ведякина; Е. В. была единственной выпускницей университета⁶. Дежурили круглосуточно, сидели у маленьких приемников и ловили сигналы в УКВ-диапазоне. Таким образом часто удавалось прослушивать разговоры немецких летчиков в небе над Ленинградом и Ленинградской областью. Летчики часто переговаривались открытым текстом, без кода, обращая друг к другу по именам. Эти переговоры внутри звена летчиков в основном касались направления полета, местонахождения самолетов, нанесения бомбовых ударов, от которых страдали и город, и пригороды – особенно Кириши. Можно себе представить, сколь ценна была собранная информация. Языковых трудностей в понимании речи обычно не возникало, трудно было ее услышать. Пытались и слушать переговоры на подводных лодках, но это не удалось. Иногда выезжали на острова в поисках лучших возможностей для прослушивания – на островах работала, например, Ольга Викторовна Топорова, также филолог-германист. Все служившие в БРО считались краснофлотцами первой и второй статьи. Помимо этого отряда, существовало еще и Информбюро. Там стояли чувст-

вительные радиоприемники, прослушивали разную информацию, в том числе речи крупных западных политиков, парламентариев. Там требовались англисты, именно там работали Ильиш и Клименко, а также англичка Галина Рафальсон, германистка Софья Левина и др. В информбюро служили два офицера – германисты Павел Биркан (впоследствии муж Е. В. Ланда) и Анатолий Чудаков. Всю полученную информацию отправляли в оперативный отдел. Дислоцировались БРО и информбюро в маленькой деревушке Мурино, которая сейчас находится в черте города. Девушек отпускали домой один раз в месяц. Они получали паек, ходили в деревню менять хлеб на молоко, так что местные жители тоже подкармливались благодаря этому отряду. Жили для военного времени довольно удобно: было две комнаты и полудомашняя обстановка. Дрова приносили краснофлотцы, душа и ванны не было, ходили мыться в баню. Отряд БРО не понес потерь, все остались живы.

Другой отряд радиоперехвата дислоцировался в районе совхоза Бугры. Были и относящиеся к нему выездные группы, располагавшиеся в других местах: например, разведотдел в Шувалове у озера, в дачном доме. В отряде служили филологи Минна Исаевна Дикман, Юрий Давидович Левин, Татьяна Эмильевна Барская, Давид Франкфурт. Дежурили по 6 часов, потом 6 часов перерыв. Ю. Д. Левин вспоминает: «Штат переводчиков, когда я прибыл в дивизион, составляли три человека (впоследствии он увеличился). Возглавлять его была назначена Дикман. Первая задача, которую поставили перед нами – перехватывать микрофонные переговоры противника. Нас посадили к приемнику и сказали: «Слушайте, записывайте, переводите и передавайте в ОПО (оперативный отдел)». При этом нам не объяснили, какие переговоры мы можем услышать, как в них разобраться, и т. п.; такого опыта в части еще не было.

Пришлось выяснять все это самим на практике, притом без соответствующей подготовки. Но в прошлом мы обучались в университете, где в процессе изучения конкретных предметов, никакого, правда, отношения к военным действиям не имевших, нас учили думать. И это оказалось весьма полезным.

Первые микрофонные передачи, которые нам удавалось прослушивать, были переговоры истребителей и разведывательных самолетов противника, действовавших на Ленинградском фронте⁷. Перехваченная разведывательная информация касалась авиации и артиллерии, то есть была непосредственно связана с бомбежками и артобстрелами Ленинграда. Часто информация передавалась в зашифрованном виде. Но иногда летчики начинали кричать друг другу открытым текстом. Это происходило во время боя, поэтому часто манера произнесения была отнюдь не дикторской. Были и повторявшиеся закодированные слова. Так, «Indianer» («индеец») обозначало самолет противника, т. е. советский, а «Radfahrer» («велосипедист») – свой, немецкий самолет. Нужно было понять, что название реки Мга трудно произносимо для немцев. Они говорили Эмга. «Ich bin über der Emga». Вскоре переводчики привыкли к этим текстам, научились ловить и понимать их. Другие тексты передавались азбукой Морзе. Расшифровать их было очень трудно, шифры постоянно менялись.

Радиоразведка помогала установить, откуда и куда будут стрелять. В добытой информации встречались и фамилии, например, часто фигурировал полковник Венглер. Из всех полученных данных удавалось сделать тактические выводы.

Особенный вклад в работу радиоразведки внесла М. И. Дикман. Она хорошо владела немецким языком, хотя училась на русском отделении университета – немецкий

знала с детства, так как окончила немецкую школу – знаменитую Анненшколе.

Радисты обнаружили радиосеть, связанную с артобстрелами Ленинграда. Но перехваченные радиogramмы нужно было расшифровать. Дикман с присущей ей серьезностью и с системным подходом взялась за дело. Она попросила учебник артиллерии. Но начальник штаба дивизиона ответил, что это невозможно, поскольку такие учебники будто бы секретны. Тогда она дала деньги дивизионному почтальону, и он вскоре купил такой учебник в одном из газетных киосков города. По учебнику Дикман изучила порядок артиллерийской стрельбы, и после этого занялась радиogramмами. Они были не шифрованные, а кодированные, т. е. слова и выражения заменялись условными трехбуквенными обозначениями. Дикман взялась расшифровать эти коды, соответствовавшие словам. Путем подбора и проверки ей удалось многое понять. Например, она предположила, что stw означает Stellungswechsel, и действительно батареи в соответствующем месте меняли свои позиции⁸. В результате радиogramмы были расшифрованы. В это время Дикман находилась не в самом дивизионе, а в подчиненной ему маневренной группе – начальник радиоотдела был недоволен ее независимым поведением, и «строптивую» девушку решили отослать подальше от глаз начальства. А маневренная группа размещалась в то время в Новосаратовке, в колонии высланных в 1942 году русских немцев, рядом с 5-й ГЭС, которая снабжала электроэнергией блокированный Ленинград. ГЭС часто обстреливалась. Расшифровки, сделанные М. И., позволяли предположить, где намечается обстрел. Но начальство не верило этой молодой и, как некоторым казалось, самонадеянной девушке. Когда она предсказала обстрел, который должен начаться в районе 5-ой ГЭС, все убедились в правильности ее предположений. Благодаря ей удавалось заблаговременно знать объ-

екты артиллерийских обстрелов, предупредить людей. Более того, удавалось обезвредить батареи противника, наша артиллерия начала вести опережающие обстрелы. Периодически немцы меняли кодировку, но Дикман раскрывала и новые коды. В конце концов немецкая дальнобойная артиллерия перешла на телефонную связь. Поэт Михаил Голловениц написал про М. И. стихотворение «Редактор», где есть следующие строки:

И на пушечной той дуэли,
 Посреди блокадной зимы
 Она знала, где вражьи цели,
 По которым ударим мы.
 Есть на свете мужество женщин,
 Над судьбою фатальной власть,
 И упало на Питер меньше
 Тех смертей, чем могло упасть.
 Вот такую была работа,
 Что нашла для нее война,
 И, наверное, нету счета
 Жизням всем, что спасла она.

При необходимости для перевода допросов пленных вызывали и радиоразведчиков, и служивших в других военных частях, если только они знали язык – особенно сначала, когда не хватало переводчиков. Так, Т. Э. Барскую вызывали для перевода с испанского в тюрьму Кресты, где находился пленный испанец из «Голубой дивизии», от него нужно было узнать важные сведения об артиллерийских позициях в Царском Селе, а Т. Э. прошла курс испанского языка в университете, учась на романском отделении. Бэллу Ефимовну Чистову, студентку-германистку, а в первые месяцы войны медсестру в госпитале, находившемся в здании больницы Отта, вызывали для работы с пленными немцами.

Может показаться, что переводчики находились в безопасности, но это не так. «Во время боевых действий немецкие войска осуществляли микрофонную связь на ультракоротких волнах (УКВ), которые распространяются лишь в пределах прямой видимости. Поэтому для перехвата переговоров на УКВ необходимо было находиться в непосредственной близости к линии фронта. И переводчиков, снабженных приемниками УКВ (которые у нас в просторечии почему-то назывались «собаками»), командировали в места боев. Так, в нашем дивизионе погиб переводчик Давид Франкфурт – в прошлом, как и я, студент-филолог Ленинградского университета, а в другом, родственном дивизионе – Михаил Калгут – в прошлом студент-историк, о мужестве и выдержке которого рассказывали те, кто был на фронте рядом с ним; был обстрелян из танка и тяжело ранен его товарищ Петр Бычков», – пишет Ю. Д. Левин⁹. Давид Франкфурт был выпускником романского отделения университета, участником войны в Испании.

Специалисты, знающие иностранные языки, требовались и в другие разведывательные подразделения армии. Военная биография Льва Рафаиловича Зиндера началась так же, как и у многих других ленинградцев его поколения: он пошел добровольцем в народное ополчение Василеостровского района. В то же время, в разведке требовались люди, знающие немецкий на высоком уровне – приходилось читать перехваченные документы, иногда написанные от руки трудно читаемым письменным готическим шрифтом; чтобы понять и документы, и устную речь, необходимо было владеть разговорным языком, а иногда и диалектами. С этими трудностями сталкивались все переводчики. Так, И. М. Дьяконов вспоминает: «Печатный готический я знал, а письменный читал скорее по догадке. В том же положении были Бать и Прицкер»¹⁰. Льва Рафаиловича привлекли к работе в разведке в 20-х числах августа

1941 года, сначала временно, когда был перехвачен дневник убитого немецкого офицера моторизированной дивизии, направлявшейся от озера Ильмень к Ладожскому озеру. В дневнике содержались важные данные, в частности о стратегии и тактике захвата и разрушения Ленинграда¹¹. Расшифровка и перевод этого дневника, сделанные Л. Р., были очень важны для советской разведки, для защиты нашего города¹². Привлек Л. Р. к этой работе его знакомый, аспирант-историк Ленинградского университета Вадим Сергеевич Алексеев-Попов, служивший переводчиком в разведке (впоследствии выдающийся ученый, специалист по философии Руссо, профессор Одесского университета). После этого случая Л. Р. Зиндер остался служить в разведотделе Ленинградского фронта. Он был переводчиком, изучал захваченные документы и карты, проверял данные, готовил доклады¹³. Л. Р. организовал школу военных переводчиков. Плодом этой работы стало составленное совместно с Л. Л. Шайовичем (по своей мирной специальности экономистом) пособие по обработке трофейных документов¹⁴. В этой небольшой (43 стр.) брошюре мы видим то, что было присуще научной методике Л. Р.: ясность мысли и простота изложения, наглядность, логика, последовательность, стремление к детальному анализу текста – прежде всего тех его аспектов, которые важны для данной ситуации, системный подход. Проявляется научный и педагогический талант авторов (напомним, что Л. Р. написал впоследствии не только научные статьи, но, в числе прочего, лингвистический задачник, а также, совместно с Т. В. Строевой, практикумы по немецкой грамматике и по истории немецкого языка). Цель пособия для военных переводчиков – научить переводчика «быстро ориентироваться в массе документов, выбрать для обработки наиболее ценные и срочные и установить очередность обработки для других» (с. 3). Например, указывается, на что

нужно обратить внимание в каждом из типов документов, как переводить стандартные формулы, какие сведения можно извлечь из разных типов материала, будь то членский билет кассы взаимопомощи, шоферское удостоверение, журнал боевых действий или личное письмо. В конце говорится: «Точный перевод отнюдь не должен быть буквальным. Из этого неправильно было бы сделать вывод, что переводчик может позволять себе «вольности» и «отсебятину». От точного перевода требуется, чтобы он был эквивалентен оригиналу... При переводе нового термина надо вникнуть в суть обозначаемого им предмета и, если нет соответствующего русского термина, можно придумать с помощью специалистов (артиллеристов, танкистов и т. п.) новый термин, снабдив его в скобках описательным переводом... Из всего сказанного вытекает, что для того, чтобы сделать хороший перевод, нужно прежде всего понять документ по существу» (с. 37–38). Таким образом, некоторые пассажи данной брошюры могли бы занять достойное место в пособии по теории перевода, хотя Л. Р. никогда не упоминал ее и не включал в список публикаций. Способность Л. Р. «понять по существу» нечто, относящееся не только гуманитарной, но и к военной, к технической сфере также проявилась в последующей научной деятельности этого выдающегося ученого – он занимался экспериментальной фонетикой, математической лингвистикой, разбирался в статистике и теории относительности.

Военным переводчиком был и другой выдающийся германист – Соломон Давидович Кацнельсон. И его военная биография начинается с народного ополчения, куда он вступил добровольцем. И, как и других специалистов-филологов, его вскоре стали разыскивать, о чем он узнал, случайно зайдя домой, в свою пустую квартиру (его жена и сын были в эвакуации). С. Д. провел всю войну на Ленинградском фронте, был в Ленинграде все 900 дней блокады,

терпел вместе с другими ленинградцами голод, но работал с большим энтузиазмом¹⁵. Он руководил редакционным отделом Седьмого Отделения Политуправления Ленинградского фронта. С. Д. писал по-немецки листовки, которые затем забрасывали на занятую противником территорию, участвовал в подготовке газет, радиопередач и др. Возглавлял эту пропагандистскую работу Юрий Васильевич Басистов – полковник, впоследствии кандидат исторических наук, автор ряда работ по истории Второй мировой войны. С. Д. сотрудничал с Иностранным отделом Ленинградского радиокомитета, помогал в работе Ленинградского радио. Его часто доставляли самолетом на фронт для ведения радиопередач. Кроме того, он допрашивал пленных. Глубокие германистические знания помогали С. Д. в этой работе. Зная историю языка и диалектологию, С. Д. сразу мог определить, из какой области происходит допрашиваемый им немец, что помогало ему не только понять этого человека, но и установить с ним более доверительные отношения. С. Д. закончил войну в Берлине. Он служил в газете «Tagliche Rundschau», а затем в Бюро информации советской военной администрации. Важным событием в его жизни была его работа в качестве переводчика и корреспондента на Нюрнбергском процессе. Сам он говорил, что испытывал в те дни счастье. Несмотря на успешную службу за границей, после войны ученый стремился скорее вернуться в Ленинград, продолжить научную работу. О том, что его научная мысль не останавливалась, свидетельствуют его занятия языком аранта в 1945–46 гг. в Берлине. Он нашел там записи, сделанные Штреловым, написал письмо его сыну, составил словарь аранта, мечтал поехать в Австралию для изучения этого языка, важного для типологических исследований.

Пропаганда среди войск противника, о которой уже говорилось выше, была основной работой многих филологов

во время войны. Писались листовки, составлялись газеты, которые затем подбрасывались противнику.

В начале войны Советский Союз проигрывал нацистскому Рейху и в области пропаганды. Нацисты хорошо подготовились к агитационной работе среди советского населения; для нее привлекались многие специалисты, даже психологи. Зная страдания многих советских людей от сталинского режима, нацисты стремились представить немцев как носителей справедливости, которые обеспечат захваченным ими народам, кроме евреев и цыган, счастье и благосостояние. В немецких пропагандистских материалах нацистская армия восхвалялась как армия освободителей, а расистская теория и планы депортации миллионов людей тщательно скрывались. Первоначально советское командование исходило в пропагандистской работе из ошибочных предпосылок: в основе пропаганды была идея братства всех рабочих, революционных традиций пролетарского интернационализма, якобы сохранившихся у немцев. Но такого рода пропаганда, вернее контрпропаганда, не была действенной. Поэтому и было решено создать отделы армии, организующие агитационную работу по-новому. Пропагандистские воззвания передавались в виде живой речи, произносившейся по радио или просто в жестяной рупор с расстояния 100–150 метров от противника (в ответ немцы открывали стрельбу), либо в листовках и газетах, забрасывавшихся за линию фронта. Вскоре к этой работе были подключены и немцы-антифашисты, создавшие в июле 1943 г. комитет Свободная Германия. Существует много свидетельств действенности советской агитации, особенно с того момента, когда в ходе войны начался перелом. «Теперь солдаты все чаще вспоминают листовки 1941–1942 годов, которые предупреждали, что Германия будет разбита. Раньше мы этому не верили. Теперь каждый видит, что русская пропаганда говорит правду. Ее листовки – это кап-

ли, долбящие гранит. Они научили нас немножко заглядывать в будущее и критически относиться к своим правителям» – писал в дневнике немецкий военный врач¹⁶. Е. Г. Эткинд отмечает: «...дальнейшие события показали, что мы не зря вели агитацию. Когда германская армия перестала побеждать, немцы начали сдаваться в плен пачками; нередко они приходили с нашими листовками, которые, как сообщалось в тексте, служили «пропуском для перехода в плен»¹⁷. Пропагандистской работой занимались многие гуманитарии. В Седьмом отделе Карельского фронта служили литературовед-германист Григорий Юльевич Бергельсон, востоковед Игорь Михайлович Дьяконов, филолог-германист и романист Ефим Григорьевич Эткинд, германист-лексикограф, соавтор и редактор немецко-русских словарей (он был старше других сотрудников) Анатолий Борисович Лоховиц, филолог-романист Александр Александрович Касаткин, языковед-германист Исаак Моисеевич Смолянский. Там же работал в газете «Der Frontsoldat» Сухер Ицкович Гольденберг, еврейский писатель. В Беломорске служил и историк Давид Петрович Прицкер. «Работу в Седьмом отделе я не просто ценил – я был ею увлечен», – писал впоследствии Эткинд¹⁸.

Григорий Юльевич Бергельсон в 1939 году окончил филологический факультет Ленинградского университета, поступил в аспирантуру ИРЛИ, но в том же 1939 г. по новому положению его забрали в армию. До 1945 года он служил в Карелии. Был вначале военным корреспондентом, а потом начальником редакционно-издательского отделения в Седьмом отделе (Отдел по пропаганде среди войск противника) политуправления Карельского фронта. «Особо сохранялась в составе отдела редакция (для издания листовок); ее возглавлял переведенный из 14 армии (Мурманской) наш филфаковец майор Гриша Бергельсон, а входили в нее Лоховиц, Фима Эткинд, я и еще один филфако-

вец – Шура Касаткин», – пишет И. М. Дьяконов (с. 587). И далее: «Гриша считал себя нашим товарищем, оказавшимся нашим начальником только из-за партбилета, и не пытался главенствовать. Мы сами ходили к нему за советом и знали, что получим совет дельный...» (с. 595). После войны он был направлен в Берлин. Там он работал в отделе культуры выходившей на немецком языке газеты «Tagliche Rundschau». Г. Ю. присутствовал на Нюрнбергском процессе, организовывал помощь немецким писателям. В 1947 г. он демобилизовался и продолжил научную и преподавательскую работу.

Выдающийся ученый-востоковед Игорь Михайлович Дьяконов был переводчиком информационного отдела Карельского фронта, под Мурманском, служил на считавшейся «подпольной» радиостанции, ведущей передачи как будто с территории врага, а на самом деле, с советской территории; в конце войны был помощник коменданта на занятой нашими войсками норвежской территории. Он участвовал в издании газеты «Der Frontsoldat», предназначенной для распространения среди немецких войск. И. М. пишет в воспоминаниях (с. 568): «Седьмой отдел Политуправления, т. е. “Отдел по пропаганде среди войск противника”, подразделялся на собственно Отдел, который занимался распространением листовок и устной пропагандой через радио и полевые радиостанции и рупоры, и две редакции – немецкой газеты “Der Frontsoldat” и параллельной финской газеты. Те же редакции обеспечивали тексты для радиопередач (но не для полевых установок – те обслуживались армиями и дивизиями). Наша же радиостанция, расположенная в 1942 г. на Соловках ... выдавала себя за подпольные станции – немецкую и финскую». Кроме того, И. М. занимался сбором и информацией, которая «позволяла довольно подробно описать состояние экономики, идеологической работы в немецком тылу и в армии, что могло

принести большую пользу». Он написал целую монографию о социальных и экономических порядках в нацистской Германии.

Ефим Григорьевич Эткинд, замечательный литературовед, лингвист, переводчик, по окончании университета был распределен в г. Киров (Вятку). Потом началась эвакуация из Кирова, Е. Г. отправили Яранск, в глубокую тайгу. Он стремился в армию, хотя его не брали как белобилетника из-за сильной близорукости. Благодаря ходатайству Д. П. Прицкера и И. М. Дьяконова Эткинд был направлен переводчиком в политуправление штаба Карельского фронта в Седьмой отдел. Он участвовал в издании газеты «Der Frontsoldat», издавал и сатирический ежемесячник «Michel im Norden». И. М. Дьяконов так описывает прибытие Е. Г. в часть (с. 553): «Я сказал ему, что нужно немедленно доложить Питерскому. Фима вынул из карманов бутылки (мы их спрятали) и пошел к начальнику. Подошел к нему, косолапя, протянул огромную лапищу:

– Здравствуй! Я Эткинд.

Питерский ничуть не смутился и не стал требовать уважительного приветствия.

– А, очень хорошо! – сказал он. – Вы умеете писать стихи?

– Умею.

– Сейчас у нас 16 часов, к 19 часам нам нужна поэма о том, как себя чувствует немец перед Рождеством.

Фима вернулся ошарашенный, но готовый к свершению подвига. Лоховица не было, он сел на его место, положил перед собой бумагу и с молниеносной скоростью начал писать». Так была создана шуточная поэма об ефрейторе Михеле, которая действительно была готова к семи часам вечера:

Michel der Gefreite
Stehet vor dem Stab,

Seine linke Seite
Fror ihm ganzlich ab...

'Ефрейтор Михель стоит перед штабом, его левый бок совершенно отмерз'.

Впоследствии Е. Г. был переведен в разведотдел штаба. Он участвовал в освобождении концлагеря Эбензее в начале мая 1945 года¹⁹.

Вместе с Бергельсоном, Эткиндом и Дьяконовым в Седьмом Отделе Карельского фронта служил Александр Александрович Касаткин, впоследствии зав. кафедрой романистики ЛГУ. «Очень интеллигентный. Идеально говорил по-немецки, по-французски, по-итальянски и по-английски. Очень правильно, очень грамматично», – вспоминал о нем И. М. Дьяконов (с. 295).

Несколько позже туда же прибыл для работы переводчиком молодой германист Исаак Моисеевич Смоленский. Как и многие другие филологи, он не сразу стал служить в соответствии со своей мирной специальностью. В августе 1942 года он окончил школу артиллеристов в чине младшего лейтенанта. Командовал ДОТом в районе Белострова под Ленинградом. Зимой 1942 г. ему пришел приказ явиться в штаб (как следует из многих военных рассказов, именно в это время искали специалистов, знающих немецкий). Пришлось идти пешком, иногда через минные поля, чтобы попасть в штаб Ленинградского фронта. И. М. был направлен на Волховский фронт, путь лежал через Ладугу. Он работал переводчиком, допрашивал пленных. После снятия блокады, когда Ленинградский и Волховский фронт сомкнулись, Смоленского направили на Карельский фронт. Впоследствии И. М. был командирован в Вену, где он работал в газете советского сектора «Osterreichische Zeitung», выходившей на немецком языке и предназначенной для местного населения. В 1951 году И. М. вернулся в Ленинград²⁰.

Ирина Михайловна Дунаевская, впоследствии известный востоковед, рассказывает, что она мобилизовывалась в действующую армию дважды²¹. Закончив три курса университета (русское и немецкое отделения), И. М. пошла добровольцем на фронт уже в июле 1941 года. Как и многие другие студенты, она была зачислена в 277-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон (ОПАБ), который вел оборону между Стрельной и Ропшей. «Батальону была суждена короткая жизнь, всего около двух с половиной месяцев, как большинству ОПАБовских батальонов, которые во время войны называли батальонами смертников»²². В середине сентября плохо вооруженный и неподготовленный батальон был разбит, хотя с места не сошел. Студенты и аспиранты ценою своих жизней задержали врага. В сентябре молодую студентку отослали обратно в Ленинград. Понимая весь ужас положения, юноши хотели ее спасти. Ирина вернулась в университет, но когда он был эвакуирован в апреле 1942 года, осталась в городе. Работала в госпитале, но стремилась на фронт. После «второй мобилизации» она была на Ленинградском фронте, на 2-м, а после снятия блокады – на 2-м и 3-м Прибалтийском и 2-м и 3-м Белорусском фронтах. И. М. ходила в разведку, допрашивала пленных. Часто требовалось, чтобы переводчики находились непосредственно на передовой. Так информацию можно было получить более оперативно, ведь всегда были опасения, что пленного не доведут до штаба: его могли застрелить и немцы – в спину, видя, что его взяли в плен, и русские. И. М. вспоминает, как она волновалась во время своего первого допроса пленного, несмотря на то, что немецкий хорошо знала с детства. На вопрос: «Где ваши тылы?» немец отвечал что-то начинавшееся с «an», за которым следовало непонятное слово. Не растерявшись, девушка попросила его написать сказанное. Оказалось, что речь идет о деревне Антропшино. И. М. Дуна-

евская участвовала в важнейших военных операциях, например, в Путроловской на Ленинградском фронте, была ранена.

Владимир Григорьевич Адмони работал в 1941–1942 гг. при Политуправлении Ленинградского фронта. Несмотря на все старания В. Г., мобилизовать его отказались, он оставался вольнонаемным в Седьмом Отделе Политуправления. Причина отказа, несмотря на ходатайства руководителей отдела, состояла в том, что летом 1941 года был арестован брат В. Г. – Иоганн Адмони-Красный – композитор, впоследствии автор опер, балетов, музыки к спектаклям. С июля по декабрь 1941 г. В. Г. составлял агитационные материалы на немецком языке, предназначенные для заброски в немецкую армию. «Сатирические [стихи] перемежались с патетическими, а нередко сатира и патетика соединялись в одном стихотворении. С длинными соседствовали короткие, потом совсем коротенькие стихи. Использовались формы народной песни – и перефразировались строки из поэзии Гете и Шиллера. На тирольский диалект – для альпийских стрелков – я перевел несколько частушек А. А. Прокофьева», – вспоминал впоследствии Адмони²³. Стихи В. Г. печатались в листовках, в выпусках иллюстрированного журнала, в газетах, читались по радио. Некоторые из немецких стихотворений В. Г. потом были опубликованы в ГДР, несколько стихотворений В. Г. перевел и включил в книгу «Из долготы дней».

Татьяна Григорьевна Гнедич, выдающийся переводчик, сегодня можно с полной уверенностью сказать, личность замечательная и легендарная²⁴, была переводчиком во время войны. Т. Г. – выпускница ЛИФЛИ, с 1939 года аспирантка и одновременно преподаватель английского в 1-м Институте иностранных языков, блестящий знаток английского языка. Она была мобилизована в июле 1942 года. Сначала Т. Г. работала в Седьмом отделе политуправления

Ленинградского фронта, но поскольку ее знания немецкого были пассивными, ее перевели в разведуправление Балтфлота, где она могла принести большую пользу, так как нужно было работать с английским языком. Т. Гнедич стала переводить на английский патриотические стихи ленинградских поэтов А. Прокофьева, В. Инбер, О. Берггольц, А. Ахматовой, чтобы познакомить с ними наших союзников. Впоследствии Т. Г. приобрела известность благодаря ставшему классикой переводной литературы переводу «Дон Жуана» Байрона, который она сделала в тюрьме. В декабре 1944 года Т. Г. была арестована по обвинению в «измене советской родине» (как она сама рассказывала, ее «предательство» состояло в мечте поехать когда-нибудь в Англию, в которой она призналась «компетентным органам»). В тюрьме она провела более 10 лет. Впоследствии Т. Г. жила в Царском Селе под Ленинградом, многие талантливые ленинградские филологи приезжали к ней, она вела переводческий семинар.

3. Образ врага

В среде русской интеллигенции, включая русско-еврейскую, было принято воспитывать детей на немецкой культуре. Особенно это касалось Петербурга. Издавна лучшими школами считались немецкие, где преподавание велось на немецком языке, а учителя были более или менее обрусевшими немцами или австрийцами, – Петершуле²⁵, Анненшуле. Несмотря на превращение знаменитой немецкой Петершуле в обычную школу и репрессии против лучших учителей-немцев, выпускники этих школ все же блестяще владели немецким. Если не в школе, то благодаря частным учителям многие дети овладевали немецким языком, читали по-немецки, а для некоторых из них – тех, которые впоследствии стали филологами, возникала «своя Германия». Е. Г. Эткинд писал: «Немецкая дама, позволившая мне от-

крыть другой куда более танственный немецкий мир, была настроена романтически: в шесть или семь лет я знал наизусть “Кубок”, “Поруку”, “Перчатку”, “Ивиковы журавли”, уже прочитал сказки Гауфа и Тика; к числу моих любимцев принадлежали маленький Мук и Коленмунк-Петер. С тех пор прошли многие десятилетия, но в глубине моей памяти продолжают жить Щелкунчик и Мышинный король; они образуют фундамент моей культуры»²⁶. Т. Э. Барская, впоследствии занимавшаяся в основном романскими языками и французской литературой, рассказывает, что в детстве она учила немецкий язык с учительницами-немками и ее настольными книгами были «Нибелунги» и «Гудрун» в прозаическом изложении, сказки братьев Гримм и пьесы Шиллера (например, «Коварство и любовь») – естественно, в подлиннике, по-немецки. И. М. Дунаевская вспоминает, что она освоила в детстве сначала французский с частной учительницей, а затем и немецкий – в группе, находившейся в немецкой церкви на Васильевском острове, а позже совершенствовала свои знания в немецкой школе, которую открыли на Мойке.

Юрий Михайлович Лотман с детства читал по-немецки. На фронте, во время отступления, солдатам часто попадались брошенные книги. Ю. М. выдвинул подхваченный другими солдатами лозунг: «Кто книгу врагу оставит, тот подлец». Так, они увозили книги из горящих городов²⁷. В первый год войны Ю. М. нашел немецкую книгу стихов Гейне на Украине, он носил ее в противогазе, выносил из всех боев и окружений, но во время боев на Кавказе книга потерялась. А потом, уже в Германии, ему попался том Гейне в издании, которое он с сестрами читал все детство дома. «Так что встреча была все равно что со старым другом. Для меня за каждым стихотворением тянется целая борода воспоминаний», – писал Ю. М. сестре Виктории²⁸. Таким образом, Ю. М. всю войну читал немецкие стихи²⁹,

он пробовал переводить их на русский, – перевел, например стихотворение, «Still ist die Nacht» (иногда называемое «Двойник»), посылал свои переводы сестре Лидии. Сестра, в свою очередь, тоже переводила Гейне и посылала ему в письмах свои переводы.

«Немецкая ориентированность» была для русской культуры традиционной; даже разжигавшиеся властями антинемецкие настроения во время Первой мировой войны и начинавшиеся репрессии против русских немцев в 30-е годы лишь немного поколебали ее. Для поколений, выросших после 1917 года, образ Германии был далек от тогдашней современности. Показательны в этом отношении слова Альфреда Шнитке: «Немецкое было для меня внутренне уничтожено и сведено к литературе, когда я увидел, что сама Германия – уже другая»³⁰. То, что многие филологически одаренные молодые люди выбирали своей специальностью немецкую филологию, было не случайным. «Их Германия» обладала особой притягательностью. Война поставила сложнейшие проблемы в отношениях двух культур, издавна породнившихся и постоянно влиявших друг на друга.

Гуманному и сдержанному отношению к врагу, естественному для интеллигентного человека и наблюдавшемуся, по ряду свидетельств, у многих солдат, противостояла тенденция выработки ненависти к немцам как к врагам, которая должна была, по мысли некоторых пропагандистов, способствовать повышению боевого духа в армии. Большую роль при этом играла опубликованная в 1942 году и перепечатывавшаяся в листовках, распространявшаяся в боевых частях статья Ильи Эренбурга «Убей немца!», где не делалось различия между немцами и нацистами. «Мы поняли: немцы не люди... Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал... Если ты убил одного немца – убей другого, нет для нас ничего веселее немецких

трупов». Та же позиция была выражена в стихотворении К. Симонова «Убей его!», написанном тогда же, в 1942 году. Безусловно, этот призыв поддерживался высшим эшелоном политуправления. На гребне этой ненависти из европейской части Советского Союза были депортированы все советские немцы, которых обвинили в шпионаже – правда, эта операция НКВД заранее тщательно подготавливалась. И позже, в апреле 1945 года, Эренбург писал в опубликованной в «Красной звезде» статье «Хватит!»: «Германии нет: есть колоссальная шайка, которая разбежится, когда речь заходит об ответственности». Но позиция советского руководства к тому времени изменилась, пропаганда ненависти была уже не нужна, даже вредна, особенно после вступления Красной Армии на немецкую территорию. В апреле 1945 г. в «Правде» появилась статья «Товарищ Эренбург упрощает», где сказано: «Ныне каждый убедился, и это особенно ясно видно на опыте последних месяцев, что разные немцы по-разному воюют и по-разному ведут себя». Автор статьи ссылается на Сталина, который еще в 1942 году писал: «Для германского народа все яснее становится, что единственным выходом из создавшегося положения является освобождение Германии от авантюристической клики Гитлера-Геринга». Эренбург направил Сталину письмо, в котором объяснял и отстаивал свою позицию.

Из многих высказываний и воспоминаний филологов-фронтовиков следует, что они отделяли немцев как нацию, а тем более немецкую культуру, от фашистов и понимали, что в немецкой армии оказались не только убежденные нацисты. И. М. Дунаевская говорит по этому поводу: «Я считала: человек без оружия мне не противник. Я догадывалась, что кто-то пошел в армию не по своей воле, по мобилизации, а кто-то и по идейным соображениям». Е. В. Ланда рассказывает: «Фашизм был для нас, как чер-

ный бес. Он не бросал никакой тени на немецкую культуру, например, на Гете. Это было бы глупо. Не представляю себе, чтобы мы не дали голодному немцу кусок хлеба». «Правда, – добавляет она, – я не могу судить о позиции тех, у кого погибла семья».

Родители С. Д. Кацнельсона погибли в Белоруссии, в Бобруйске. Немцы загнали там всех евреев в синагогу и заживо сожгли. В конце войны С. Д., уже знавший о гибели родителей, допрашивал пленного, который прошел от Белоруссии до Ленинградского фронта. «Что вы сделали с мирным населением в Бобруйске?» – спросил С. Д. «Какое мирное население? Одни евреи», – ответил немец. С. Д. хотел его ударить, но кодекс чести не позволил ему расправиться с пленным. Работая на Нюрнбергском процессе, С. Д. испытывал удовлетворение. Но он был далек от того, чтобы ненавидеть всех немцев и мстить им. В Нюрнберге к нему подошел интеллигентный молодой немец и попросил помощи. Это был сын Паулюса, который искал встречи с отцом. С. Д. взялся помочь ему (ведь он переводил именно при работе с Паулюсом) и водил его по всем инстанциям³¹. После войны С. Д. общался с немецкими коллегами, но избегал тех, кто запятнал себя сотрудничеством с нацистами. Он, в частности, встречался с жившим в ГДР крупнейшим германистом Теодором Фрингсом, обсуждал с ним проблемы акцентологии, которыми оба ученых занимались, обратил его внимание на работу Энгельса «Франкский диалект», в которой высказывались близкие Фрингсу идеи.

Т. Э. Барская рассказывает, что после прихода нацистов к власти в Германии какое-то время не верилось, что там могло произойти это. (Мало ли что говорит советская пропаганда!). После выхода фильма «Профессор Мамлок» по пьесе Фридриха Вольфа закрались большие подозрения, но все же была надежда, что краски там были сгущены, ведь фильм был создан в Советском Союзе. И лишь впослед-

ствии страшная правда подтвердилась. Во время войны Т. Э. и ее любимый человек, будущий муж Исай Семенович Янкельсон³² оказались на разных фронтах, а родители эвакуировались из Ленинграда на Кавказ. В 1943 году Т. Э. получила известие о гибели родителей, и это горе пошатнуло ее любовь к немецкой культуре. Тем не менее, ненависти или жестокости ко всем немцам не было ни у нее, ни у ее товарищей. Когда случайно попадали пленные, к ним относились без жестокости и даже жалели их – как вспоминает Т. Э.: «и чем дольше они находились в плену, тем больше жалели».

Военные переводчики, допрашивавшие пленных, проявляли заинтересованность, в первую очередь профессиональную, но и человеческую, искреннюю, обстоятельствами их жизни и военной службы. Только так можно было получить необходимые сведения и обрисовать общую картину состояния войск противника, настроения в немецкой армии, а также и обстановки в Германии. Эти сведения часто получали именно профессиональные филологи. И. М. Дьяконов писал: «Нашу “беседу” с немцами мы сами называли “допросом”, но официальное название было “политопрос”».

Задача политического опроса проста. Он не требует раскрытия военных тайн. Как уже упоминалось, немецкому солдату в плену разрешалось сообщать то, что содержалось в его Soldbuch: имя, фамилию, место и год рождения и номер части. Но разведчикам и СМЕРШу было нужно еще многое другое. Чтобы добыть данные о действиях, намерениях, силе и численности противника, пленных били, кормили селедкой, чтобы хотелось пить. Конечно, такие методы – свидетельство некомпетентности допрашивающего, независимо от этики, которой на войне нет. Хороший работник разведки не тронет пленного пальцем, а сведения получает, конечно, гораздо более достоверные. Мы же во-

обще только выясняли бытовые обстоятельства, новости из дому, анекдоты, характеристики офицеров и т. п. Все это тоже шло на пользу нашему командованию, но пленные об этом говорили легко».

«...уже в 1943 г. было напечатано четыре отчета переводчиков 7-х отделов из всех армий о технике политических опросов. Так случилось, что три из них были с нашего фронта – Эткинда, Касаткина и мой. У нас у всех были в этом деле свои амплуа: Фима вел опрос там, где были нужны находчивость и хитроумие, Шура специализировался на опросе идиотов, а я – интеллигентов» (с. 555).

Во всем этом «человеческое» или «человечное» совпадает с профессиональным, а профессионально военное с профессионально филологическим. Возможно, в этом особенность филологической профессии. Именно искренность интереса переводчиков, проводивших допросы, к находившемуся перед ними человеку, стремление понять его личность, помогало ленинградским филологам добиваться замечательных результатов. И это отнюдь не означает, что они относились к фашизму и к злодеяниям немцев с меньшей ненавистью, чем другие.

Вопрос о духовном мире нациста и о корнях фашизма постоянно был в центре интереса многих филологов на войне. «Обычно мы заводили разговор с пленными о расовой теории, о том, почему германцы считают себя лучше других», – пишет в воспоминаниях И. М. Дьяконов. Один из пленных, лейтенант Штейнманн, рассказывал, как «его не хотели принимать в училище потому, что у него челюсть не соответствовала требованиям для чистого арийца» (с. 590). У этого человека И. М. почерпнул целую энциклопедию знаний об устройстве Рейха, легшую в основу его обширного обзора. Филологи-переводчики стремились понять психологию рядового немецкого солдата. «...фашист – это мещанин, перешедший в действие (ибо

мещанин совести не имеет)», – к такому выводу приходит И. М. Дьяконов (с. 595).

Филологи задумывались и о возможном влиянии литературы на немецких солдат (что они читали?). «Меня всегда интересовал вопрос, читают ли немцы Гете, и у Бринкмана я это тоже спрашивал. Прочел ему стихи из Гете, и он безошибочно угадал, что это Шиллер», – пишет Дьяконов. Однажды после атаки в числе прочих вещей был захвачен томик стихов – сборник «Жатва современности», который попался в руки Е. Г. Эткинду. «...меня это обрадовало, – пишет Е. Г. – Если солдаты берут с собой на войну поэтические сборники, еще не все потеряно. Но потом я начал читать – и пришел в ужас: это была старая романтическая поэзия, но, скорее, жуткая на нее пародия. Вместо моего любимого «Прометея» Гете я там обнаружил стихотворение Йоганнеса Линке, написанное тем же размером и озаглавленное «Фюрер»... Рабские стихи! На месте Гете оказался Линке, на месте Гейне – Виль Веспер:

Мой фюрер, в любое мгновенье
Отчизна гордится тобой.
Твое сердце – поле сраженья,
За нашу Германию – в бой»³³.

Интерес к внутреннему миру противника, к врагу, к чужому, проявлялся и у тех филологов, которые непосредственно участвовали в боевых действиях. Прежде всего он был вызван наблюдениями чисто военными, далекими от этнографических и культурологических. «До сих пор происходили только количественные изменения у немцев. Теперь произошел качественный скачок», – писал Ю. М. Лотман своей сестре Лидии в августе 1943 года исключительно на основании собственного опыта³⁴. Но были и другого рода наблюдения. «На противоположном берегу, прямо против нас, был расположен немецкий наблюдательный пункт

и штаб. Мы прекрасно видели все, что там делается... Там шла оживленная штабная и наблюдательная работа, но снарядов у нас было так мало, что строго было приказано: стрелять только если противник начнет переправу. А наше молчание вдохновляло тот берег», – вспоминает Ю. М. Лотман³⁵. Далее он рассказывает о том, что немецкий часовой, охранявший вход в штаб, стоял совершенно голым, а русские солдаты припугнули его, «чтобы штаны надел». Ю. М. размышляет в связи с этим эпизодом не о невоспитанности немцев, как это делалали авторы пропагандистской литературы, а о разном отношении к телу в восточной (русской) и в западно-европейской традиции, приводя и другие примеры. Он вспоминал и о том, сколь различна была ситуация в оккупированных противником селах – об этом он знал не понаслышке: в одних происходили страшные зверства, в других продолжалась почти что мирная жизнь, что было вызвано разными причинами, о которых он размышлял. Размышления эти продолжались и при общении с населением оккупированной Красной Армией Германии (Ю. М. с детства знал немецкий). При всем том, что он стремился видеть причины явлений, он не освобождал немцев от ответственности. Когда он рассказывал³⁶, что видел в оккупированной Германии, в Берлине, надпись на мосту «Wir sind nicht schuld!» – «Мы не виноваты!», было ясно сколь неприемлема для него такая позиция, как и неприемлемо оправдание сталинизма и тоталитарного режима в России.

Мы затронули один важный аспект отношения к немцам как к противникам. Интеллигентные, думающие люди, о которых идет речь, понимали, как тоталитарная пропаганда может оболванивать человека и как трудно бороться с безумным, диким режимом. Фашизм в Германии в определенной степени сравнивался с тоталитаризмом в России, что, конечно, не умаляло злодеяний нацистов. Понимание

этого могло прийти сразу или постепенно, как результат последующего опыта. «Переосмысление нашего собственного террора шло негласно и понемногу, а что немецкий фашизм есть зло, не подлежало никакому сомнению», – писал И. М. Дьяконов (с. 492).

В. Г. Адмони передавал свои ощущения в начале войны так: «Мне даже не приходило в голову, что я и все мои близкие смогут пережить войну. И все же, с самого начала понимая, что Россия не сможет остаться вне войны, я был счастлив, что независимо от воли Сталина и, скорее всего, против воли Сталина Россия воюет на правильной стороне – воюет против фашизма»³⁷. Через много лет после войны Е. Г. Эткинд констатировал, что Германия быстро прошла «путь обновления» и гораздо быстрее достигла демократии, чем Россия, «вынужденная выкарабкиваться из-под развалин гигантской империи»³⁸.

Бывало и так, что случайные послевоенные встречи филологов-фронтовиков напоминали им о военных годах. Так, М. И. Дикман и Ю. Д. Левин встречались с приезжавшим в Ленинград немецким литературоведом-славистом Харальдом Раабом, издававшим, в частности, Пушкина на немецком языке. Когда оказалось, что гость выполнял во время войны ту же работу, что и гостеприимные хозяева, это не вызвало взаимной антипатии; напротив, они почувствовали себя своего рода коллегами. Было известно, что Рааб не был убежденным фашистом; он любил и изучал русскую культуру.

Через много лет после войны Ю. М. Лотман был приглашен в ГДР и, находясь по приглашению коллег вблизи Потсдама, увидел знакомые со времен войны высотки. Об этом он рассказывал с юмором. С немецкими коллегами – Клаусом Штеттке, Карлом Аймермахером и др. – он поддерживал дружеские отношения, сотрудничая с ними.

В жизни Ю. Д. Левина произошел еще один напомнивший ему о его военном прошлом эпизод, о котором он с удовольствием рассказывает. В 1988 году ему было присвоено звание почетного доктора литературы Оксфордского университета. «В торжественной процессии в Оксфорде, предшествовавшей присвоению степеней, в маленькой колонне из шести будущих почетных докторов я оказался в первой паре с президентом ФРГ господином Рихардом фон Вейцекером; ему была присуждена степень доктора гражданского права. Он сразу же произвел на меня впечатление человека глубоко интеллигентного. В ходе процессии мы разговорились и выяснилось, что мы сверстники, одногодки, а во время войны нам довелось находиться на двух противостоящих сторонах одного Ленинградского фронта, а затем на острове Эзель», – вспоминает Ю. Д.³⁹ Впоследствии Вейцекер прислал ему фотографию, где оба они запечатлены на церемонии. Вайцекер написал Ю. Д. Левину по-английски: «Добрая судьба потрудились свести нас в эту позднюю пору нашей жизни, чтобы привлечь обоюдное внимание к тому, сколь многое мы разделили в своем личном опыте. Потребовалось лишь пять минут пройти бок о бок в процессии к Шелдонскому театру, чтобы узнать, насколько мы близки друг другу».

4. Опыт войны и последующая работа

После войны филологи-фронтовики вернулись к своей мирной специальности. Показательно, что германисты не отказались от своей профессии. Они продолжали изучать немецкую литературу, немецкий язык, в основном, к сожалению, в условиях изоляции от мировой науки. Достижения советской германистики становились общепризнанными, если только удавалось вывести их на международную арену. Так, «Немецкая диалектология» В. М. Жирмунского, работы по немецкому синтаксису В. Г. Адмони, а

позже и В. М. Павлова и некоторые другие исследования советских германистов получили большое признание в ГДР и в ФРГ. Сохранялся и высокий уровень преподавания.

Многие из ученых, о которых шла речь выше, внесли большой вклад в филологию. Их научная деятельность широко известна, поэтому мы только упомянем о ней. О других, может быть, стоит рассказать подробнее.

Игорь Михайлович Дьяконов – один из крупнейших ученых-гуманитариев нашего времени, востоковед-универсал, изучавший культуру в целом, то есть историю, экономику, литературы и языки народов древнего Ближнего Востока. Он – автор 27 монографий и более 500 статей, переводчик восточной поэзии. С. Д. Кацнельсон – классик отечественной лингвистики, языковед-теоретик, изучавший проблемы соотношения языка и мышления, теории значения, морфологии и синтаксиса, акцентологии германских языков, впервые введший в научный оборот понятие валентности, германист, внесший большой вклад в изучение немецкого, древнеисландского и других языков со сравнительно-исторической и типологической точек зрения. Л. Р. Зиндер – крупнейший фонетист и фонолог, развивший учение Щербы, автор основополагающих работ по фонетике и грамматике немецкого языка в синхронии и диахронии. Он не только руководил кафедрой фонетики, но и стоял у истоков математической лингвистики в Ленинграде. В. Г. Адмони – получивший мировое признание специалист по немецкому синтаксису, литературовед, переводчик, поэт. Ю. М. Лотман широко известен как крупнейший литературовед – специалист по XVIII и XIX веку в русской литературе, семиотик, основатель тартуской школы.

Большинство филологов начали или продолжили свою работу сразу после демобилизации, несмотря на далеко не

идеальные условия жизни, а иногда и не очень хорошее состояние здоровья; они мечтали о ней еще во время войны. Ю. М. Лотман рассказывал: «Наконец, пришла и демобилизация... Мы приехали в Ленинград глубокой ночью... Дома все спали, меня не ждали. На другой день я поехал в университет. Я восстановился в университете и с какой-то жадностью алкоголика принялся за работу. Из университета я бежал в Публичку и сидел там до самого закрытия. Это было совершенно осязаемое чувство счастья»⁴⁰.

Б. А. Ильиш, выдающийся англист, еще во время войны возобновил преподавательскую работу. 15 октября 1943 г. в блокированном Ленинграде открылся филиал ЛГПИ, одну из кафедр которого он возглавил. Впоследствии Б. А. Ильиш оказал большое влияние на советскую англистику. Его книга «Современный английский язык» и ее более поздний вариант «Строй современного английского языка», а также «История английского языка», выдержавшая 5 изданий, тиражами в десятки тысяч экземпляров стали настольными книгами для многих поколений англистов.

Е. Г. Эткинд уже в 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию о творчестве Золя. После демобилизации в 1948 г. он начал преподавать французский и немецкий языки в Ленинградском пединституте иностранных языков, но в 1949 г. был уволен из-за «космополитической кампании». Некоторое время он работал в Тульском пединституте, а с 1952 г. был доцентом Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена. В семинаре, который Е. Г. вел в Союзе писателей, была воспитана целая плеяда переводчиков. В 1965 г. он защитил докторскую диссертацию «Стихотворный перевод как проблема сопоставительной стилистики». Он издал множество книг и статей. Важным вкладом в германистику была, например, его монография «Бертольд Брехт. Жизнь и творчество» (1971). Брехт всегда был одним из любимых писателей Е. Г. Пьесы Брехта нередко

шли в театрах в переводах Эткинда. В 1974 году Е. Г. был изгнан из Советского Союза, поселился во Франции, был профессором Десятого Парижского университета. И во Франции Е. Г. создал школу переводчиков – под его руководством было подготовлено двухтомное издание Пушкина на французском языке.

Г. Ю. Бергельсон демобилизовался и вернулся в Ленинград с желанием работать по специальности, но из-за «космополитической кампании» 1949 года невозможно было устроиться на работу. Его взяли учителем в школу, скоро он стал любимым педагогом. Затем он работал в издательстве «Художественная литература» и преподавал в Педагогическом Институте имени Герцена. Он переводил не только с немецкого, но и с французского и испанского. В числе переведенных им авторов Гердер, Ницше, Гауптман, Гофман, Белль, Криста Вольф, Гюго, Пардо Бажан, Фуэнтес. По произведениям немецких писателей – от Гете до Брехта – Г. Ю. создал композицию, легшую в основу пользовавшегося широкой популярностью спектакля Театра им. Ленсовета «Люди и страсти». Последней работой Г. Ю. было издание русского перевода разговоров канцлера Мюллера с Гете; эта книга еще находится в печати.

И. М. Смолянский вернулся после работы в Вене в Ленинград. Преподавал историю немецкого языка в университете, защитил диссертацию по историческому синтаксису (о развитии конструкций с глаголами *haben* и *sein* плюс инфинитив), был одним из авторов учебника для университетов.

И. М. Дунаевская вернулась после войны в университет, закончила Немецкое отделение и занималась также на Ассирио-Вавилонском. В 1948 г. получила рекомендацию в аспирантуру, но не смогла туда поступить из-за начавшейся «космополитической кампании». Преподавала немецкий язык в вечерней школе, где работали и другие спе-

циалисты, которых не брали в научные учреждения (уровень преподавания в этой школе был тогда особенно высок, выпускники без труда поступали в вузы). Впоследствии И. М. много лет работала в Институте востоковедения. Она изучала язык древнейшего населения северо-восточной части Малой Азии – хаттов, или протохеттов.

Е. В. Ланда защитила диссертацию о Гриммельсгаузене под руководством выдающегося литературоведа Берковского, преподавала немецкий язык в Финансовой академии, а затем в Технологическом институте. Написала целый ряд статей о немецкой литературе XIX века, участвовала в русских изданиях немецкой классики.

П. Р. Биркан преподавал на кафедре немецкой филологии в университете, занимался немецкой литературой XX века, в частности творчеством Бехера, – в 1959 году вышла его книга об эстетических взглядах Бехера. Он участвовал в изданиях Бехера в ГДР, подготовил докторскую диссертацию о Бехере, но не успел защитить ее из-за внезапной смерти в 1978 году.

Т. Э. Барская защитила диссертацию о Руссо, работала много лет переводчиком, издала книгу о Дидро.

М. И. Дикман защитила диссертацию, работала старшим редактором в издательстве «Советский писатель». Она много сделала для русской культуры, стараясь по возможности провести через цензуру «крамольные» тексты. Публиковала стихи Ахматовой, борясь за каждое стихотворение, издала том стихотворений Сологуба, сочинения Лидии Гинзбург и многое другое. Юрий Давидович Левин (ее муж) – признанный специалист по английской литературе и теории перевода, переводчик, доктор филологических наук. Его докторская диссертация, защищенная им в 1968 году, была посвящена Шекспиру в русской литературе XIX века. Ю. Д. – почетный доктор Оксфордского университета, член-корреспондент Британской Академии.

Он много лет работает в Секторе взаимосвязей русской и зарубежной литературы Пушкинского Дома. В списке его публикаций более 300 наименований.

Годы войны были огромным испытанием, опыт военных лет был привнесен во всю последующую жизнь. Для германистов самое поверхностное проявление этого опыта – знакомство с живой немецкой речью, включая ее разновидности – например, сленг, диалекты. С. Д. Кацнельсон говорил, что, когда он учил немецкий язык, он никогда не думал, что будет непосредственно применять свои знания в живой переводческой работе; тем не менее, ему пришлось допрашивать множество немцев. Рассказывая о местоимениях в истории германских языков, И. М. Смолянский с особой нежностью говорил о форме *euch* (в значении 'euch') в австрийском варианте немецкого языка, восходящей к двойственному числу, которую он слышал в Австрии, что производило на студентов большое впечатление.

В условиях железного занавеса не только ученики, но и преподаватели иностранных языков чаще всего никогда не имели возможности свободно общаться с носителями языка, путешествовать, изучать соответствующую культуру. Например, Л. Р. Зиндер, всю жизнь занимавшийся немецкой фонетикой, только один раз был за границей – в Чехословакии, а Татьяна Викторовна Строева вообще за границей не была.

Более пристальный взгляд позволяет увидеть и более глубокое влияние. Как писал Давид Самойлов: «Война, беда, мечта и юность. / И это все в меня запало. / И лишь теперь во мне очнулось». В работе филолога проявляется его личность, его опыт не только в науке, но и в жизни. Филологи, прошедшие войну, приобрели опыт человеческого общения в экстремальных ситуациях, общения не только с себе подобными, но и с противниками, а кроме того, с людьми других социальных слоев. Такая «работа с инфор-

мантами» дала способность понимания «текста» в самом широком смысле этого слова. Опыт такого рода неоченим и для изучения древних культур, когда ученый должен представить себе, что думали люди, весьма далекие от него.

Таковыми были наши учителя. Война для них стала мериллом жизненных ценностей, хотя последующие события часто были не менее трагичны, чем пережитое на войне.

Автор благодарит за помощь в сборе материала Л. Ю. Брауде, Т. Э. Барскую, Е. В. Ланда, Т. И. Смолянскую, Л. М. Лотман, семью Зиндер, М. И. Беккер, И. М. Дунаевскую.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нарком обороны Ворошилов отменил студентам отсрочку призыва, поэтому многие юноши оказались в армии уже в 1939–1940 гг. – некоторые попали туда со студенческой скамьи.
2. З. И. Плавский. Готя, Георгий Владимирович и «Тройственный союз». *Res Philologica – II. Филологические исследования. Сборник статей памяти академика Георгия Владимировича Степанова.* Издательство «Петрополис». Санкт-Петербург. 2001, с. 37.
3. Предисловие к книге: Ю. С. Маслов. *Избранные труды.* Москва. Языки славянской культуры. 2004. С.10.
4. И. Н. Юматова. *Филологи на фронте Великой Отечественной войны.* Санкт-Петербургский университет, 1995, 13, 4, 5.05.
5. Филологи других специальностей, о которых пойдет речь далее, хотя и не были германистами, были хорошо знакомы с немецкой культурой, знали немецкий язык, использовали эти знания и на фронте, и в дальнейшей научной работе.
6. Е. В. Ланда. Устное сообщение.
7. Юрий Левин, Минна Дикман. *Военная автобиография.* В: Книга живых. International Electronic and Technical Scientific Library. <http://interlibrary.narod.ru/GenCat/GenCat.Scient.Dep/GenCatHisdoc/Bookalive/9020000059/9020000059.htm>
8. Т. Э. Барская. Устное сообщение.
9. Ю. Д. Левин. *Op.cit*
10. И. М. Дьяконов. *Книга воспоминаний.* Санкт-Петербург, 1995, с. 524. (Далее цитируется в тексте).
11. Существовал тайный приказ Гитлера от 23 сентября 1941 г. о «будущем города Петербурга». Ленинград должен был быть полностью разрушен и стерт с лица земли. Отмечалось, что все просьбы о сдаче города будут отклонены и что немецкое командование не заинтересовано в сохранении даже части населения.
12. Л. Г. Винницкий. *Бойцы особого фронта. Записки офицера разведки.* Лениздат, 1980. С.77.
13. Там же, с.143–144.
14. Л. Р. Зиндер, Л. Л. Шайович. *Краткое пособие для военного переводчика по обработке трофейных документов.* Издание РО Штаба Ленинградского фронта. 1944.
15. См. об этом: Л. Ю. Брауде. Два ключика. В кн.: *Эстафета вечной жизни.* Изд. Грифон. С.-Петербург, 1995. С. 156-162.
16. М. И. Бурцев. *Прозрение.* М.: Воениздат, 1981. Глава 5. http://militera.lib.ru/memo/russian/burtsev_mi/index.html
17. Ефим Эткинд. *Двойник.* В кн.: *Записки незаговорщика.* Барселонская проза. С.-Петербург. 2001. Академический проект. С. 343.
18. Там же. С. 339.
19. Ефим Эткинд. *Эбензее.* В кн.: *Записки незаговорщика.* Барселонская проза. С.-Петербург. 2001. Академический проект. С. 353–362.
20. По устному рассказу Татьяны Исааковны Смолянской.
21. Устный рассказ И. М. Дунаевской. См. также: *Лада Троицкая. Удивительная женщина с веселыми глазами.* Санкт-Петербургский университет, 1997, 29 января, 2.
22. См. об этом: Нисон Шапиро. *Семеро из семнадцати.* Нева. 2002, № 9. С. 223–225, где речь идет о студентах и преподавателях биофака Ленинградского университета, в том числе о муже И. Дунаевской биологе В. Грацианском, погибшем на этом участке фронта.
23. Тамара Сильман, Владимир Адмони. *Мы вспоминаем.* Издательство «Композитор», 1993, с. 247.
24. См. о ней: Ефим Эткинд. *Победа духа.* В кн.: *Записки незаговорщика.* Барселонская проза. С.-Петербург. 2001. Академический проект. С. 380–389.
25. Петершуде окончили, например, известные филологи С. В. Полякова, Г. М. Фридендер, Н. Я. Дьяконова, Л. М. и Ю. М. Лотман, замечательный переводчик С. В. Петров. До 1928 года преподавание на немецком отделении Петершуде целиком велось по-немецки, затем школа была фактически разгромлена, но еще не-

которое время уровень преподавания немецкого отставался высоким.

26. Маленькая свобода. 25 немецких поэтов за пять веков. В переводах Ефима Эткинда. Санкт-Петербург, 1998. С. 6. (Предисловие – «Моя Германия»).
27. Л. М. Лотман. Устные воспоминания.
28. Ю. М. Лотман. Письма... С. 20. О чтении Гейне упоминается и в других письмах Ю. М. Из немецкой литературы на фронте он, кроме того, читал романы Б. Келлермана.
29. Напомним, что Гейне был с 1933 года запрещен в Германии; его хрестоматийное стихотворение «Ich weiss nicht, was soll es bedeuten...» («Лорелея») печаталось как «народная песня».
30. Беседы с Альфредом Шнитке. Составитель А. В. Ивашкин. Москва. Классика-XXI. 2003. С. 25.
31. По устным рассказам Л. Ю. Брауде.
32. И. С. Янкельсон – впоследствии видный инженер, специалист по радио- и телевизионным системам, автор и редактор немецко-русских словарей по радиотехнике и радиоэлектронике, над которыми он работал в сотрудничестве с переводчицей-германисткой Ниной Леопольдовной Позен, участницей войны, как и многие, выпускницей Петершале.
33. Маленькая свобода... С. 6–8.
34. Ю. М. Лотман. Письма. Школа «Языки русской культуры». Москва. 1997. С. 187.
35. Ю. М. Лотман. Не-мемуары. В кн.: Лотмановский сборник. Изд. «ИЦ-Гарант». Москва. 1995. С. 21–22.
36. Ю. М. Лотман. Устный рассказ.
37. Тамара Сильман, Владимир Адмони. Мы вспоминаем. С. 235.
38. Е. Г. Эткинд. Маленькая свобода..., с. 10.
39. Юрий Левин, Минна Дикман. Военная автобиография..
40. Ю. М. Лотман. Не-мемуары. С. 33–34.

В. М. Павлов

ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Я уже упомянул, что за десяток дней до начала войны приехал в Одессу на каникулы, что было обычным делом, меня уже до этого несколько раз отправляли на лето в Одессу. Кстати, еще когда в мои самые ранние годы я постоянно находился при бабушке, и потом, когда я уже жил в Ленинграде, бабушка собирала у себя внуков (кроме Бориных детей, то есть троих – меня, Инку и Ирку) и возила на лето куда-нибудь «на дачу», снимавшуюся на все летние месяцы. Приехал я на этот раз (как и в предыдущем году) не к деду с бабушкой, а к Павловым, но, естественно, был частым гостем на улице Кирова. 22-го июня началась война. Это было воскресенье. Мы, а именно Надя Павлова, Миша, Джон маленький и я (обо всех Павловых я еще расскажу), были на дневном спектакле в театре (помню, что это был русский драматический театр из Минска). Узнали мы о том, что началась война, во время антракта после первого действия. Театр моментально опустел. Отмечу одну из характерных реакций на такое известие: город бросился в магазины за солью и спичками... По радио передали, что немцы бомбили ряд городов, и в этом списке была и Одесса. Должен сказать, что, во всяком случае, на сам город и на порт в течение первого месяца войны налетов не было. Первые бомбы посыпались 22 июля, и налеты стали ежедневными. А 29 июля дед, бабушка и я в порядке эвакуации совершили в порту (с десятком «мест» багажа) посадку на теплоход «Кубань». Это была совместная эвакуация Одесского университета и Одесского пединститута. «Кубань» тащила за собой плавучий док, и поскольку это было очень ответственное дело, караван имел прикрытие с воздуха и его сопровождали катера охранения. До этого уже были случаи, когда суда, вывозившие из Одессы людей,

были потоплены. У нас плавание прошло благополучно – мимо берегов Крыма в Керчь. Оттуда «Кубань» направилась в Новороссийск, а эвакуируемых пересадили на палубу дока и отбуксировали док через Азовское море в Мариуполь. Из Мариуполя же нас через несколько дней перебросили – тоже морем, вдоль берега – в Бердянск. Первоначально Бердянск и считался конечным пунктом эвакуации. Но немцы за то же время так продвинулись на восток по территории Украины, что Бердянск как место размещения одесских вузов начисто отпадал. Дальнейший путь вел (железной дорогой) на Северный Кавказ, в Краснодарский край, и закончился в Майкопе, главном городе Адыгейской автономной республики (или автономного округа?) в составе Краснодарского края. Симпатичный город, небольшой, чистенький, в основном одноэтажный, кроме, пожалуй, одной центральной улицы. Там нашлось место для одесских вузов, они провели дополнительный прием студентов и начали работу. Сама эвакуация, наше пребывание «на колесах» длилось почти два месяца, потому что мы неделями застревали то в одном, то в другом месте, дожидаясь решения «в верхах» вопроса «Куда дальше?» и в ожидании транспорта. Жили при этом под открытым небом, например, в Бердянске в городском парке, благо было лето. В Майкопе наша семья сняла на окраине города комнату в практически деревенском доме. Дед работал, читал лекции. Весной 1942 года он защитил в ученом совете Одесского университета кандидатскую диссертацию по аналитической геометрии. Дело в том, что до середины 30-х годов еще не было современной системы научных степеней и званий, и дед считался «профессором» по должности и выполняемой работе, а когда упомянутая система была введена, ему присвоили звание доцента (без степени). Степень же кандидата наук открывала путь к дальнейшему продвижению по «карьерной» лестнице (от чего зависел уровень зарпла-

ты). Бабушка занималась хозяйством, а в Майкопе в те месяцы, что мы там были, накормить нас было сравнительно нетрудно, Краснодарский край не страдал отсутствием продовольствия. Я пошел в школу, которую и успел окончить, прежде чем снова пришлось сниматься с места.

Немцы уже наступали в направлении Волги, к Сталинграду, а в самом начале августа двинули войска из Ростова в Краснодарский край, на Кубань и дальше по Северному Кавказу (дошли, кажется, до курортного Пятигорья – Пятигорска, Кисловодска, Минеральных вод, Ессентуков, подошли вплотную к Чечено-Ингушетии (город Грозный оккупирован не был). Покатались они обратно сами, так как после разгрома 6-ой армии под Сталинградом их армия на Кавказе легко могла быть отрезана и уничтожена. В начале же августа 1942 года наш фронт под Ростовом был мгновенно прорван, и немцы двинулись, не встречая серьезного сопротивления, как раз в том направлении, где мы находились. 5-го августа университету и пединституту дали два (больших) товарных вагона и одну открытую платформу, и этот транспорт двинулся на запад, в направлении Черного моря, к Туапсе. Ехали сотрудники с семьями, а из студентов только инвалиды, остальные вышли из Майкопа пешей колонной через горные перевалы тоже в направлении моря. 5-го августа мы покинули Майкоп, 7-го немцы его заняли. В этот же день на сортировочной станции Туапсинского желдорузла, где наш поезд был на время остановлен, случилось несчастье. Надо упомянуть, что дед и бабушка находились две ночи подряд (и один день) в товарном вагоне, где было такое скопление людей и вещей, что спать там было невозможно (я с несколькими парнями моего возраста устроился в прицепленном к нашему составу снегоочистителе). Было раннее утро. Дед отправился в станционный ларек за хлебом (перед отъездом всем были выданы дорожные продовольственные карточки). Бабушка около ва-

гона поливала мне из ковшика воду на руки, чтобы я мог умыться, когда раздался чей-то вопль: «Старый профессор под паровозом!». Им оказался дед. Когда я подбежал к месту, где случилась беда, маневровый паровоз, один, без вагонов, медленно отъезжал назад. Я пощажу читающего эти строки и не буду рассказывать в деталях, что я увидел, когда паровоз отъехал. Деда увезла «скорая». Мы с бабушкой нашли больницу и морг. Похоронили – с помощью добрых людей – в тот же день на одном из туапсинских кладбищ (поезд с нашими ушел дальше, и надо было догонять, чтобы не потеряться, не остаться одним, что могло бы кончиться чем угодно). На могиле остался колышек с дощечкой, на которой я написал имя деда. Конечно, найти могилу, когда мы с Людмилой в 1948 году при посещении Туапсе попытались это сделать, оказалось невозможно. В колумбарии московского крематория установлена табличка с именем деда. Дедушке Исаю Давидовичу Дубу было 64 года, и он ничем не болел. Они с бабушкой были одногодки, оба родились в 1878 году и рано поженились.

Мы с бабушкой застали бродячий университет и пединститут в Гаграх, городе, до которого тогда уже доходила прибрежная железная дорога (ее продолжали строить). Нашли весь табор в центре города, в парке (Гагры вытянуты вдоль моря узкой полосой в несколько километров). Эвакуация продолжилась морем в Сухуми, далее в товарных вагонах через Закавказье в Баку, оттуда через Каспийское море в Красноводск, из Красноводска пару тысяч километров железной дорогой до станции Чирчик севернее Ташкента, а оттуда обратно в Туркмению, в районный город Байрам-Али неподалеку от областного центра Мары. Там некий административный центр, может быть, в самой Москве, решил разместить два эвакуированных одесских вуза. Я еще в дороге, которая длилась в общей сложности два месяца, был зачислен студентом на первый курс факульте-

та русского языка и литературы педагогического института. Проучился я (на курсе было человек десять) до апреля 1943 года. Жили мы с бабушкой в одной общей большой комнате вместе с еще несколькими семьями сотрудников пединститута, кроватей не было, располагались на тючках, в которых были сложены наши вещи, частично то, что удалось вывезти еще из Одессы. Было голодно. Приходилось, выйдя на базарную площадь, продавать там туркменам свои вещи, например, отрез какой-то материи и т. п. Чтобы заглушить голод, я грыз хлопковый жмых – твердые зеленые пластины спрессованных семян, остающиеся после выжимания хлопкового масла.

7 апреля 1943 г. меня призвали в армию. Мне было 17 лет и 4 месяца от роду. С небольшой группой других парней я был доставлен в Киргизию, в станицу Беловодскую (с почти сплошь русским населением), это на железной дороге к Фрунзе, нынешнему Бишкеку, столице республики. Там я стал курсантом ШМАС – 51-ой Школы младших авиационных специалистов (эвакуированной в Беловодскую из украинского города Овруча). Четыре месяца обучения специальности «мастер по авиавооружению» (бомбы, пулеметы, авиапушки и т. д.). По окончании мне присвоили звание младшего сержанта и в составе небольшой группы отправили в Москву в штаб Авиации дальнего действия (размещался в Академии им. Жуковского) для дальнейшего распределения. АДД, сформированная в начале 1942 года, была особым авиационным срединением, которое подчинялось непосредственно Ставке главного командования. Я был направлен в 455 бомбардировочный авиаполк, который базировался на аэродроме Туношное вблизи Ярославля и которым командовал около года после моего прибытия туда 1-го сентября 1943 г. подполковник Чеботаев. Начал я с чисто аэродромной службы: подготовка самолетов к боевым вылетам – уход за пулеметами, их

проверка, снабжение боеприпасом, подвеска бомб и т. п. Полк выполнял только ночные полеты, так как самолеты ИЛ-4 в начале войны не выдерживали столкновений с немецкими истребителями в дневное время и массово сбивались. После перехода на ночную «работу» потери резко снизились. Зачастую за ночь производилось по два и даже по три вылета, если расстояния до целей были сравнительно невелики, и это означало для аэродромных служб дежурства с вечера до утра. Общая численность полка составляла примерно 150 человек (при 32 летных экипажах: три эскадрильи по 9 машин плюс самолеты командира полка и его заместителей), на «наземников»-солдат приходилась едва ли пятая часть состава полка, а на них возлагалась и вся караульная служба, наряды на кухню («картошку чистить») и тому подобное. Результат: спать удавалось лишь урывками. В середине 1944 г. я был переведен в летный состав – в воздушные стрелки и включен в экипаж зам. командира полка майора Бориса Исааковича Азгура (брат известного минского скульптора). Летать доводилось, правда, с разными экипажами. Экипаж состоял из четырех человек – пилота, штурмана, стрелка-радиста и воздушного стрелка. Я был, так сказать, четвертой спицей в колесе.

К середине 1944 года полк приобрел в результате ряда наград и благодарностей командования звучное наименование: 30-ый Гвардейский Краснознаменный Смоленский бомбардировочный полк Aviации Дальнего Действия. Я стал гвардии сержантом, в каковом звании навсегда и остался. При перебазировании вслед за продвигающейся на запад линией фронта мы побывали на аэродромах Мигалово под Калинином (Тверью), Шаталово в Смоленской области, в каком-то месте в Белоруссии, название которого я забыл, и на аэродроме под западно-белорусским городом Лида. С этого аэродрома состоялся мой последний вылет.

В течение января 1945 г. вылетов почти не было, не позволяли метеоусловия. Каждый день ставилось и прорабатывалось задание, а затем следовал отбой. В ночь на 27 января команда на вылет (с большим опозданием, около 2-х часов ночи) была дана. Экипаж: пилот старший лейтенант Михаил Михайлович Куприянов (1923 г. рожд.), штурман капитан Василий Дмитриевич Хорьков (30-ти с небольшим лет), стрелок-радист Алексей Ключников (род. в 1927 г.) и я. Цель – ж.-д. узел Хойнице, что на юго-запад от Данцига. Вылетели самолетом-осветителем, бомбовая нагрузка – САБы, светящие авиабомбы (загораются на высоте примерно 1000 метров и спускаются на парашютиках, довольно медленно, освещая при этом местность для прицельного бомбометания другими самолетами полка). Было минус 25°. Полет начался при ясном, лунном небе. Через час стала наплывать облачность, сначала снизу, потом и сверху, так что при подлете к району цели, часа через два с половиной, мы оказались между двумя слоями сплошных облаков. Самолет вел себя до этого времени нормально. Штурман на пробу сбросил три бомбы, но из-за облаков мы даже не увидели свечения. Офицеры приняли решение возвращаться. И тут пилот совершил ошибку: по привычке, уходя от цели, пошел на снижение. На высоте порядка 3500 метров машина вошла в густой снегопад и начала обледеневать. Обледенение привело к дальнейшему, уже вынужденному снижению, и затем, на высоте 500 метров, встал вопрос, выбрасываться ли на парашютах или совершать вынужденную посадку – почти вслепую и на незнакомой местности. Да семь бомб еще не были сброшены. Летчик решил сажать, в общем, со смертельным риском. Повезло, успел заметить деревья на фоне снега, когда еще оставались секунды, чтобы выпрямить самолет, и при этом он оказался над полем. Сели «на живот», как в авиации было принято говорить. До рассвета оставалось еще часа два, и

нам удалось дойти до леса, оставляя, кстати, следы в глубоком снегу. Почему нас по этим следам не начали сразу же преследовать, остается загадкой. Лесами мы шли на восток, в направлении фронта. Мы находились на территории так называемого Польского коридора (полоса вдоль нижнего течения Вислы), отделявшего собственно Германию от Восточной Пруссии, а в Восточной Пруссии с 12 января шло наступление Красной Армии (с опережением ранее намечавшихся сроков в связи с просьбой союзников о помощи, так как немцы в Арденнах предприняли – последнюю в этой войне – попытку переломить ее ход своим отчаянным наступлением). В ночь на 31 января мы добрались до берега Вислы. Река, на нашу беду, оказалась незамерзшей, и мы двинулись вдоль берега на юг, надеясь найти где-нибудь лодку. На немецкий заградпост натолкнулись совершенно неожиданно, часовой у небольшого одиноко стоящего домика поднял тревогу, и мы были окружены солдатами. С одной стороны Висла, с другой стороны поле со снегом выше колена. Нетрудно было доказать, что четырьмя дураками стало на свете меньше, выполняя сталинский наказ «советский солдат не сдается», но мы этот наказ выполнять не стали.

Этапы плена. 31-го доставили в Данциг. 4-го февраля самолетом Ю-52 перебросили в город Штольп на побережье западнее Данцига километрах в 100–120. 8-го февраля нас четверых присоединили к колонне советских военнопленных, которую вывели из-под Кенигсберга, она прошла уже не одну сотню километров (и потеряла по дороге чуть не половину своего первоначального состава). Марш продолжался шесть недель. Колонна еле ползла, со скоростью километра три в час, не больше. Конвойная команда состояла из пожилых солдат и отчасти из инвалидов. Помню конвоира с одним глазом. Были грубы, даже очень, но садистов я среди них не приметил. Впрочем, оставших в

живых, видимо, по приказу, не оставляли. И на телеги, сопровождавшие колонну, ослабевших не брали. Так что ситуация диктовала: шагай, или тебе конец. Интересно, что, несмотря на условия, далекие от человеческих, ни я, ни мои товарищи, насколько я помню, за все время плена ни разу не чихнули. Отмечу здесь же важный момент везения. Он состоит в том, что мы четверо все это время оставались вместе. Немцы, как правило, содержали пленных офицеров и солдат-сержантов-старшин отдельно, но сначала остановка пешей колонны, а потом содержание в лагерной тюрьме, да и всеобщий развал рейха в последние недели войны – не до того им было, чтобы строго соблюдать собственные порядки.

12-го или 13-го марта колонна, оставив за собой Померанию и восточную часть Мекленбурга, остановилась на окраине какой-то деревни. Ее разместили в двух или трех сараях. Остановка длилась неделю. Двое пленных предложили нам бежать вместе с ними. Одного из них помню: Орлов, бывший майор (скрывал свое офицерское звание), нач. тыла некоей крупной воинской части, в плену с осени 1941 года. Второй (не помню, как он себя назвал) сказал, что он ленинградец. В ночь на 19-ое, тихо раздвинув доски, образующие боковую стену сарая, мы поочередно выбрались и собрались поодаль у заранее намеченного дерева. Часовой ничего не заметил. Шли ночь, прятались следующий день, шли еще ночь, под утро опять укрылись. Места безлесые, прятаться пришлось в сараях на краю деревень, под сеном и соломой. На второй день нас учуяли дети, игравшие в том же сарае, где мы по разным углам спали, зарывшись в солому. Выкопали нас из-под нее крестьяне, причем солому они разбрасывали вилами. Хорошо еще, что не прошили вилами насквозь.

Было это 21-го марта. Те, которые нас «поймали», наверное, убили бы нас. Мне кажется, хотя понимал я их

плохо, что нечто в этом духе звучало в их переговорах. Я забыл упомянуть, что с детства занимался немецким языком, года три имел частные уроки, а потом столько работал с книгой и неотступно со словарем, что к шестнадцати годам мог читать прозу Гете, к словарю почти не прибегая (в школе же был английский, с которым я тоже неплохо справлялся и много занимался дополнительно). «Поймали» нас старики-«ландштурмовцы», одетые в полувоенное, с допотопными винтовками, а немецкая пропаганда была полна сообщений о том, как русские безжалостно уничтожают на дорогах бегущих от них немецких детей, женщин и стариков. На наше счастье в той же деревне был молокозаводик, на нем работала команда военнопленных, а при них были караульные, и нас передали им. Думаю, что некоторую осмотрительность в обращении с нами вызывало то, что на нас были летные комбинезоны, а это все же нечто для простого военнопленного необычное. Наверное, посещала мысль о нашей особой важности. Последовал (22–23 марта) пеший конвой в лагерь военнопленных на окраине столицы Мекленбурга города Шверина. Посреди территории лагеря находился отдельный кирпичный одноэтажный барак, обнесенный забором из колючей проволоки, – лагерная тюрьма, в которую нас и поместили, по двое в трех камерах с двухэтажными нарами (меня вместе с Мишей Куприяновым). На следующий день вызывали по отдельности на допрос, но проводили его как-то и не очень заинтересованно, больше всего офицера занимал вопрос о том, не убили ли мы кого-нибудь при побеге. Видимо, убедился в том, что в этом мы неповинны. Пробыли мы в шверинском лагере четыре дня. Был один интересный эпизод. Сначала унтер-офицер-охранник обращался с нами подчеркнуто грубо, а потом почему-то сменил интонации на более человеческие. На третий день нашего пребывания в этом месте он вызвал из камер в коридор нас четверых, без

Орлова и второго «старого» пленного, и провел нас в свое помещение у входа в тюрьму. Там сидел какой-то человек, явно один из пленных, крепкий, с черной шевелюрой и с веселыми глазами. Представился на несовершенно русском, не называя своего имени, как француз и бывший боец на стороне республиканцев в гражданской войне в Испании (1935–1938), а сейчас – руководитель подпольной организации военнопленных лагеря. Да еще и посылал во время испанской войны корреспонденции в московскую газету «Комсомольская правда». Вот такое было чудо. А немецкий унтер упомянул, что он сын социал-демократа, репрессированного после прихода Гитлера к власти, и теперь сотрудничает с комитетом пленных. Еще он сказал, что вначале принял нас за дезертировавших власовцев (сформированная в Германии из военнопленных РОА – «Русская освободительная армия»). Жаль, что не знаю его имени, он мог бы еще и сейчас быть жив. Беседовали примерно час, немец все время выходил, «стоял на стреме» у входа, чтобы обеспечить безопасность. Француза живо интересовало то, что более или менее свежие люди «с той стороны» могли рассказать о положении на восточном фронте. Это был второй случай, когда немецкий солдат, которому Гитлер стоял поперек горла, проникался к нам доверием. Еще когда мы шли по Мекленбургу, один конвойный рассказал мне, что после разгрома и во время отступления под Курском и Орлом (лето 1943 г.) он спрятался в каком-то окопе и хотел сдаться в плен, но был обнаружен и уведен дальше вместе с отступавшими, чудом ушел от расстрела.

Рано утром 28-го марта нас четверых вывели из камер, посадили в грузовик, крытый тентом, на поперечную скамейку за кабиной водителя, лицом к кабине. На другой скамье уселось трое солдат (в униформе люфтваффе), тяжелые парабеллумы эти идиоты держали почти всю дорогу в руках. Ехали часов пять. Привезли нас в лагерь военноплен-

ных (помню его номер: 11-В) в городке Альтенграбов (Altengrabow) примерно в 70 км. восточнее Магдебурга. Из машины – сразу в лагерную тюрьму, в одну камеру всех вместе. На просьбу пустить в уборную через запертую дверь послышалось: «Piss in die Hosen!». Тот же унтер через две недели показвал нам пустую кобуру, приговаривая: «Keine Waffe! Wozu brauche ich eine Waffe?». Начали бояться нас больше, чем следовало бы пленным бояться своих надсмотрщиков.

Мы страдали в основном от двух бед – от голода и от вшей. Но были и некоторые удовольствия. Первое и главное: мы наблюдали с каждым днем усиливавшийся развал Третьего рейха. Во второй половине апреля перестали запереть камеру, и мы могли выходить в коридор, а из него во внутренний дворик перед входом в тюремный барак, когда нам вздумается, чтобы погреться на солнце (тюрьма была обведена «своим» двойным забором из колючей проволоки, по которому все время кружил часовой с винтовкой). Потом часовой перестал отгонять нас от забора, когда с другой стороны к нему подходили пленные, свободно гулявшие по лагерю, чтобы с нами поговорить. Лагерь был разделен непроницаемой (охранявшейся дополнительными вышками) внутренней перегородкой на две части – русскую и, так сказать, интернациональную. Тюрьма находилась в пределах последней и была окружена бараками, в которых размещались французы, голландцы с бельгийцами, интернированные в 1943 г. итальянцы, югославы (сербы), поляки, англичане и американцы – и кого там еще только не было (помню одного индуса). Общались мы через забор главным образом с поляками и с сербами, и нашего русского языка было достаточно, чтобы устанавливалось взаимопонимание. Западных пленным подкармливал Международный Красный Крест (его помощь получали, в свою очередь, немцы, попавшие в плен к союзникам). По-

мощь выражалась в пакетах с продовольствием, получаемых, кажется, два раза в месяц. Русские пленные этого не имели, потому что по сталинским установкам они считались «предателями родины», соответственно Красный Крест не мог помогать выживать и немецким пленным в СССР. Наши новые знакомцы немного облегчали в последние две недели наше положение тем, что иногда перебрасывали через забор что-нибудь съестное, а для курящих Куприянова и Хорькова – пару-другую сигарет.

В 20-х числах апреля пошли слухи, что американцы, перейдя Эльбу, находятся уже в паре десятков километров к западу от Альтенграбова и что фронта там практически нет. И вот любопытный эпизод. 28-е или 29-е апреля. Прохожу внутренним коридором здания к выходу во дворик. Вижу в одной из камер через открытую дверь сидящего на нарах американского офицера, нога на ногу, а перед ним навтыжку немецкий офицер из комендатуры лагеря. Потом выяснилось: американец был послан в лагерь для переговоров (а переговоры состоялись в нашем «доме», потому что формально он был «взят в плен»). Обернулось все это тем, что комендатура вывесила белые флаги. Рано утром 2-го мая перед лагерем появилась колонна американских грузовых машин. Начали вывозить пленных. Дело в том, что у союзников были причины беспокоиться о безопасности пленных, так как в последние дни войны по Германии слонялись отдельные отряды эсэсовцев, которые по принципу «пропадать, так с музыкой» расстреливали всех, кто был им ненавистен, и нападали, в том числе, на пленных. Это с одной стороны. С другой стороны, они старались увести своих к себе из-под носа у русских, которые по предварительным соглашениям должны были занять территорию будущей советской оккупационной зоны. К середине следующего дня западных пленных в лагере не осталось (мы, пока все это происходило, были в основном заня-

ты тем, что варили себе ведрами кашу из припасов, которые были вынесены из разгромленных немецких складов). К вечеру 3-го мая американские грузовики снова появились на площади перед воротами лагеря. Ко мне подошел русский пленный офицер и попросил выступить в роли переводчика в переговорах с американцами (кто-то ему указал на меня как на человека, который «может по-английски»). Американцы собрались вывозить и русских пленных. Не помню содержания переговоров, посредничать в них мне как-то худо-бедно удалось. Эта моя деятельность обернулась тем, что меня взяли сопровождать колонну. Я лишь выговорил условие: на следующий день вернуть меня обратно. Был посажен к трем американцам в «виллис», и он привез меня в город Цербст, на юг от Альтенграбова, город, из которого родом Екатерина Вторая (принцесса Ангальт-Цербстская). По дороге колонна грузовиков пропала из виду, и на вопрос о том, куда именно американцы вывезли русских пленных, я впоследствии (допрашивал сотрудник СМЕРШа – военно-НКВДшной контрразведки под названием «Смерть шпионам»), я не мог ответить. Оказался я в каком-то особняке, полном американских военных, был обильный ужин за общим столом, за которым я и наелся досыта, и усвоил, что читать по-английски и понимать американцев, когда они разговаривают, – две, как говорят в Одессе, большие разницы. Самое же радостное состояло в том, что я – еще до ужина – вымылся под горячим душем, а мою одежду вместе со всей живностью, которая в ней гнездилась и которую никакими стараниями невозможно было до конца уничтожить, американский солдат вынес, брезгливо держа ее в вытянутой руке, чтобы где-то сжечь. Мне выдали новехонькое американское солдатское обмундирование, из мягкой шерстяной ткани скорее светло-коричневого цвета, чем цвета хаки, плюс куртку на молнии, чуть светлее, чем все остальное,

гладкую и глянцевитую (я так и был одет вплоть до возвращения в Ленинград, на фотографии, сделанной примерно в октябре, на мне американская гимнастерка; куртка прослужила мне особенно долго, еще несколько лет, в институт я ходил, кроме зимы, в ней).

На следующий день, 4-го мая, меня вернули в лагерь, к своим, но колонна автомашин повернула обратно пустой, вывоз пленных не состоялся. Около полудня в город въехали наш «виллис» и несколько конных и установили советскую оккупационную власть, а за ними через некоторое время вошли регулярные армейские части. Первое, что надо было сделать, это написать письмо в Ленинград, чтобы там узнали, что я жив. Письмо – «треугольник» полевой почты – мама вынула из почтового ящика на двери нашей квартиры 24-го мая. А мы продолжили нашу жизнь в лагере, уже свободными. С офицерами, Мишей Куприяновым и Васей Хорьковым, вскоре пришлось расстаться, их увезли, как я потом узнал, в специальный офицерский лагерь куда-то на Урал (или за Урал), и там они провели несколько месяцев, пока их «проверяли»; ничего дурного не найдя, отпустили, Куприянова отправили «в запас», и он вернулся в родные места, а Хорькова даже на некоторое время возвратили на службу в полк и лишь потом уволили из армии. Моя же дальнейшая судьба сложилась, учитывая обстоятельства, сравнительно благополучно. В мае, чтобы не изнывать от безделья, я напросился дежурить на городской телефонной станции, втыкал штыри в отверстия, соединяя друг с другом абонентов. Самое же главное в том, что в этом лагере контрразведка проводила из бывших пленных набор солдат для восполнения потерь в частях оккупационной армии (тогда как из многих других лагерей нашего брата просто вывозили в Сибирь на тяжелые принудительные работы и держали их там не один год, прежде чем освободить). Мой контрольный разговор с лейтенантом «госбезопасности»

продолжался минут пятнадцать, на меня у него явно не было никаких компрометирующих «материалов», и на следующий день (дело было уже в середине июня) я нашел свою фамилию в списке бывших пленнх, из которых формировалась маршевая колонна. Я попал в 288 стрелковый полк, сначала располагавшийся к югу от Берлина, затем маршем через восточную часть ночного Берлина (жуткие развалины) нас провели к какой-то железнодорожной станции и поездом доставили в город Эберсвальде (90 км. северо-восточнее Берлина). Здесь в бывшем немецком гарнизоне (каменные казармы, просторная территория, высокие заборы, ограждающие ее со всех сторон) я провел два месяца, июль и август, пехотным рядовым, в нормальной армейской форме и с красноармейской книжкой в нагрудном кармане. Книжка эта (с записью о плене) сохраняется у меня до сих пор. Как одного из немногих грамотных командир батальона, гвардии капитан Ижбулатов, украшенный десятком орденов, сделал меня батальонным писарем, и я был к счастью хоть чем-то занят. А солдатам было совершенно нечего делать, офицеры с нами ничем не занимались, даже пресловутых политинформаций не проводили.

Я написал несколько писем в свой прежний полк, на имя начальника штаба полка, майора Виктора Григорьевича Погорецкого, превосходный был человек (умер впоследствии в Киеве от рака). Ответа я не получил, но 31-го августа в расположении части неожиданно появился фототехник моего авиационного полка старший сержант Аркадий Шуваев. Погорецкий, организовав письмо с просьбой откомандировать такого-то в распоряжение его прежней воинской части за подписью нач. штаба нашей, 48-ой, авиадивизии полковника Захаренко, прислал Шуваева за мной. Тот в два счета получил необходимые разрешения и бумаги (кому я там был нужен...), и мы в тот же день отправились в путь. Аркадий предложил не торопиться «домой»

(полк стоял в Малашевичах в 15 км. на запад от Брест-Литовска, на польской территории), а поехать по Германии («Когда мы еще сюда попадем?»). Поездили. Останавливались на день-два в Берлине, в Лейпциге, Дрездене, Котбусе, а потом в Польше – в Катовицах, Кракове, Лодзи, Варшаве. Проездили в общей сложности две недели. В коммандатурах нам давали талоны на сухой паек, направляли на постой – то в казарму, то на частную квартиру (помню в Дрездене пожилую семейную пару, муж был раньше школьным учителем), нигде не спрашивали, откуда мы и куда направляемся и почему оказались именно там.

Прибыл я в свой прежний полк, встретился с Погорецким, и он сразу сказал, что возникла новая проблема. Поступило распоряжение удалить из авиационных частей тех, за кем числилось пребывание в немецком плену, отправив их на пересыльные пункты. Поэтому он не может вернуть меня в штат полка. И вообще пока не знает, что со мной делать. Я с месяц провел в полку на, так сказать, птичьей должности. Повезло в очередной раз. Командиру полка, полковнику Василию Алексеевичу Трехину, понадобилось переслать брату, бедствовавшему в деревне под Псковом, теплые вещи. Мне оформили отпуск на целых сорок дней, и я в 20-х числах октября приехал в Ленинград, в котором не был почти четыре с половиной года. Три дня было потрачено на поездку в Псков и в деревню к Трехиным, поручение я выполнил. Остальное время провел дома. Уже после дня рождения пустился в обратный путь. Когда вернулся в полк, Погорецкий выписал мне направление на гарнизонную медицинскую комиссию, работавшую в Бресте. Со словами: «Дай мне хоть какое-нибудь основание тебя демобилизовать!». Получилось, врач-женщина, по-моему, просто приняла решение отправить парня домой и определила мне статью, подводящую под демобилизацию по состоянию здоровья, что-то там с сердцем. 26-го декабря я

отправился домой, через Брест, Минск и Москву. 31-го, под самый Новый год, был в Ленинграде. Встречал Новый год в компании школьных друзей. Выяснилось печальное – из восемнадцати мальчиков, которые учились в нашем классе, с войны вернулись шестеро. Две трети погибли. Из вернувшихся один, Андрей Хлебников, умер на следующий год (ранения доконали), один, Юра Дюженко, инвалид, с трудом ходил. Вообще мало кто уцелел из поколения, родившегося в первой половине 20-х годов.

В первый же рабочий день января 1946 года я пошел в свою бывшую школу. Директор школы, Зинаида Исаковна Сапожникова, узнала меня сразу: «Володя!». Разговор после моего краткого «отчета» принял направление «Что дальше делать?». Тогда в этой школе работала учителем немецкого известный специалист по методике преподавания немецкого языка Ольга Евгеньевна Кудрявцева, и она, зайдя в директорский кабинет, приняла участие в обсуждении. Узнав, что я прилично знаю немецкий, она посоветовала пойти в институт иностранных языков и сказала, к кому там нужно обратиться. Речь шла об институте с официальным названием «Первый Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков» (I ЛГПИИЯ). Находился он на улице Смольного, метрах в двухстах за площадью перед Смольным собором, туда заворачивал к своей конечной остановке пятый трамвай, а неподалеку, перед самим Смольным, было кольцо пятого троллейбуса. Сначала я предпринял попытку поступить на филфак университета, была короткая беседа, кажется, с Лариным (он был тогда деканом), и для меня не было сделано исключения: поступайте в конце лета на общих основаниях. В институте же со мной поговорили декан немецкого факультета Ада Фальковна Ленкова и зав. кафедрой грамматики Мария Александровна Андриевская, причем поговорили, проверяя меня, и по-немецки. Документа об

окончании школы я предъявить не мог, аттестат в войну пропал, но Ленкова добилась в дирекции моего зачисления – временно, до подтверждения права на обучение в высшем учебном заведении. Я тут же был допущен к сдаче зачетов и экзаменов зимней сессии. На следующий день после принятия этого решения я уже писал контрольную работу по грамматике. Сделал одну ошибку: Hund во множ. числе получил умлаут – Hünde. Никогда этого не забуду. Что-то еще (кажется, диктант) прошло без ошибок, были и два экзамена – по истории КПСС и по географии Германии. По обоим – «отлично» (до конца учебы в институте зачетка заполнялась только этой оценкой). Месяца через полтора я получил из Одесского пединститута справку о том, что я в нем учился в 1942–1943 учебном году, и это окончательно решило вопрос о моем зачислении в I ЛГПИИЯ.

М. В. Зеликов

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ С. Л. БЫХОВСКОЙ
КАК ВАЖНОЕ ЗВЕНО ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

Освежая историю типологических исследований в языкознании в 20–40 гг. XX века, Г. А. Климов отводит значительное место новаторскому наследию С. Л. Быховской, которая еще в 1931 году (см. [Быховская 1931: 6]), констатируя совмещение структурных признаков номинативности и эргативности в баскском (эргативное оформление характеризует здесь именные компоненты, а номинативное – глагольный), привлекла внимание к аналогичным способам совмещения признаков разных языковых типов в нахско-дагестанских (удинский) и в картвельских (грузинский и сванский) языках [Климов, 1983: 124]. Еще ранее, в работе, опубликованной в 1930 году, ею было отмечено отсутствие в падежной парадигме эргативных языков именительного и винительного падежей, замещаемых здесь функционально отличными активным и пассивным падежами [Быховская, 1930: 285]. В дальнейшем С. Л. Быховская – одна из авторов, способствовавших разработке теории нейтральности эргативной конструкции, повлекшей за собой решительный отказ от ее пассивной интерпретации [Быховская, 1934: 70–72]. Особую ценность положение о нейтральном характере эргативной конструкции в залоговом отношении, господствующее в современной типологии [Климов, 1981: 55], имеет потому, что она была высказана в период полного господства точки зрения о «пассивности» баскского глагола, которой придерживались Г. Шухардт, А. Тромбетти и другие пионеры баскологии, т. е. задолго до пересмотра этого вопроса, осуществленного в 50–70 гг. XX века в работах К. Боуды [Bouda, 1958: 307–308],

А. Мартине [Martinet, 1958: 391], Р. Лафона [Lafon, 1971: 336–337], Ю. В. Зыцаря [Зыцарь, 1977] и других ученых.

Исследуя конкретные особенности эргативной системы, С. Л. Быховская пришла к весьма существенной мысли о зависимости типологической специфики синтаксиса предложения и морфологического оформления его ингредиентов от качества глагольного сказуемого [Быховская, 1931: 6]. Затрагивая вопрос о генезисе эргативности, Быховская приводит факты некоторых североамериканских языков, в которых глаголы делятся не по принципу переходности или непереходности, а по принципу действительности и покоя [Быховская, 1934: 67–68]. Таким образом, речь идет о важном положении, свидетельствующем о невозможности какого-либо твердого разграничения понятий переходность / непереходность на ранних этапах языкового формирования (И. М. Тронский, С. Д. Кацнельсон и др.). Выявляя в эргативных языках класс лабильных (диффузных) т. е. нелексикализованных по признаку транзитивности / интранзитивности глаголов, и опираясь на известную гипотезу К. К. Уленбека о доминативном состоянии протоиндоевропейского, Быховская имплицитно обосновывает большую древность активной (преэргативной) конструкции предложения по сравнению с эргативной [Климов, 1981: 65; 1983: 170–171]. Настоящее положение получило свое дальнейшее развитие в значительных монографиях 70 – 80-х гг. (М. М. Гухман, И. М. Дьяконов, Вяч. Вс. Иванов, Т. В. Гамкрелидзе, К.-Х. Шмидт, Г. А. Климов, Ю. С. Степанов и др.).

Уделяя пристальное внимание формированию и функционированию баскского имперфекта, Быховская, возможно, впервые имплицитно обрисовывает понятие расщепленной эргативности (split ergativity, см. [Бехерт, 1982: 413] или парциальной эргативности по Г. А. Климову [Климов, 1983: 174]), феноменологически представляющей соедине-

ние эргативной и номинативной систем в одном и том же языке. Так, в имперфектных формах «переходных» глаголов типа *pe-kan-en* «я нес то» в роли эргативных аффиксов выступают исторически абсолютные маркеры, хотя оформление именных членов предложения подчиняется нормам эргативности: *Ni-k* (эрг.) *pekanen*, «Я (эрг.) я-нес-это»... и получается ломаная конструкция» [Быховская, 1931: 5].

Работая с конкретным эмпирическим материалом баскского и кавказских языков в рамках эускаро-кавказской гипотезы как существенного компонента яфетической теории Н. Я. Марра, Быховская идет дальше простого сопоставления и указывает не только на сходство, но и на различие: «Баскский язык выявляет те же особенности в показателях множественности в глаголе, как и грузинский..., но еще с большей последовательностью... Логическим для субъекта непереходного глагола и логически прямого объекта глагола переходным показателем множественности служит *s* (*-z* – М.З.). Ср.: *d-oa-s* (*z* – М. З.) «они идут»; для логического субъекта переходного глагола и логически косвенного объекта глагола переходным и непереходным показателем множественности служит *-te* → *-e*. Ср.: *d-u-te* «они имеют» [Быховская, 1935: 183–187]. В этой же статье, по мнению Г. А. Климова, являющейся «по существу некоторой модернизацией ранее высказанного Н. Я. Марром мнения, согласно которому объектное оформление носителя признака, воспринимаемого современным мышлением как субъект, образует пережиток, так называемого, тотемного мышления, приписывавшего будто бы роль истинного агенса в этих случаях тотему» [Климов, 1981: 57], анализируя древнегрузинскую словоформу *u-quart* «он любит вас», Быховская писала: «Показатель множественности *-t* относится здесь к источнику, причине, вызвавшей любовь, и указывает, что эта причина является активной. Такое понимание чуждо нашему современному мышлению, так как

то или иное чувство или ощущение с нашей точки зрения далеко не всегда является результатом волевого акта источника действия... Другое содержание вкладывалось, однако, в это выражение на других стадиях развития человеческого мышления, когда каждое чувство, каждое ощущение человек приписывал сознательному воздействию на него со стороны какого-нибудь существа или силы, выражающейся в весьма конкретных представлениях» [Быховская, 1935: 181–182]. Настоящая мысль, развитая спустя год в статье, посвященной проблеме *verba sentiendi* в эргативных языках [Быховская, 1936: 21], способствовала появлению уже в 30-х гг. важного постулата о том, что эти лексемы передают «состояние, в котором человек находится не по своей воле» [Карпович, 1937: 18]. В работах 70–90 гг. выражение неволевого (каузированного извне) процесса было существенно развито и дополнено на хеттском и балтийском материале [Иванов, 1980: 187], на греческом материале [Аверинцев, 1992: 9] и на материале кавказских языков [Тестелец, 1987: 115].

В той же статье, рассматривая специфику соотношения функционирования аффективных и субъективных конструкций, Быховская справедливо заключает: «Весь вопрос в том, какой из этих форм принадлежит будущее: победит ли безличная конструкция с дательным падежом лица, или конструкция личная. Ответ на это дает отмечаемый почти всеми исследователями безличных глаголов в и.е. языках факт замены их личными конструкциями» [Быховская, 1936: 33–34]. Переход на конструкцию с субъектом в именит. падеже был связан, по мнению Быховской, с «изменением мировоззрения и со сменой конкретного мышления мышлением, способным к абстрагированию» [там же: 41–42]. Безусловно, связанные с процессом абстрагирования, по Быховской, феномены метафоризации и антропоцентризма, которыми в настоящее время с увлечением, «от-

крывая велосипеды», занимаются многие представители модного когнитивистского направления, были последовательно изучены П. В. Леманом, Ж. Одри, Ю. С. Степановым и другими видными представителями современного традиционного языкознания. Они лежат в основе разнообразных проявлений тенденции к «активному высказыванию», составляя важнейшие феноменологические характеристики современных и.-е. языков (ср. субъективацию каузативных и безличных образований: русск. *Я сломал ногу, Стакан лопнул*; порт. *Gosto* (← *Me gusta*) = англ. *I like*; использование субъектно-объектного *teneg* вместо субъектных *estar / ser* в испанском; субъективацию объекта при пассивизации в моделях с субъектными глаголами типа англ. *I was told* и т.д.)

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М. 1992.
- Бехерт И. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий // Новое в зарубежной лингвистике. М. 1982. Вып. XI.
- Быховская С. Л. «Пассивная» конструкция в яфетических языках. Язык и мышление. Ленинград, 1934, Т. 2.
- Быховская С. Л. К вопросу о происхождении склонения // Изв. АН СССР. Отд. гуманитар. наук. 1930.
- Быховская С. Л. К вопросу о трансформации языка // Доклады АН СССР. 1931, № 4.
- Быховская С. Л. Объективный строй *verba sentiendi* (предварительный очерк) // Язык и мышление. 1936, Т. 6 – 7.
- Быховская С. Л. Показатели множественности как классовые показатели в грузинском и баскском языках. // Академия наук академику Н.Я. Марру. Ленинград, 1935.
- Зыцарь Ю. В. К типологической характеристике эргативной структуры языка басков // ВЯ, 1977, № 3.
- Иванов Вяч. В. Праязыки как объекты описания в издании «Языки мира» // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
- Карпович Б. В. К генезису *verba sentiendi* // Лингвист, 1937, № 4.
- Климов Г. А. Принципы контенсивной типологии. М., 1983.

- Климов Г. А. Типологические исследования в СССР. 20 – 40 годы. М., 1981.
- Тестелец Я. Г. Эргативообразные построения в нахско-дагестанских языках // ВЯ, 1987, № 2.
- Bouda K. Das baskische Verbum ist nicht passiv // BRSVAP, 1958. Т. 14.
- Lafon R. Ergatif et passiv en basque et en géorgien // BSLP, 1971, Т. 66 / 1.
- Martinet A. La construction ergative et les structures élémentaires de l'ennoncé // Journal de Psychologie normal et pathologique. 1958.

Н. С. Гринбаум

ВОСПОМИНАНИЯ
(Ленинград, 1945–1948 гг.)

Осенью 1945 года мне довелось впервые побывать в Ленинграде. С глубоким волнением я шагал по его улицам и площадям, вглядывался в лица его жителей.

Меня сразу же пленила необыкновенная красота города-героя, израненного войной, но не утратившего своего гордого величия.

Разрушенные дома, забитые досками окна, надписи на Невском проспекте, предупреждающие об опасности арт-обстрела, выкрашенные в маскировочные цвета здания вдоль набережных напоминали на каждом шагу о недавно закончившемся жесточайшем испытании, о необыкновенной стойкости духа, о великом подвиге ленинградцев.

Среди прохожих безошибочно можно было узнать тех, кто пережил блокаду и вынес на своих плечах всю тяжесть военных лет. Их лица были еще бледны и измождены, походка не совсем тверда, но глаза излучали какой-то особый свет, смотрели спокойно и уверенно. И от этого взгляда каждому становилось на душе теплее, ибо это был взгляд людей, выполнивших до конца свой долг перед страной и народом.

А в выходные дни все население города выходило на воскресники: убрали завалы, расчищали площади, восстанавливали дома. И каждый из них испытывал глубокую радость, видя как постепенно залечиваются раны войны, как день ото дня хорошеет, возвращается к жизни их непокоренный город.

* * *

Первого октября 1945 года после сдачи вступительных экзаменов я был зачислен аспирантом филологического

факультета Ленинградского университета по специальности «классическая филология».

Начался – после семилетнего перерыва, вызванного войной – второй этап моего «классического» образования. Первый прошел в Варшавском университете с 1934 по 1938 год, и он закончился полученным мною дипломом «магистра философии в области классической филологии».

Заведовала кафедрой классической филологии в Ленинграде в те годы профессор Ольга Михайловна Фрейденберг, видный ученый и, как я убедился впоследствии, высоко нравственный, принципиальный, исключительно порядочный и доброжелательный человек, способный и готовый бесстрашно и в любую минуту оказать помощь, протянув свою руку любому рядом стоящему и нуждающемуся в ее поддержке.

Благодаря своему организаторскому таланту, она сумела собрать вокруг себя выдающихся деятелей науки и создать коллектив исследователей античности, равного которому не было ни до нее и, я убежден – *utinam vates falsus sim*, не будет и в будущем.

Я позволю себе назвать их имена: академик Иван Иванович Толстой, профессора Иосиф Моисеевич Тронский, Соломон Яковлевич Лурье, Борис Васильевич Казанский, Петр Викторович Ернштедт, доценты Яков Маркович Боровский, Софья Викторовна Полякова. Курс общего языкознания вела на кафедре профессор Агния Васильевна Десницкая.

С первых дней аспирантуры я и мой коллега (а впоследствии большой друг) Владимир Васильевич Каракулаков с головой включились в кафедральную жизнь. С большим интересом мы слушали и тщательно конспектировали увлекательные лекции Иосифа Моисеевича Тронского по истории латинского языка, насыщенные богатым фактическим материалом и убедительными, научно обоснованными

ми доводами в пользу отстаиваемых лектором его собственных предположений. Нас поражало, что Иосиф Моисеевич с самого появления в аудитории держал в руках мел, беспрерывно нанося на доску для подкрепления сказанного латинские словоформы, которые мы с трудом успевали записывать, и бывал крайне недоволен, если к началу занятия доска оказывалась не вымытой.

Ольга Михайловна Фрейденберг читала нам курс «Проблема греческого литературного языка», в котором излагала свои собственные представления о происхождении и развитии этого первого литературного явления в истории Европы. Запомнились и ее критические, хотя и не всегда достаточно обоснованные (влияние Марра) высказывания в адрес ряда западных авторов.

Соломон Яковлевич Лурье вел у нас спецсеминар по творчеству Сафо с присущим ему увлечением и прекрасной осведомленностью как о самом материале, так и о критической литературе. Однажды мне удалось привлечь его внимание к одному несоответствию в комментировании отрывка Сафо, и он тут же предложил мне оформить свою догадку в виде статьи, а затем (заручившись рекомендацией И. И. Толстого) сам отправил ее в «Вестник древней истории». Так в 1948 году была напечатана моя первая научная работа.

Хорошо запомнились интереснейшие лекции по греческой трагедии, читаемые Борисом Васильевичем Казанским. Его отличала необычайная скромность, исключительная эрудиция и весьма доброжелательное отношение к молодежи. Он не расставался со своей черной папкой, которую прижимал к себе постоянно как величайшую ценность. В аудитории он появлялся всегда неожиданно для нас, и когда начинал свой вдохновенный рассказ о греческой трагедии, перед нами возникали и казались живыми ее герои и их поступки. Мы забывали обо всем на свете и

вместе с лектором переносились в удивительный мир греческих сказаний.

На семинаре, который вела Агния Васильевна Десницкая, мы изучали различные аспекты индоевропейского языкознания, и каждый из нас, его участников, поочередно выступал с сообщением по теме, указанной руководителем. Это было время разгула марризма, и лишь человек, обладающий большой гражданской смелостью и принципиальностью, каким несомненно являлась Агния Васильевна, мог решиться на предложение аспирантам столь неодобряемой тематики.

С Яковом Марковичем Боровским мы читали комедию Плавта «*Miles gloriosus*». В его комментариях нас поражали глубокие познания в тонкостях латинского языка, его дотошность в поисках наиболее соответствующего оригиналу русского перевода, большая осведомленность в имеющихся по тому или иному вопросу точках зрения различных исследователей.

Решением кафедры моим научным руководителем по аспирантуре был назначен академик Иван Иванович Толстой. К тому времени он уже не приезжал в университет, но о его блестящих лекциях по античной литературе, на которые сбегались студенты со всех факультетов, заполняя до отказа вместительный актовый зал, ходили легенды. Рассказывали, что его вдохновенное повествование о прощании Гектора с Андромахой в VI песне «Илиады» неизменно сопровождалось приглушенным рыданием женской части аудитории.

С глубоким волнением Владимир Владимирович Каракулаков и я ждали встречи с нашим новым наставником. И она состоялась в ноябре 1945 года дома у Ивана Ивановича, проживавшего по ул. Проф. Попова (ранее – Песочной) в доме № 26-а, кв. 4. Встретил нас ее хозяин с обворожительной и доброжелательной улыбкой как давних знако-

мых и повел в свой рабочий кабинет, заставленный этажерками, полными книг. С тех пор мы в течение двух лет каждый четверг ровно в пять часов дня являлись к нему на занятия, и не было случая, чтобы он каждому из нас, несмотря на наши протесты, не успевал помочь снять, а потом и надеть наши ветром подшитые пальто.

Занятия проходили живо и интересно, в неформальной обстановке, Иван Иванович много шутил, интересовался нашими делами, давал полезные советы и неизменно угощал нас горячим крепким чаем с печеньем, которые он сам приносил откуда-то на небольшом подносе. Мы читали и комментировали Менандра и Тацита, обсуждали мои сообщения на темы «Алкей в свете своих собственных произведений» и «Филологический анализ одного фрагмента Сафо». В соответствии с утвержденным кафедрой аспирантским планом мне удалось сдать Ивану Ивановичу десять экзаменов, и в их числе экзамены по исторической грамматике греческого и латинского языков, по сравнительной грамматике индоевропейских языков, классическим древностям и ряду других предметов. Экзамен по общему языкознанию принимала у меня Агния Васильевна Десницкая. Все подписи экзаменаторов и оценки зафиксированы в сохранившейся у меня до сих пор аспирантской книжке.

Я не знаю, каковы сегодня аспирантские планы, предусмотренные на кафедре классической филологии, но думаю, что пройденный мною многоступенчатый путь в науку был тогда всесторонне продуман сведущими и высококлассными специалистами.

Если судить по характеристикам, собственноручно написанным заведующей кафедрой Ольгой Михайловной Фрейденберг и научным руководителем Иваном Ивановичем Толстым, выполнение мною этого плана было ими признано вполне удовлетворительным.

Вскоре после поступления в аспирантуру нам было предложено включиться в учебный процесс. В. В. Каракулаков и я в течение 1945–1948 годов вели в качестве штатных сотрудников занятия по латинскому языку – сначала на отделениях иностранных языков и литературном, а затем латинский и греческий соответственно – на классическом отделении. Кроме того, в 1946–1947 гг. мы работали в качестве ассистентов (латинский язык) в Институте им. Покровского.

Однажды, это было начало 1946 года, Ольга Михайловна Фрейденберг сообщила мне, что направляет в мою спецгруппу грецистов еще одного новичка. Вскоре предо мною предстал юноша высокого роста с бородкой, исхудалый, в сильно поношенном костюме. Сел скромно за последний стол и стал внимательно слушать. Это была группа первокурсников, и я изучал с ними элементарный курс греческого языка. В конце занятия он подошел ко мне и скромно сказал, что ему было бы интереснее заниматься в более продвинутой группе, поскольку он уже свободно с листа переводит Геродота. По моему ходатайству он был переведен зав. кафедрой сразу на III курс. Нашим новым студентом был Александр Иосифович Зайцев. Впоследствии в личных беседах со мной Александр Иосифович неоднократно называл меня своим первым учителем греческого, но в действительности мне, к сожалению, не довелось быть его наставником.

Вспоминается еще один эпизод тех лет – мое первое знакомство с Виктором Максимовичем Жирмунским. Так случилось, что на одном из факультетских собраний (это было, кажется, в 1947 году) я оказался за столом президиума с ним рядом: выдающийся ученый и никому неизвестный аспирант. Вел собрание тогдашний декан факультета Рубен Александрович Будагов. Виктор Максимович прочел свой великолепный научный доклад, который аудитория

выслушала с большим вниманием, вышел из-за стола президиума, сел рядом с Иосифом Моисеевичем Тронским и стал обсуждать интересующую их проблему. А я, при общем шуме в зале, скороговоркой зачитал свое сообщение о международном положении, которое подготовил по поручению партийного бюро как руководитель лекторской группы факультета.

Так прошли два года аспирантуры, все экзамены остались позади, нужно было использовать оставшееся время для работы над диссертацией. Ее тема «Язык Алкея» была подсказана научным руководителем и утверждена кафедрой.

В апреле 1948 года я выступил на заседании кафедры с научным докладом «О значении указательного местоимения κείνος у Сафо. Я пытался доказать, что оно обозначает не «тот вообще», «тот, в сопоставлении с этот», а «тот, который отсутствует», «тот потусторонний». Развернулась оживленная дискуссия, большинство членов кафедры оказались не на моей стороне, единственным, кто меня поддержал, был Соломон Яковлевич Лурье.

Приближалась развязка. Защита представленной мною диссертации «Язык Алкея» (тезисы тогда печатались на одной страничке, авторефератов еще не было) состоялась на филологическом факультете досрочно 10 июня 1948 года. Официальными оппонентами выступили Ольга Михайловна Фрейденберг и Соломон Яковлевич Лурье. Как оказалось, это была первая послевоенная защита кандидатской диссертации на филологическом факультета.

Распределительная комиссия направила меня на работу в Молдавию, в Кишиневский университет, где мне довелось трудиться более тридцати лет.

Характерно, что, узнав о решении комиссии, отклонившей ходатайство кафедры об оставлении меня на работе в университете, Ольга Михайловна и Иван Иванович поже-

лели поддержать меня и предложили материальную помощь для устройства на новом месте.

Я покинул Ленинград, университет и кафедру, а главным образом своих необыкновенно чутких, отзывчивых и добрых наставников с чувством глубокой благодарности и признательности за все сделанное ими для меня, за полученные знания и проложенный ими мой путь в науку.

И на всю жизнь остались в моем сердце воспоминания об этих трудных, напряженных, но столь необыкновенных и плодотворных годах второго – ленинградского – этапа моего «классического» образования.

* * *

Моя последняя встреча с Иваном Ивановичем Толстым состоялась в Ленинграде в феврале 1954 года. К тому времени он был уже тяжело болен и встретил меня, лежа в кровати. Узнав, что я приступил к работе над докторской диссертацией о языке Пиндара, он предложил мне познать его с намеченным планом исследования, а затем выразил пожелание высказать письменно свое мнение. Приподнявшись на кровати и положив для удобства рядом лежавшую книгу, он, с трудом удерживая равновесие, написал на небольшом листке линованной бумаги свой краткий отзыв. Добавив при этом: «Думаю, что Вам это может пригодиться», он, уставший, вновь опустился на подушки.

Этот листок стал для меня реликвией, которую храню по сей день как память о великом учителе и прекрасном человеке, оставившем неизгладимый след и чувство глубочайшего почтения в моей душе.

Отзыв
академика М. И. Толстого о работе
Н. С. Гринбачева «Взгляд Плиниуса».

Малая Сокольнин Гринбачев, прохотелый из моих друзей-коллегам аспирантура, в ЛГУ и написавший под мое редакцией фрезидацию, за которую по ее публичной речи в Ученом Совете фидрака, ему была присуждена высшая степень кандидата филологических наук, ~~какая~~ получил самое лучшее лингвистическое образование в ЛГУ, с полным правом которого он имеет и отставку. Малому, это фидуация, доктор Гринбачев ра-бота тематически очень интересна, особенно Н. С. Гринбачевом со всей строгостью и точностью, по моему мнению, вполне удовлетворительно ~~и~~ при принятии защиты и соискание высшей степени доктора филологических наук.

Академик М. И. Толстой.

10. II. 54.

Вильгельм 22, ул. проф. Топова 26^б, м. Ч.
Академик М. И. Толстой.

Б. Б. Ходорковская

ИВАН ИВАНОВИЧ ТОЛСТОЙ КАК УЧЕНЫЙ И КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

И. И. Толстой был филологом в самом широком понимании этого термина. Для доказательства своих положений он использовал как литературоведческий анализ, так и лингвистический, привлекая также данные истории и фольклора. При этом он обращал внимание и на такие стороны явлений, которые чаще всего остаются незамеченными, или которыми исследователи пренебрегают.

Научные интересы И. И. Толстого были очень широки. Область его исследований – история древнегреческой литературы, начиная со времени ее становления и кончая литературой поздней античности: это – и комедия, как древняя аттическая политическая комедия Аристофана V века до н.э., так и новая бытовая комедия Менандра III века до н.э., и трагедия, и эллинистическая поэзия, и жанр античного романа. Особенность научного видения И. И. Толстого состояла в том, что он резко осуждал умозрительный подход к изучению явлений античного мира, считая необходимым изучение конкретных фактов, получивших отражение в античных текстах. Решая труднейший вопрос о происхождении древнегреческого эпоса, вопрос породивший огромную литературу, он исследует, кто был носителем эпоса, его социальное положение, к кому была обращена его деятельность, есть ли основания считать Гомера творцом «Илиады» и «Одиссеи».

И. И. Толстой обладал удивительным даром – говорить о труднейших вопросах науки просто и понятно, так было на его лекциях, и так же написаны его книги.

Особое место занимает книга И. И. Толстого «Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья», в которой он собрал все керамические надписи, определив их датировку и снабдив лингвистическими и историческими комментариями.

Н. Н. Казанский

О СОФИИ ВЕНЕДИКТОВНЕ МЕЛИКОВОЙ-ТОЛСТОЙ

С. В. Меликова-Толстая (1885–1942) – замечательная исследовательница древнегреческого языка и литературы, закончила Бесстужевские курсы в Петербурге, занималась под руководством Э. Диля, была направлена в Саратовский университет, где была открыта кафедра классической филологии.

До прихода в наш Институт она занималась скорее изучением филологических и литературоведческих проблем (в частности, ей принадлежит очерк, посвященный античной серенаде). В Петербурге уже в 20-х годах она читала курс по древнегреческой диалектологии (машинопись сохранилась в университетской библиотеке). В конце 30-х годов совместно с акад. С. А. Жебелевым принимала участие в работе Кабинета классических языков ИЯМ. Более всего известна ее работа над сборником «Античные теории языка и стиля» (М.; Л., 1936, совсем недавно переиздан), где под ее руководством (составление и редакция совместно с И. М. Тронским и О. М. Фрейденберг) были систематизированы и переведены страницы, относящиеся к пониманию стиля в античности (с. 145–330). Это издание, объединившее филологов-классиков Я. М. Боровского, А. И. Доватура, П. В. Ернштедта, А. В. Болдырева, С. И. Гинтовта, А. Н. Зографа, Б. В. Казанского, В. В. Петухову, М. Е. Сергеенко, И. И. Толстого, сыграло важную роль в понимании истории лингвистики. Продолжением этих трудов явилась большая статья «Язык Горгия. Теория и практика зарождающейся прозы Греции» (Уч. зап. ЛГУ, 1941, № 63, с. 70–86).

Уже после смерти Софии Венедиктовны И. И. Толстой издал ее исследование «Будущее время в греческом языке» (Уч. зап. ЛГУ, 1952, № 156, с. 219–246). Эта статья, посвященная данной грамматической категории, представляет собой важный этап в разработке теоретической грамматики греческого языка и совершенно незаслуженно забыта.

Л. И. Толстая

**БЛОКАДА... БЛОКАДА... ДЛЯ ВСЕХ ОДНА
И ДЛЯ КАЖДОГО ЕЁ ПЕРЕЖИВШЕГО, СВОЯ...**

Сегодня это кажется странным, почти непонятным; в нашей семье, семье профессора, члена-корреспондента Академии наук Ивана Ивановича Толстого, которому к началу войны было 60 лет, не было радио. Читали газеты и любили тишину в доме.

В воскресенье поздним утром пошли в магазин купить черешню, пошли почему-то всей семьей. Вышли из дому и все узнали – война. Черешню купили, удовольствия не было, сразу вернулись домой. Так для нас начались дни войны.

Учебный год закончился. Мы оба с братом окончили первый курс, я в Институте им. Герцена, он – в университете на химфаке, не успев еще сдать последний экзамен – почему-то затянулась сессия. Брат был удивительно способным, был первым учеником всей школы и глубоко штатским юношей. Свою будущую профессию он избрал задолго до окончания школы и, конечно, стал бы настоящим крупным ученым.

В первые же дни войны он с товарищами был отправлен на окопные работы под Белоостров, с которых вернулся уже участником народного ополчения. Помню, мы ездили на свидание с Ваней в Красное село, потом он приехал к нам в военной форме на два часа из-под Тосно, а потом – пропал. Очевидно, погиб он где-то в районе Пулковских высот, хотя сведения эти ненадежные, никакого извещения об этом так и не было.

В свою новую и трудную военную жизнь штатский юноша Ваня Толстой, так и не успевший стать Иваном Ивановичем, вошел легко, приняв её как единственно возможный для него путь, больше всего боясь каких-либо поблажек, хотя среди ополченцев-командиров были и учени-

ки нашего отца, которые рады были бы скрасить какой-нибудь мелочью нелегкую фронтовую жизнь сына их любимого учителя.

От Вани осталась тоненькая пачка пожелтевших писем-треугольничков, написанных карандашом и затершихся по краям. Нет в них ни одной громкой фразы, но в каждой строчке, полной заботы о родных, за простыми будничными словами стоит человек, готовый в трудную минуту без колебаний отдать свою жизнь.

В конце октября сорок первого года в таком же письме-треугольничке пришло стандартное извещение о гибели Вани смертью храбрых. Извещение безответственное и лживое. А что оно стоило семье? Какое неизбывное горе оно принесло!

В Университете, куда спустя два дня отец пошел читать лекции, его коллеги сразу заметили в извещении какое-то непонятное вранье: местом смерти брата был назван населенный пункт в Прибалтике, которая была занята немцами в первые дни войны, хотя названа была более поздняя дата.

Началась переписка. Ответов на письма отца долго не было, затем пришло письмо: да, у нас служил какой-то сержант Толстой, имени не знаем, вот и написали, что Иван Иванович. Разумеется, не извинились. Той же осенью отца дважды вызывали в Смольный, где он по полтора часа убеждал высокопоставленных чиновников, что остается в городе, отказываясь от эвакуации самолетом, продолжает работать и не верит в возможность сдачи родного Ленинграда врагу. Беседы были трудные, тяжелые. Но уехать – значило для нас окончательно потерять надежду на возможность связи с Ваней. Мы еще надеялись.

А жизнь в городе становилась все труднее.

Зима наступила на редкость морозная. Холод, голод, отсутствие воды, электричества, транспорта. В быту появились два новых понятия – «довесочек» и «горючее».

Хлеб выдавался в булочной через маленькое окошечко в фанерной перегородке. Какой это был хлеб, все знают. Сколько-нибудь точно взвесить его было невозможно, приходилось для точности веса добавлять маленькие кусочки – довесочки, грамм по 20.

А рядом стоит человек и робко просит этот довесочек. Ясно, что он от слабости упал на улице, может быть, потерял на время сознание, а карточку у него украли. Как быть? Отдать или снести весь хлеб домой? Я решала через раз.

А второе понятие – горючее. Дома вечерами горела баночка-коптилка с фитильком. А за «горючим» (керосином) надо было идти на рынок, довольно далеко по сильному морозу. Там с рук продавали по 30 рублей пол-литровую бутылку. Приносили домой эту бутылку, и вдруг (а это случалось нередко) «горючее» не горит: керосин разбавлен водой. Завтра снова в мороз на рынок.

В конце декабря Иван Иванович слег с тяжелой дистрофией, а в первые дни нового 1942 года у матери случился тяжелый инсульт. Мы с тетей еще как-то держались. Через день я нашла хорошего специалиста, профессора-невропатолога. Осмотрев больную, он сказал, что следует наблюдать ее ежедневно. Мы рассчитались с ним маминой дневной порцией хлеба (200 гр.). Так и ходил профессор ежедневно и получал хлеб в виде гонорара. Но мать он вылечил. К весне родители были уже на ногах. Настала моя очередь – тяжелая цинга, наверное, месяца на полтора. Это было сложно, потому что до того все внешние функции были на мне.

Вот такая была НАША блокада.

И еще: ведь нас было не четверо, а пятеро – был еще кот Аякс. Еще осенью решили его усыпить. Кот был любимый, поэтому решение было трудным. Завтра надо нести Аякса в лечебницу. Я не выдержала и как ни было мне стыдно, горько заплакала. И всем стало легче. Кота остави-

ли, делились с ним всю зиму скудным пайком. Он почти ослеп, шерсть, густая и пушистая, почти вылезла. А к лету, когда жизнь стала чуть полегче, он прозрел и обшерстился.

Летом 1942 года все-таки пришлось уехать, с последним эшелонем Академии наук.

Эта страница оказалась самой тяжелой: в дороге, из-за чудовищных антисанитарных условий все члены семьи, кроме меня, заболели дизентерией. В Казани их сняли с поезда, через три дня мама в больнице скончалась.

Дальше уже другое, также не легкое, а главное – грустное.

И еще, своего рода P.S.

Когда мы уезжали, кота Аякса взяла к себе Мария Ефимовна Сергеенко, профессор-античник, наш очень близкий друг. Прожил он у нее до 1949 года. До конца блокады она меняла часть своего хлебного пайка ему на молоко. После войны мы встретили его роскошным пушистым котом, лишить Марию Ефимовну которого мы, естественно, не решились.

**ВОЙНА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
СИТУАЦИЯ В СТРАНЕ**

Л. Я. Костючук

ВОЙНА И СУДЬБА РУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ (состояние и изучение говоров)

XIX век благодаря деятельности А. Х. Востокова (его участию в организации и издании Опыта областного великорусского словаря), трудам В. И. Даля (собирателя народных слов, создателя непревзойденного Толкового словаря живого великорусского языка, одного из первых теоретиков по проблемам диалектологии — статья «О наречиях русского языка») обратил внимание заинтересованных людей на роль русского народного слова. Даже литератор Н. И. Надеждин в Энциклопедическом словаре Плюшара (т. IX. СПб., 1837) в статье «Великая Россия» писал о членении русского языка на диалекты. Собиратель фольклора М. А. Колосов понимал, что без учета особенностей народного языка невозможно по-настоящему понять произведения фольклора (ср.: Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. СПб., 1877). Историк русского языка, диалектолог и собиратель фольклора академик А. И. Соболевский в конце XIX века обобщил достижения ученых по русской диалектологии (Опыт русской диалектологии. СПб., 1897). [Ср. 13.]

Деятельность младограмматиков (их теоретические высказывания по проблемам лексикографии, указание на значимость диалектологии для познания исторических процессов в языке), особенно в конце XIX века, подвигла специалистов разных стран разработать планы и организовать работу по созданию и изданию диалектологических атласов национальных языков. Академик А. А. Шахматов [ср. 17] разработал программу сбора сведений по народным говорам, обосновал образцы фонетической записи речи. Его идеи и исследования позволили создать Московскую диалектологическую комиссию при Отделении русского языка

и словесности Академии наук. Результатом деятельности комиссии явилась Диалектологическая карта русского языка, составленная Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым, Д. Н. Ушаковым: карта представила сведения о территориальном распространении основных русских наречий с группами говоров внутри наречий; ценным как приложение оказался и очерк русской диалектологии [см. 1].

В предвоенные и полевые годы XX века накапливался опыт изучения народного языка, особенно в Европейской части нашей страны. Целью было создать Диалектологический атлас русского языка, который призван помочь в уточнении диалектного членения русского языка. К 1965 г. была создана карта с уточненным выделением наречий и групп говоров; при вспомогательных объединениях — диалектных зонах [2].

В последнее время была проведена группировка говоров Н. Н. Пшеничновой [12].

Упомянуть о таком важном итоге изучения народной речи необходимо, как бы ни оценивать каждую группировку и как бы ни относиться к результатам диалектного членения русского языка: многолетние тщательные исследования говоров позволили накопить, позволяют и дальше накапливать материал, который характеризует живой организм — диалекты как важный пласт национального языка, без которого не может быть и понимания значимости русского литературного языка.

Известно, что язык на протяжении не только столетия (столетий), но и десятилетий (десятилетия) может подвергнуться изменениям, особенно при проявлении активной роли внешней лингвистики, по терминологии Ф. де Соссюра [14]. А весь XX век оказался настолько насыщенным разными политическими, экономическими, культурными и прочими событиями, которые не остались бесследными прежде всего для русского языка. Так, новая обстановка в

стране после Октябрьской революции, когда массы неграмотных и малограмотных людей были привлечены к познанию тайн чтения и письма, заставила существенно изменить нормы литературного языка в области произношения (орфоэпии) (ср., например, распространение произношения [-з'и́], [-к'и́], [-х'и́]), [ч'и] за счет [-зѣ́], [-кѣ́], [-хѣ́]), [и́и]). Если даже устойчивая, кодифицированная часть национального языка (литературного языка!) не устояла под воздействием экстралингвистических факторов, то некодифицированная устная народная речь тем более должна активно реагировать на более широкие контакты с носителями городской речи, литературного языка; на появление в сельских условиях сначала радио, кино, а потом и телевидения, театра. Относительно замкнутый, стабильный круг сельского быта, деятельности, особенно для женщин, которые в прошлом мало выезжали за пределы своей деревни, оставаясь хранительницами домашнего очага, был разорван: иногда вынужденные переселения, необходимость работы, службы в других местах не только для мужчин, но подчас и для женщин заставляли носителей диалекта еще ряда десятилетий XIX века вольно или невольно что-то менять в своей речи.

Поэтому так важно наблюдать, изучать, систематизировать то, что осталось стабильным в говорах, и то, что изменилось в них. Результаты такого наблюдения наиболее наглядны в виде картографического представления материала: «...сама идея лингвистического атласа предполагает предварительное знание основных фактов данного языка» [8: 154].

Если в 1937 г., на лекции 26 июня для студентов-заочников Ростовского-на-Дону пединститута, Б. А. Ларин говорил о диалектологии как о еще не сложившейся науке [5: 107], то, например, Программа собирания сведений для Диалектологического атласа русского языка, изданная в

1947 году [10], свидетельствует, насколько продвинулись вперед и практические, и теоретические изыскания диалектологов: заведомо предполагалось, что «собиратели материалов для атласа» «могут встретиться с теми или иными новыми фактами» [10: 155], а значит, и соответствующим образом «увидеть» и зафиксировать их [10: 156]. Любой вопрос Программы о специфике того или иного языкового факта или о говоре в целом «должен быть решен в результате изучения говора, а не до изучения» [10: 159; выделено авторами Программы. – Л.К.].

Программа 1947 г. подчеркивала, что в послевоенной деревне «на одной и той же территории по существу наличествует несколько языковых систем» в зависимости от носителей говора: 1) старшее поколение, часто неграмотное, в особенности женщины, как и дети дошкольного возраста, которые воспитываются «большой частью под надзором бабушек и дедушек», представляют «традиционный тип говора» [10: 174]; 2) молодое поколение, активно участвующее в жизни села, местная интеллигенция владеют говором, «который более или менее приближается к нормам литературного языка» [10: 175]; 3) труднее определить переходные типы говоров «между этими полярными типами» [10: 175].

Составители Программы подчеркивали, что особенно «за последние 15 лет» (т.е. с начала 30-х годов XX в.) «совершались большие сдвиги и в языке — переход от системы традиционного говора к говору передовых групп сельского населения, более или менее приближающемуся к системе литературного языка» [10: 175-176]. Говоря о пережиточности диалектов, начиная «с эпохи капитализма» [10: 176], о том, что «процессы нивелировки говора в современных условиях протекают весьма бурно и скоротечно» [10: 179], о том, что «языковые процессы современной деревни» «ведут к унификации и нивелировке говоров, к

единству языка и отмиранию диалектов» [10: 181], авторы Программы, будучи объективными, предполагают сбор того материала по традиционным говорам в их языковой дифференциации, картографирование и изучение которого и даст «наиболее важные материалы для истории языка», «для истории формирования русского народа и истории освоения им всей той обширной территории, на которой распространен сейчас русский язык» [10: 180].

И правы оказались те, кто надеялся на получение важных сведений о народном языке: именно вторая половина XX века дала богатые и уникальные результаты в познании и представлении-сохранении народного языка: диалектные словари, диалектные атласы, исследования по диалектологии...

Так, с 1936 года — начались работы над Диалектологическим атласом русского языка с вниманием к Северо-Западу Европейской части страны; в 1939 году начали изучать говоры центральных областей. После войны — постепенный выход томов ДАРЯ. В 1974 году И. А. Попов составил Проспект (Проект) Лексического атласа русских народных говоров [9], но только с конца 80-х годов XX века вузы Европейской части страны во главе с академическим руководством (Институт лингвистических исследований РАН) приступили к сбору и обработке материала для ЛАРНГ. В 2004 году вышел пробный выпуск атласа [6]. Значимо участие ученых нашей страны в создании Общеславянского лингвистического атласа — уникального лингвистического труда, представляющего славянские диалекты в огромной единой системе, помогающей осознать историю и современное состояние славянских языков.

Во второй половине XX века создаются и выходят выпуски ценных диалектных словарей псковских, вологодских, архангельских, смоленских, новгородских, брянских, донских, Среднего Урала, Карелии и сопредельных облас-

тей и многих других говоров... Это важные свидетельства о жизни народа и ценные данные о народном слове. Продолжают выходить выпуски сводного Словаря русских народных говоров, который объединяет знания о всем массиве народной речи русского народа: богатство картотеки, сведения о своеобразии лексем и об их содержательной стороне на фоне территориального пространства русского народного языка.

Какими бы ни были достижения XX века в развитии диалектологии, не перестают волновать ученых и самих носителей народного языка судьбы говоров в зависимости от пережитой военной трагедии XX века. Война сдвинула людей, заставила их переселяться и на соседние русские территории с другими говорами, и на территории с другими языками вообще; возвращение в родные места бывало трагичным — оставались пепелища, необходимо было начинать жизнь заново, принимать участие в судьбе и новых, пришедших в эти места людей из других регионов... Вольно или невольно все задумывались о судьбе родного языка.

Так, бабушка Марфа (Марфа Петровна Сидорова (1876-1959 гг.) из д. Ремда, Гдовского р-на, Псковской области), яркую речь которой прекрасно увековечил В. И. Трубинский в оригинальном учебном пособии по диалектологии — «Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем» [15; в дальнейшем примеры из этой книги сопровождаются указанием на страницу], вспоминает о трудностях жизни в войну, тем более, что людям пришлось переселяться: *В эту вайну ны были атступифшы, ф Палнафском районе жыли... Ны были выселены, большэ месица жыли в Вешках... Были фси убекшы в вайну, вёрс за семдесят...* (27-28). Понимали псковичи тяготы и тех, кто как беженцы пришли в псковские деревни: *А скока бежэцэф-та была в вайну, фсё большэ с-над Линграда. Фсё иду, иду на диревни...* (27). Бабушка вместе со всеми перенесла трудности: *Ай бежэн-*

цы горя-та навидали, бенными... И самы были атступифшы; дык тожэ на зени спали. Бежэнцам, брат, пацот маленький... Скатину, фсё абабрали. Пришли абратна, дык анна баенка астафшы тока... (27-28).

Смена людей в деревне неизбежна при военных потрясениях: Там [в Вешках. — Л. К.] таперь-та нарот молодой. Е ль там хто старикоф аль нет... Таперь нарот-та тамацка збунтовафшы [“сбунтоваться” = перемешаться], анны суды, други — туды. Весь нарот пиримянифшы: малыды пириехали, старыи памёршы... (28). От носителей местного говора — от людей старшего поколения, по словам бабушки Марфы, жыхарей [= жителей] шэсь или сем, думаю, што столька, не большы... (28). Трагично звучит рассказ о вымирании людей как о результате пережитого: Ф Падбаровы [в дер. Подборовье] нашэй роды [= родни] нет, тожэ семья фся вымершы, фсё за еты годы... (28). Семьи вымирали потому, что война прошла по жизням людей, и потому, что в условиях нового времени семьи объективно становились малочисленнее. Смена жителей в селе, в военные и послевоенные годы происходила вынужденно, но села еще не оставались пустыми, как это случилось в последующие десятилетия: И в вайну и после вайны фсё взаменку мяняся — то туды, то суды, то атступали, то прияжжали. И в Омды [в дер. Омда] каторых знала, дак фси вымершы... (28).

Вероятно, как новое слово, связанное с положением военного времени, звучало в речи бабушки Марфы *отступать*, а не раз повторенные *памёршы*, *вымершы* жестоко, но точно передали последствия военных дней.

Итак, меняется человек в зависимости от трагических обстоятельств, обогащается его языковой опыт в общении с псковичами из разных мест и с людьми из других регионов. А что происходит с языком? С народным языком?

Неизбежное обновление языка шло за счет прежде всего лексического состава. Война приносила свои слова, которые активно звучали (*беженец/беженцы*, *отступить*, *шинель/шинели* и др.), а мирное время с новыми условиями жизни, с поступающими через радио сведениями — свои. Так, в рассказе о пьянице, который вместо отдачи долга *и теперь ведё* [дрова], в речи бабушки Марфы звучит с возмущением: *Куды аны бесы тока деньги дяваю, што у нас заёмна касса?..* (29) (приспособление недиалектного, городского выражения *касса взаимопомощи* к наименованию в речи сельской жительницы — *заёмна касса*). Хотя бабушка Марфа говорит: *Ны [= мы] фсё равно мала понимаем... В радиви паинацы гаваря, дык ны и не понимаем...—* она живо воспроизводит сведения и об атомных бомбах (*Сёвонни па радиву а матавых [атомных] бонбах многа гаварили... Пра матавыи бонбы спаминаю, а што к цыму — ня знаю...)*, и о холодной войне (*Халонная-та вайна — я и ня знаю шо такое...)*. Будто как безнадежность восприятия речи по радио («чужой» речи!) звучит рефрен пожилой женщины: *Пакуль гаваря, патуль и помниш...* (30).

В сохранных записях, сделанных молодыми исследователями, бабушка Марфа, обнаружившая свой острый ум и яркую речь, предстала как человек, умеющий оценить и близкое для себя (непосредственную, окружающую жизнь), и важное для всей страны: *Караюцца фси, то протиф нас, то за нас...* (30).

Но типичные особенности речи (например, яркое твердое цоканье) продолжают отличать речь женщины старшего поколения (*Фсяк сваю нацыю имел... (23)* — о связи людей одного социального и профессионального уровня; *У фсякава свая нарецыя... —* эта мысль повторяется часто). В речи бабушки Марфы всепобеждающее цоканье, только при редком проявлении звука [ч] (*Чатыри сястры были здесь, жыли... — 19; Вить свет-та не таперь начомшы... —*

30). Этой чертой речь Марфы Петровны отличается от речи ее мужа Филиппа Сидоровича, который не цокает: *вечэр, ничэво* (31). У бабушки Марфы отмечено и [к] вместо [ч] (*жсалаванье палукае* – 31), и [кв] вместо [цв] при «несвершении» второй палатализации заднеязычных согласных: *Яблани не квители в эат гот... Яблани висной квитя... Нынец нимнога была квету... Яблани были как аблитыи кветам...* (34); *В угурцах пустаквета нынец многа, квяты йе, а пад ним угурецак нет...* (35).

Внимательный, профессиональный взгляд лингвиста сумел навсегда сохранить и донести до читателей много ярких черт говора одного человека, который при сохранении основных особенностей своей речи, несмотря на пережитые военные катаклизмы, явился образцовым носителем одного из псковских говоров. Это служит примером того, как прочны корни родного языка, если человек одарен в языковом отношении, живет судьбами родного края и его носителей: некоторые отклонения от естественного функционирования родной речи не всегда способны разрушить диалектный статус индивидуальной языковой личности. С каким удовольствием бабушка Марфа советует диалектологам: *Записываити, а кто гаратской да ня знафшы, ни ведафшы, так ы насмеётса...* (10); реагирует на отличную от принятой в деревне особенность в речи одной девушки: *У фсякава свая нарецыя, фкрук анной дефки смяялись. Што ни скажэ — фсе на “чы”*; далее следует даже некоторое сочувствие по поводу того, что говорит она не так, как все: *Ёна красивая така была, вёрткая. И фсё на “чы”...* (11).

Есть у бабушки Марфы и осуждающая оценка, если человек под влиянием новых условий жизни, попав в родную деревню, старается говорить по-новому: *А анна пажыла в горади, вышэцы за ваеннава была, дык как-та была приехафшы, видит скатина-та гоница: “Мама, а мама, эта*

што за скатина с рагами?..“ (собиратели подчеркивают: «Особый акцент М. П. сделала на последнем слове. <...> с едкой насмешкой произнесла окончание -ами...») (12). Сам диалектоносите́ль верно объясняет, почему могут измениться и слова, и звуковой облик речи, — под влиянием другой языковой обстановки: *Раньшы гаварили старики: “уехафшы ф поле арать”... А с салдат придут — тыи ужэ “пахать” гаварят. Тыи начыкафшы, навырефшы, науцыфшы ат нацальсва... В армии можна быстра навыреть, начыкаться, ф казармах фсё на “чы”...* (11).

Противопоставление «свое» – «чужое» проходит через оценку языковых черт односельчан, но, зная и понимая другую систему, бабушка Марфа в речи прочно держится «своего», даже если не всегда приходится его употреблять: *Гот ыль два не гаварили, а пришлось кстати — и скажэш...* (11–12). Владение общерусским и местным, умение «кстати» выбрать подходящее отличает Марфу Петровну как прекрасного знатока своего говора: *А вот нагам болька... Сама-та ходиш — гавариш “болька”, а накажэш дахтарам — скажэш “больна”...* (11).

На примере речи Марфы Петровны можно было бы составить представление о том, насколько устойчивы диалектные черты в речи сельских жителей.

Люди старшего поколения, выросшие на речевой культуре местных говоров, поскольку родились в XIX веке, выработали устойчивость по отношению к инородным влияниям. Так, диалектоносители из д. Городно, Дедовичского р-на, были 1876, 1868 годов рождения, прекрасно владели народной речью, но в 1959 году не цокали (*Харош барканьчак. Нынчя някли бабашки бабахи.*), в то время как в тетрадах, отражающих записи 1959 года, постоянно встречаются случаи с цоканьем в разных местах: и в Палкинском р-не (*Я хацу калицынки. Буду нониц цэным мылатить. Цэриссядельник нада смянить.*), и в Псковском р-

не даже в фольклорном тексте (*Поеду во Китай-город гуляти, цаво нада жаны закупати.*), и во многих других. Записывая в 1959 году речь жителей в деревнях Релка, Лешино, Прутково, Дедовичского р-на, в самом поселке Дедовичи, собирательница подчеркивала, что наиболее сохранился говор в д. Лешино, где остались местные старики, а в других деревнях население сменилось очень резко из-за переезда из разных других деревень.

Собиратели в Карамышевском р-не в 1959 году отмечали, что война трагично прошла по судьбам людей и населенных пунктов: «Край был оживленным», а теперь — «много деревень, от которых остались одни названия» (д. Коконогово), «Деревня была большая, но теперь в ней 4 домика, так как немцы при отступлении все дома сожгли. И людей» (д. Большие Пищевицы). Значит, перемешались жители и этой деревни, и других. И люди теперь не цокают, отмечает собиратель П. Бережная, студентка-заочница: ее отцу 63 года, он знает диалектные слова, но уже часто говорит без цоканья; бабушка же цокала.

Представители же более молодого послевоенного поколения уже в 1959 году не очень заботились о том, чтобы «хранить верность» говору своих предков, когда вокруг активно проявляется влияние многих современных факторов. Отрицательно относился к такой «неверности» их односельчанин старшего поколения из д. Литвиново, Опочецкого р-на: *Полуцыфшы паспорт, будет он жыть ф колхозе!*

В 1958 году в д. Загривье, Сланцевского р-на, удалось записать речь Василия Игнатьевича Копаева, с 1874 года, родившегося, как сам он подчеркивал, при Александре III и пережившего многое за свои 84 года: *Новых начальстваф сколько пережыли! И Сибири хватил.* Самое главное — война заставила «попутешествовать». В рассказе Василия Игнатьевича совмещается изящество речи старого человека

(*Барышню адну ранило в лясу. В 44-м фронт у нас стаял. За Радовелью километра три. От кардона до Радовли километра четыре. Граница была на главных дорогах, а по мху можнъ быть. Аскърбления не наводили, не наносили, толькъ ш шуткъм фсё была.*) с включением новых слов, освоенных диалектоносителем в военные годы (*Укуировали нас в апреле 45-го года. В землянке цэлый гот пробыли. Бункера были зделаны. Так по ступенькам вверх и поднимались.*). В рассказе о тяготах войны звучат привычные экспрессивные слова: *Мы-тъ нечаянно укралися. Нам уда-лося удрать, а немец нас к Нарове прикладом под задницу гнал. Перяправы нету, мост нарушылся. А мы удрали. Ани нашли нас, три падводы увяли.*

Даже только на примере псковских говоров можно составить представление о том, как слова уходили в пассивный запас или при необходимости возвращались в активное употребление. Так, Ольга Егоровна Егорова, 1887 года рождения, из д. Мельницы, Псковского р-на, в 1965 году рассказывает: *Пирид вайной мы жыли ниплоха. Ситцы стали привазить, ткать ужы самым не прихадилась. А посла вайны натерпелись мы горя. Сама старая, асталась с внучкай [сына с невесткой враги расстреляли]. Ничовиньки не была. В мяня толька набойник, рваное полупальто, триушышка сынаф и камашы рваныи. Нада фсё сывнава делать.*

15 августа 1945 г. записан рассказ Михаила Ивановича Иванова, 1896 года рождения, из д. Деревницы, Новоржевского р-на: *Ничаво тяперь ат нашей дяревни ня сталась. В Выбаре был народом, и читальня, и бальница. Пат школу была пять дамоф. Бальшыя фсё дама, двуятажныя. В Выбаре была дамоф окала сямидесяти, и магазины были. Ямтаес был рядом, так и сътенки фсё взарвали... Дзве цэрквы были — анна дярявяная, анна камяная, немцы сажгли.*

Вынужденное знакомство с другими говорами позволило самим псковичам задуматься над родной речью. 76-летняя Мария Карловна Белова, 1918 года рождения из д. Кунино, Опочецкого р-на, в 1994 году вспоминает: *Плюшыфка — жакетка ис плюша. А в эвакуацьи на Урале я не поняла. Мне гаварит адна жэнишына: “Ба, какая баская лопать”*. [См. и 4.]

Фактически с послевоенного времени при сборе диалектных сведений собирателям пришлось нарушить строгое требование записывать речь не просто от местного жителя, но от прошедшего жизнь в родной деревне: ведь на разное время прежде всего война перемещала людей (и псковичей!) к носителям других говоров или даже других языков. И сами диалектоносители подчас могли дать справедливую самооценку своей речи. Так, в 1994 году в одном из южных районов Псковской области женщина объясняет свои некоторые фонетические особенности тем, что в молодости она была партизанкой в Белоруссии; другие информанты вспоминают: *Мы были в Ёстонию ивакуираван немцами* (д. Вальнево, Псковского р-на); *А кагда ослабанили Литву, нас привязли дамой. В Литвы я хадила как пастух на очереду* (д. Старухино, Псковского р-на); *Буду помнить, что за птица этот немец* (вспоминает в 1959 году 76-летний Егор Григорьевич Григорьев, побывавший в Австрии в плену).

Объективные судьбы людей и их языка поддержали теоретическое положение Б.А. Ларина о том, что собирать диалектный материал надо от людей разных возрастов: это отразит естественное состояние народной речи. Приходится верить в конечную силу и стойкость родного говора. Ведь и на рубеже XX-XXI веков удается фиксировать и цоканье, и яканье, и даже вид корня с заднеязычным согласным [к] (*кедить*)...

И сейчас, а не только сразу по итогам обследования тех псковских деревень Порховского и Дновского р-нов, которые прилегают к среднему течению реки Шелони (т. е. составляют старые русские земли, упоминающиеся в Писцовых книгах), кажутся преждевременными выводы М. Д. Мальцева, что «пришелонцы в наше время производят созвучную перестиройку своих говоров» [7: 242]. К такому выводу пришел исследователь на основании того, что появляются новые слова, формы при отсутствии «чистой» архаической речи, так как псковичи говорят, «применяя такие формы, какие теперь оказываются общественно необходимыми, социально сильными» [7: 226]. Диалектные же черты, вопреки многим пессимистическим прогнозам, оказались стойкими!

И сейчас, по прошествии 60 лет после Великой Победы, поражает размах и энтузиазм работы по собиранию говоров на территории страны сразу после окончания войны: летом 1945 года только в Псковской области, измученной и опаленной войной, было обследовано 48 деревень (11 – в Псковском р-не; 7 – в Островском р-не; 7 – в Пушкиногорском р-не; 6 – в Новоржевском р-не; 5 – в Палкинском р-не; 5 – в Порховском р-не; 4 – в Печерском р-не; 3 – в Пыталовском р-не) под руководством Ленинградского государственного университета (начальником экспедиции была доктор филологических наук Е. П. Евгеньева).

Самоотверженность исследователей (студентов и их руководителей) вызывает преклонение: за годы войны они истосковались по полевым записям, было сознание необходимости зафиксировать, казалось, стремительно уходящее и изменившееся за годы потрясений. Затем исследователи поняли, что, несмотря на все сильнейшие экстралингвистические влияния, народный язык устойчив: до сих пор радуют нас своими «трофеями» ежегодные экспедиции и для Псковского областного словаря, и для Лексического

атласа русских народных говоров. А ведь были экспедиции и для ДАРЯ, и для ОЛА, и топонимические...

За 50 лет, с 1945 года, специально была обследована 1721 деревня из всех нынешних 24 районов Псковской области (многие не по одному разу). Создан богатейший архив и уникальная Картотека Псковского областного словаря, архив Лексического атласа русских народных говоров. Материалы для Псковского областного словаря хранятся в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б.А. Ларина при С.-Петербургском университете и в Псковском пединституте (ныне университете); материалы для Лексического атласа хранятся в Псковском университете, и копии переданы в Институт лингвистических исследований РАН (СПб). Картотека ПОС содержит несколько миллионов карточек. Это подлинное национальное достояние!

В 1996 году был создан и издан Кадастр (Свод) сведений по изученности псковской народной речи за 50 лет, начиная с 1945 года. За пределами Кадастра остались архивные материалы, касающиеся тех обследованных районов, которые в настоящее время не входят в состав Псковской области; не учтены материалы, хранящиеся в Институте русского языка РАН (Москва), в городах Литвы, Голландии, Норвегии и других стран, в личных архивах некоторых диалектологов. Не названы материалы фонотеки — записи на пленку живой псковской народной речи.

Приведенные по районам сведения об изученности псковских говоров за 50 лет, начиная с 1945 года, представляют большой научный интерес для исследователей — диалектологов, историков, социолингвистов, этнолингвистов — и для всех, кому дорога память о родном языке и о людях, носителях этого языка.

На основании проделанной работы по систематизации материала можно быстро найти архивные документы с за-

писью того или иного говора; можно установить, от кого были произведены записи; в известной степени понять источник некоторых диалектных особенностей. [См.: 11]

В Кадастре «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области», изданном в 1997 году, есть разделы о псковских говорах применительно к каждой из историко-культурных зон Псковской области [3].

Бескорыстные наши информанты, ставшие единомышленниками диалектологов и щедро дарящие собирателям память слова, тоже оказались верными служителями науки: после войны это были люди, родившиеся и в середине XIX века; сейчас это люди в основном рождения XX века; несмотря на многие новшества в условиях жизни, они сохранили специфику народной речи. Поэтому ученые по-прежнему торопятся зафиксировать все диалектные особенности, например, в Псковском областном словаре с историческими данными и в виде диалектных лексических карт в составе Лексического атласа русских народных говоров и в Лексическом атласе Псковской области, над которым тоже ведется работа в Псковском пединституте (педуниверситете).

Но не было бы тех достижений в области диалектологии второй половины XX века, если бы и в годы войны не трудились ученые над проблемами народной речи. В июле 1944 года состоялась в Вологде диалектологическая конференция с участием многих вузов страны, на которой обсуждали проект программы по сбору сведений для ДАРЯ. В 1945 году этот проект опубликовали как приложение к отчету о состоявшейся конференции. В феврале 1945 года Институт русского языка провел совещание по обобщению опыта работы и по подготовке документов для работы над ДАРЯ: важно, что утвердили Программу собирания сведений для ДАРЯ. Руководил составлением Программы Б. А. Ларин вместе с Р. И. Аванесовым и Ф. П. Филиным.

Видные диалектологи (Н. П. Гринкова, Е. А. Комшилова, С. А. Копорский, М. Д. Мальцев, В. Г. Орлова, В. И. Чернышев, А. С. Ягодинский и другие), историки языка (В. И. Борковский, В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. П. Обнорский, П. Я. Черных и другие), специалисты в изучении разных направлений языка (С. Г. Бархударов, С. С. Высотский, А. Н. Гвоздев, И. Г. Голанов, В. Н. Сидоров, А. Б. Шапиро, Л. В. Щерба и другие) активно и заинтересованно обсуждали все важные инструктивные материалы и поддержали необходимость немедленного активного изучения народной речи. В мае 1945 года Ярославский пединститут опубликовал Программу в специальном сборнике инструктивных и методических статей [См. 10] .

Благодаря таким трудам, как словари, как атласы, из их цитатного фонда создается облик диалектоносителя: “Современный сельский житель находится на пересечении нескольких культурных сред — региональной и общенародной, сельской и городской, старой и новой” [16: 235]. Из цитатного материала, например, Псковского областного словаря можно создать интертекст на тему войны, который «повествует непосредственно о военных действиях, проходивших на территории Псковской земли, об оккупации, партизанах, причем все это глазами тех, кто непосредственно в военных действиях не участвовал, глазами мирных жителей, по жизням и судьбам которых танковыми гусеницами прошла война» [16: 238].

Как человек выстоял в военное лихолетье, так и народный язык сохранился – генетическая память народа, благодаря которой можно узнать о прошлом и настоящем истории, культуры, быта малой человеческой родины, без которой нет большой истории народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.

2. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
3. Кадастр “Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области”. Псков, 1997.
4. Костючук Л. Я., Пеукая Т. А. От военной трагедии — к изучению народного слова // Научно-практический, историко-краеведческий журнал “Псков”, 1995, № 3. С. 169–176.
5. Ларин Б. А. Об атласе русского языка и современной диалектологии // Ученые записки Ростовского-на-Дону государственного педагогического института. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1939.
6. Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск / Отв. ред. И. А. Попов, Т. И. Вендина. СПб.: Наука, 2004.
7. Мальцев М. Д. О некоторых говорах Дновского и Порховского районов Псковской области // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 69. Кафедра русского языка. Л., 1948.
8. О построении “Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка” // Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка / Отв. ред. Р.И. Аванесов. М.-Л.: АН СССР, 1947.
9. Попов И.А. Лексический атлас русских народных говоров. (Прспект.) Л., 1974.
10. Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка / Отв. ред. Р.И. Аванесов. М.-Л.: АН СССР, 1947.
11. Псковские говоры и их носители (сведения об изученности псковской народной речи с 1945 г.). Псков, 1996.
12. Пшеничникова Н. Н. Типология русских говоров. М., 1994.
13. Русская диалектология / Под ред. П.С. Кузнецова. М., 1973.
14. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31–273.
15. Трубинский В. И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем. СПб.-М., 2004.
16. Черепанова О. А. Цитатный фонд словаря как форма вербализации общенационального и регионального сознания. (Цитатный фонд Псковского областного словаря как текст.) // Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция. В 2-х тт. Т. 2. М.: МГУП, 2003. С. 234–239.
17. Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч. I. Пг., 1916.

В. М. Алпатов

**ШКОЛЫ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
20–40-ых гг. XX в.**

Ведущими школами советского языкознания 20–40-ых гг. были три: Московская школа, восходившая к традициям Ф. Ф. Фортунатова, Петербургская (Ленинградская) школа, основанная И. А. Бодуэном де Куртенэ, и школа Н. Я. Марра (также в Ленинграде). Московская школа, именовавшаяся тогда «формальной», была ближе всего к западному структурализму, особенно к Пражской школе (в некоторых отношениях можно говорить о Пражско-Московской школе); школа не имела единого лидера. Основное направление Ленинградской школы возглавлялось Л. В. Щербой, другие ее крупные представители — Е. Д. Поливанов и Л. П. Якубинский — занимали обособленное положение. Школа Марра объединяла весьма разных по взглядам и интересам ученых, объединявшихся харизматической личностью ее главы; после смерти Марра в 1934 г. От школы отделились многие языковеды, однако И. И. Мещанинову удалось сохранить до 1950 г. ее значительную часть в качестве единого направления с общей тематикой и общими идеями.

Наряду с этим существовали и языковеды, работавшие отдельно или в рамках небольших групп. Казанская школа оставалась в лице ее последнего представителя В. А. Богородицкого. Активно заявила о себе, но быстро распалась группа «Языкофронт», в основном, слившаяся с Московской школой. Особое место занимал В. В. Виноградов, более близкий к Ленинградской школе; переехав в Москву, он не примкнул к Московской школе, а стал создавать собственную. Совершенно обособлен был кружок М. М. Бахтина, результатом деятельности которого стала книга В. Н. Волошинова «Марксизм и философии языка».

СОДЕРЖАНИЕ

**ИНСТИТУТЫ АКАДЕМИИ НАУК
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

- А. Н. Анфертьева.** Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН) во время войны и блокады..... 5
- А. С. Курилов.** Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН в годы войны. Отчет о работе Института мировой литературы им. А. М. Горького за время пребывания его в Ташкенте (декабрь 1941 – апрель 1943 г.) 52
- А. М. Решетов.** Вспомним, чтобы не забывали. Ленинградские этнографы в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг..... 85
- В. Н. Володина.** Научная деятельность сотрудников Музея антропологии и этнографии /Кунсткамера/ им. Петра Великого в годы войны и блокады..... 134
- В. П. Леонов, Н. В. Колпакова, Н. М. Баженова.** О вкладе Библиотеки Российской академии наук в победу в Великой Отечественной войне..... 143

**СЕВЕРОВЕДЕНИЕ И ВОЙНА
К 100-летию со дня рождения А. П. Пырерки**

- А. Н. Жукова.** Вехи на пути исследования языков малочисленных народов Севера (1930–1950-е годы) 159
- М. Я. Бармич.** Антон Петрович Пырерка – первый ненецкий учёный..... 167
- Ю. В. Канев.** А. П. Пырерка – прыжок через тысячелетия 177
- Е. Г. Меньшакова.** Документы и вещи личного происхождения семьи А. П. Пырерки и Н. М. Терещенко в собрании Ненецкого окружного краеведческого музея..... 185

- Т. Ю. Журавлева.** Георгий Николаевич Прокофьев – создатель ненецкой письменности..... 193
- М. Д. Люблинская.** Первый ученик (о Григории Давыдовиче Вербове)..... 197
- Е. Т. Пушкарева.** Язык ненецких фольклорных текстов (к вопросу о конструкциях с идиомой *хара вуни тая*)..... 207
- А. А. Бурькин.** Судьба рукописных материалов по фольклору эвенов в записях Н. П. Ткачика (1906-1944)..... 210

СУДЬБЫ УЧЕНЫХ

- Л. Э. Найдич.** Ленинградские филологи на фронтах Великой Отечественной войны..... 229
- В. М. Павлов.** Отрывок из воспоминаний..... 268
- М. В. Зеликов.** Лингвистическое наследие С. Л. Быховской как важное звено историко-типологических исследований отечественного языкознания..... 287
- Н. С. Гринбаум.** Воспоминания (Ленинград, 1945–1948 гг.)..... 293
- Б. Б. Ходорковская.** Иван Иванович Толстой как ученый и как преподаватель..... 302
- Н. Н. Казанский.** О Софии Венедиктовне Меликовой-Толстой..... 303
- Л. И. Толстая.** Блокада... блокада... для всех одна – и для каждого её пережившего, своя..... 304

ВОЙНА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНЕ

- Л. Я. Костючук.** Война и судьба русской народной речи (состояние и изучение говоров)..... 311
- В. М. Алпатов.** Школы советского языкознания 20-40-ых гг. XX в..... 329